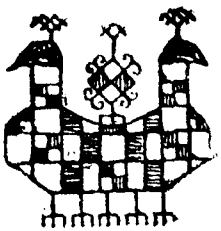
М. Д. Кривополенова

Былины, скоморошины, сказки

63800

Редакция, вступительная статья и примечания А. А. МОРОЗОВА



Архангельское издательство

1950

М. Д. Кривополенова. 1916.

Рисунок Е. В. Гольдингер (Гос. Третьяковская Галлерея. Москва).

МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА КРИВОПОЛЕНОВА

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Десятое декабря 1915 года.

В большой, переполненной доотказа зале архангельского торгово-промышленного собрания на эстраде маленькая беззубая сморщенная старушка в синем крашенинном костыче. Белые рукава с крупными черными горошинами. Повойник, поверх которого пестрый, завязанный узлом у подбородка платок. Отрывисто, словно подбрасывая на руке веселые самоцветные камешки, старушка поет:

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина:
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахивает,
Он черным хвостиком тут поправливает...

Она поет просто, с лукавым удивлением и радостной убежденностью, словно сама сейчас видит, как плывут по синему морю жернова, как на горе корова белку лает, а степенный гуляка таракан, прогулявший сорок лет да все за печью, вдруг вышел себя показать да на людей посмотреть к печному столбу и, увидав в лохани воду, спрашивает:

А не то ли, братцы, все синё море?

И почти загадочно, что этот пустячок, ребячья потешка, „перегудка" завораживает взрослую, почтенную, по-провинциальному чинную аудиторию. Сперва молодые, а потом

более степенные голоса подхватывают припев. Старушка радостно машет рукой и как бы подбадривает. Она разрумянилась и воодушевлена. Все морщинки ее светятся торжествующим весельем. И вот уже весь зал гудит и вторит:

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина...

Так заразительно, с таким чистым сердцем, так естественно и проникновенно поет диковинная старушка незамысловатую северную перегудку. И в том великая сила подлинного народного искусства, что оно открывает для художественного восприятия подчас кажущееся незаметным или незначительным.

На этом вечере, как сообщала в короткой заметке местная газета „Северное утро"[1], Марья Дмитриевна Кривополенова пропела еще несколько старин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, историческую песню о „Скарлюте-Малюте" (Иван Грозный и его сын) и один из духовных стихов.

Кривополенова выступала у себя на родине после всероссийского признания.

Еще летом 1915 того же года на берегу Пинеги, в ожидании покуда сдвинется с места омелившийся пароход, московская артистка Ольга Озаровская познакомилась со старой нищенкой, пробиравшейся за подаянием подальше от родных мест.

Рассказывают, что Озаровская, собиравшая песенную старину и все время мечтавшая найти выдающуюся сказительницу, остановилась передохнуть у знакомой пинежской „плачеи" (Прасковьи Олькиной) и задремала. Во сне ей почудилось совершенно необыкновенное пение. Озаровская пробудилась. А пение не смолкало. Она вышла на крыльцо, а там сидит крошечная сухонькая старушка и тихонько напевает редкую былину. Это и была М. Д. Кривополенова.

Озаровскую поразил сказительский талант Кривополеновой.

Не долго думая, она предложила бабушке поехать с ней в Москву. А Кривополеновой шел уже восьмой десяток. Но она отважно согласилась пуститься в далекий путь.

— Куда ты, бабка? Помрешь! — отговаривали ее.

— А не велико у бабки и косьё, найдется где место его закопать...

[1] „На вечере северной бабушки", газета „Северное утро", Архангельск 13 декабря 1915 г., № 277.

За плечами у Марьи Дмитриевны долгая безрадостная жизнь, раннее сиротство, горькое замужество в далекой, глухой деревне Шотогорке за вечно пьяным драчуном мужем, посылавшим ее „по кусочки".

А затем уже вовсе бездомная старость, „лишний рот" у надломленной горем дочери и снова странничество с корзинкой в руках. И вот словно по щучьему веленью она попала „в самое каменну Москву".

В Москве в Большой аудитории Политехнического музея был устроен вечер, на котором Кривополенова исполняла былины.

Пинежская старушка не чувствует себя смущенной в ярко освещенном зале, наполненном столичной публикой. С доверчивым воодушевлением поет она древние старины о подвигах русских богатырей. Ее глубоко захватывает все, о чем она поет, и потому она заражает слушателей своей искренностью и бескорыстным энтузиазмом.

Ее личное обаяние было огромно, и она сразу завоевывала аудиторию. Но и внимание зрительного зала необычайно вдохновляло и зажигало ее. Она оживлялась, разговаривала с публикой, поясняя содержание старины, иногда сходила с кафедры и перебиралась на середину сцены, даже усаживалась на стол. И все это непринужденно, как бы по мгновенному порыву.

На одном из первых вечеров в Политехническом музее в перерыве какой-то студент, видимо, из небогатых, преподнес Марье Дмитриевне уже початую коробку конфет, так сказать от полноты чувств. Когда дело дошло до „Небылицы" и Марья Дмитриевна по своему обыкновению предложила публике подхватить припев, то, разгорячившись, она схватила со стола эту коробку и дирижировала ею всем залом. Конфет оставалось немного, и они весело тарахтели в коробке.

Очарование было так велико, что и после концерта, проводив горячими аплодисментами „бабушку", публика напевала вполголоса припев незатейливой небылицы, расходилась с ним к вешалкам, на улицу и по домам.[1]

Выступала Марья Дмитриевна всегда совместно с Озаровской, которая не только предваряла эти вечера рассказом о своих поездках по русскому северу, но и сама исполняла записанные ею образцы художественного фольклора, преимущественно сказки.

[1] По воспоминаниям скульптора Ивана Семеновича Ефимова, присутствовавшего на этом вечере.

„Вчера в переполненном публикой Большом зале Политехнического музея, — писала 27 сентября 1915 года газета „Русское слово", — М. Д. Кривополенова пела старинные былины и скоморошины, заученные ею с голоса еще от своего столетнего деда, и покорила москвичей. Перед успехом маленькой, сухонькой старушки в расписных валенках и пестром платочке померк даже успех О. Э. Озаровской, удачно, с подлинным юмором передававшей несколько былей и сказок, записанных ею со слов северных сказителей"[1].

На фотографии, опубликованной в иллюстрированном приложении к этой газете[2], М. Д. Кривополенова снята вместе с Озаровской. Скромная, строгая, сосредоточенная, с глубоко запавшими задумчивыми глазами, темными иссохшими от работы руками, по-деревенски прибранная и опрятная, в простом, привычном будничном наряде северной крестьянки. И рядом одетая в пышный праздничный северный парчевый убор, в расшитом жемчугом золотом кокошнике, напоминающая оперных боярышень, круглолицая и улыбающаяся артистка Озаровская.

При всем своем, несомненно, искреннем увлечении северной стариной и народным художественным словом Озаровская не могла не производить впечатления некоторой искусственности рядом с Кривополеновой. Озаровская была „наряжена" для сцены в непривычное для нее платье. Она только „исполняла" то, что ей удалось собрать и изучить на севере. Марья Дмитриевна просто делилась тем, что было искони ее неотъемлемым и единственным художественным достоянием.

„Сначала „сказывает" Озаровская, а затем переходит очередь к старушке, — описывает выступление Кривополеновой в литературно-художественном кружке корреспондент московской газеты „Утро России". — Она не столько сказывает, сколько напевает былину однообразным речитативом, с особым ритмом и своеобразной мелодией у каждой былины и сказки. Сказывает она их истово, с почти неподвижным лицом и только в местах, требующих особого подчеркивания, то головою кивает, то взмахивает беленьким платочком. Веет

[1] „Русское слово". Москва, 1915, 27 сентября. По сообщению московской газеты „Раннее утро", на этом вечере М. Д. Кривополенова исполнила былины: „А было у нас во Цари-граде" (Илья Мурович и Чудище), и „Князь Михайло", и скоморошины „Вавило и Ненила" (Вавило и Скоморохи) и „Кострюк" („Раннее утро", М., 1915, 27 сентября).

[2] „Искры" (иллюстрированное приложение к газете „Русское слово" М., 1915, № 40, 11 октября).

с эстрады неподдельной седой русской стариною, звучит речитатив, порой напоминающий наивную мелодию гудка"[1].

На короткое время М. Д. Кривополенова стала „московской знаменитостью". О ней писали ученые статьи, и вокруг нее суетились юркие репортеры столичных газет. Ее то и дело фотографировали, делали ей небольшие подарки, возили в дорогих, мало еще кому доступных автомобилях. Так и рассказывала потом на Пинеге:

— По Москве-то на бесконех ездила...[2]

Всех, кто наблюдал в это время Кривополенову, поражала простота и естественность ее обращения. Она всегда оставалась сама собой, и потому все, что бы она ни делала, было всегда к месту. Она была очень мала ростом и невзрачно одета. И вот рассказывают, что в Москве, когда она едва ли не впервые вышла на сцену, ее не сразу приметили, и в публике долго еще не затихал гомон, шарканье, рассаживание, взрывы скучающих аплодисментов. Тогда Марья Дмитриевна строго и без всякого стеснения сказала:

— Угомонитесь-ко...

Она с большой серьезностью относилась к своим выступлениям, как к очень важному и нужному делу, словно сознавая или, во всяком случае, чувствуя всю значительность того художественного наследия, каким она обладала. Она требовала уважения и внимания не лично к себе, а к тому, что ей самой было бесконечно близко и дорого,— к народному художественному слову. О себе же она мало думала. У нее даже не объявилось желания вырядиться или покрасоваться в дареных и накупленных ей платьях:

— Москву шелками не удивишь... Это пусть у нас на Пинеге городовым нарядам подивуются,— сказала она.

И осталась в старом сарафане-костыче, со стеклянными пуговками до полу, как приехала с севера.

Душевная теплота и доверчивость сочетались у нее с чувством человеческого достоинства и природным умом.

„Удивительно держала себя Марья Дмитриевна в Москве, независимо, деликатно и ласково, — вспоминал впоследствии профессор Борис Матвеевич Соколов,— только при угощении она проявляла по деревенскому северному обычаю церемонность".

Она отлично разбиралась в людях и прекрасно различала, зачем и кому она нужна. Рассказывают, что в ответ

[1] „Утро России". Москва, 1915, 7 октября (С. Г., Вечер старинной русской сказки).

[2] Сообщено художником С. Г. Писаховым в 1945 г.

на назойливые расспросы одного московского журналиста, доведывавшегося у „лесной старушки", чем Москва отличается от Пинеги, она с лукавой наивностью ответила:

— Да на Пинеге бытто жерди будут на огородах потолще.

Но в Москве Кривополенова смотрела вовсе не на огородные жерди.

В Москве она как бы получила оправдание своим песням-старинам о славном прошлом своего народа. Всю жизнь на далекой Пинеге пела о каменной Москве — и все здесь нашлось.

— Уж правда, каменна Москва, дома каменны, земля каменна...

Она сама все „выходила и высмотрела". Посетила Кремль и поглядела на гробницу Ивана Грозного, нашла даже могилу его второй жены Марьи Темрюковны, о свадьбе которой она пропевала веселую скоморошину.

Старые камни словно оживали перед ее глазами.

Каменный мост она назвала Каликовым мостом и была убеждена, что именно стоя на нем кроткий царевич Федор Иванович промолвил:

А и много по этому мосту было хожено,
А и много то было езжено,
Того больше крови пролито...

Она отыскала за Москвой-рекой дом Малюты Скуратова, топнула посреди улицы ногой и запела древнюю былину.

Она была счастлива, что все, о чем она пела, оказалось не „вракой", а правдой.

— Все быль, все своими глазами высмотрела, все было на веках...

А когда Озаровская показала ей на Красной площади Лобное место и башенку в кремлевской стене, с которой Грозный смотрел на казни, она придрогнула и с трепетом в голосе сказала:

— Сколь ретивой был царь, своим судом все судил народ...[1]

---

[1] „Северное утро", Архангельск, 1915, № 265 (статья Озаровской). Такое же отношение к памятникам старины проявила сказительница Марфа Семеновна Крюкова, когда впервые в 1939 году попала в Киев. Она прилежно искала там улицу Игнатьевскую и переулки Маринки, злой волшебницы, которая „оввернула" Добрыню Никитича „оленем золоты рога". Она разыскала „могилу Ильи Муромца" в киевских

С тех пор при пении старины „Иван Грозный и сын“ она нередко приговаривала:

— То не в сказке сказано, а сама своими глазами все видела...

В 1915 году М. Д. Кривополенова выступала также на заседании Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете после подробного доклада Озаровской. Присутствовавший на этом заседании этнограф В. В. Богданов расспрашивал сказительницу: было ли всё то, о чем она пела в старинах, правдой, подлинными делами и событиями? Она ответила с большой убежденностью, что все это правда-истина, а если бы была неправда, то она и петь бы о неправде не стала. А старины она любила еще и потому, что тогда не было чиновников, которые обижают и притесняют народ „хуже татар“[1].

Огромное впечатление, которое произвела М. Д. Кривополенова в Москве, можно было сравнить только с тем воздействием, какое оказывала на слушателей в свое время знаменитая „вопленница“ Орина Федосова, выступавшая иногда и с пением богатырских старин. „Причеты“ Орины Федосовой нашли художественное отражение в поэме Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“. Максим Горький, слышавший ее в 1896 году, во время Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, когда Федосовой было уже за девяносто лет, сохранял воспоминание о сказительнице в течение всей своей жизни. Он не только поделился своими впечатлениями в написанном им тогда же особом очерке, но и запечатлел ее образ через тридцать лет в романе „Жизнь Клима Самгина“.

Вот как описывал Горький выступление Федосовой в Концертном зале выставки в своем первом очерке „Вопленница“: „Давно не переживал я ничего подобного... Где-то сбоку открывается дверь, и с эстрады публике в пояс кланяется старушка низенького роста, кривобокая, вся седая, повязанная белым ситцевым платком, в красной ситцевой кофте,

---

пещерах и долго сокрушалась, что старому богатырю, оберегателю земли русской, не поставили памятника над Днепром. Творчески перерабатывающая свои впечатления, М. Крюкова потом внесла в свои былины новые детали: описание Киева, какого нет в других, более ранних записях. (См.: Э. Бородина-Морозова, Марфа Крюкова о стольном граде Киеве, „Советская Украина“, Киев, 1941 г., 6 февраля).

[1] По воспоминаниям о М. Д. Кривополеновой Вл. Вл. Богданова, бывшего ученого секретаря Общества. (Написаны в 1949 году.)

в коричневой юбке, на ногах тяжелые грубые башмаки...

— Вы послушайте-тко, люди добрые,
Да былину мою — правду-истину.

Раздается задушевный речитатив, полный глубокого сознания этой правды-истины и необходимости поведать ее людям... По зале носится веяние древности. Растет голос старухи и понижается, а на подвижном лице, в серых ясных глазах то тоска Добрыни, то мольба его матери, не желающей отпустить сына во чисто поле... Публика разражается громом аплодисментов в честь полумертвого человека, воскрешающего последней своей энергией нашу умершую древнюю поэзию"[1].

Точно так же и выступления Марьи Дмитриевны Кривополеновой вызывали искренний восторг прежде всего тем, что в ее устах оживали исторические сказания русского народа. Казалось почти чудом, что сложенные в незапамятные времена эпические песни о подвигах русских богатырей сохранились в живой преемственности до наших дней, что на далеком севере народ заботливо передавал их из поколения в поколение, создавая и развивая нашу национальную художественную культуру.

Не сами сюжеты былин — давно известные по книгам — захватывали и покоряли слушателей, а живое и непосредственное отношение сказительницы к своим старинам, ее творческое воодушевление и твердая вера в истинность и доподлинность всего того, о чем она поет, та правда чувств и переживаний, о которой говорил Горький, характеризуя исполнение старин Ориной Федосовой.

Старины Марьи Дмитриевны Кривополеновой ставили слушателей лицом к лицу с древней культурой их родины. Они воскрешали воспоминания о подвигах нашего народа, пробуждали глубокие патриотические чувства.

Когда Кривополенова встретилась с О. Э. Озаровской, она уже давно была известна русской науке, о чем, впрочем, мало кто подозревал, а меньше всего, конечно, сама сказительница. Она, правда, помнила, что лет за пятнадцать до знакомства с Озаровской наезжал в их края какой-то „московец", снимал на машину с трубой ее голос (то есть записывал ее пропеванья на фонограф). Это был фольклорист А. Д. Григорьев.

[1] М. Горький. „Вопленница", газета „Одесские новости", 1896, 14 июня. (Цит. по книге: Н. К. Пиксанов. Горький и фольклор, Л., 1935 стр. 42—45).

М. Д. Кривополенова. 1916.

Скульптура С. Т. Коненкова (Гос. Третьяковская галлерея. Москва).

Он совершил несколько поездок по северу и 6 июля 1900 года заехал в Шотогорку, где пробыл три дня, записывая старины. Григорьев записал от Кривополеновой напевы тринадцати былин и пяти духовных стихов, а посетив ее через год, записал дополнительно еще одну старину—„Соловей Будемерович и Запава Путевисьня", которую за это время припомнила сказительница.

А. Д. Григорьев в краткой заметке о сказительнице отметил тяжелую бытовую обстановку, в которой она находилась уже тогда: „Живет Марья с мужем бедно, очень бедно: они живут в низкой двухэтажной без крыши избе с одной маленькой комнатой в каждом этаже". Григорьев сообщал, что уже тогда Марья была вынуждена нищенствовать. Она „ездит на своей лошади собирать милостыню по деревням, но в своей деревне она не собирает".

О горемычной жизни Кривополеновой рассказывает и О. Озаровская: „Много страданий приняла Махонька за свой малый рост, надрывалась за работой, чтоб бессильем не укоряли; замуж выйти не надеялась. А вот взял же. Хоть бедна, бедна, а приданое себе справила: полны „яшшички окованные" самодельного да самотканного. Муж от венца молодку в Вологодскую губернию на заработки увез, а через год бросил без копеечки. Надо домой за семьсот верст пешой попадать с младенцем у груди. Думалось, гадалось, желалось с мужем жить в совете да любви, а пришлось позор какой принять. Только бы домой добраться, там тихо, покойно с ребеночком заживу: в доме хозяйство заведено. Пришла и сердце захолонуло: в доме оконницы вынуты, сундуки взломаны — злодей раньше поспел, все пропил. Дыра, а не дом. И пошло, и пошло..."[1]

Муж ее, высокий, хмурый и нескладный, с годами становился все сумрачнее и лютее. Пропадал подолгу из дому и возвращался ни с чем. Не было его дома и когда наезжал Григорьев, который сообщает, что он в это время „подрядился сплавить лес к деревне Усть-Пинеге, вследствие этого отсутствовал уже четыре недели, большую часть выговоренных 12 рублей проел в дороге, а остальные деньги пропил и возвращался домой пешком".

Нужда скоро погнала Марью нищенствовать. Жившая в те годы в соседней деревне Турье Елизавета Клеоновна Третьякова вспоминает:

---

[1] О. Озаровская. Бабушкины старины, 2-е изд., М., 1922, стр. 11.

„Марья часто заночевывала в нашем доме, когда ходила собирать. Сироты много тогда ходило. А Марья приходила в нашу деревню редко. Не то что каждый день или каждую неделю. Ну да ведь и другие деревни были. Но она собирала только чтобы прокормиться. Старушка уже была. А сухарей не сушивала. Не задорилась.

„Войдет на порог, такая маленькая, едва видно ее. Шуба на ей с моршшинами, потянута сверху портном (холстом) синим. Хошь бедна, но опрятна ходила. Обиходна.

„— Ночевать не пустите, христа ради...

„— Ночуй, Марья, ночуй...

„— Дайте мне прялочку, дак попряду хоть сколько-нибудь.

„Мы сидим прядем, и она прядет. Не от лени ходила просить.

„Как и что она тут пела — не помню. Про Кострюка-Демрюка пела, да еще про скомороха, но что пела, не помню теперь. А вот на свадьбы ее звали — подголосницей. Невеста сплачет, а она, значит, помогает ей плакать...“[1]

„Еще ходил старик Леонтий из Немнюги (Карпогорского района). Того все зазывали сказки рассказывать. Он и про Илью Муромца рассказывал. Только не пел“,— добавляет Третьякова.

Таким образом, нищие и странники до известной степени поддерживали былевую традицию.

Вот еще один рассказ о деревенской жизни Марьи Дмитриевны Кривополеновой:

„Марья Тихоновка (по мужу ее так звали) часто у нас по Курги сбирала. И зимой приходила и всяко. По недели жила у Першиных. Деревнюшка была хлебная, урожаи хорошие. Она и живет, как придет. Мы вот, ребятишка, и бегам. Перед домом на мурок седем. А она песни поёт. А то начнем звать:

„— Пойдешь, Машенька, по ягоды?

„— Пойду.

„И идет с нами, малыми, по ягоды. На шелях мы брали. А она, как устанем, сядет и все сказки нам рассказыват.

„А как запоет она небывальшшину да неслыхальшшину, как по синему морю Волынскому (Хвалынскому) все жернова плывут, мы и кричим:

„— Поди давай! Как жернова плывут? Ведь камень!

---

[1] Е. К. Третьякова (1881 года рожд.) знавала Кривополенову до выхода замуж (т. е. в 1900 — 1903 гг.). Записано нами в Архангельске в 1949 году.

„— Нет, — говорит, — плывут...

„Тут смеху, и она с нами смеется. Ласкова была до детей.

„Много она тогда нам всего пела, да я не запомнила. Голос у ей был молодой. Нисколько не сменилсе.

„Когда ей нет, мы и ждем. Высматривам. А она и идёт, пошагиват. Летом она шла большой дорогой— по почтовому тракту.

„Зимой эта дорога западает. В зимне время она шла по лугу, потом за реку и к нам на угор. Чисто место, далеко видать, версты за три. А она маленька така катитсе. Мы и сбежимсе к ней. Кто на санках с горы— прямо на нее летим.

„— Мы тебя далеко видели. Всё дожидали.

„Вот она тут и зарадуется. И с нами тут зарозговариват. А то зажалуетсе. Дорогой-то, бывat, и бродно итти. Не молода. Платком повяжетсе по рылу-то, чтоб не обморозить. А зайдет в избу, обогреетсе, сидит за прялкой, рассказыват и сама смеетсе"[1].

Марья Дмитриевна целомудренно относилась к своему искусству и не пользовалась им для выпрашивания. Пела там, „где рады", где были люди, понимавшие и ценившие художественное слово. Поэтому, как сказительница, она и не пользовалась особо широкой известностью. Но зато „Махоня", живая и веселая, несмотря на все жизненные невзгоды, действительно была желанной гостьей на свадьбах.

„Как только свадьба, без бабушки не начинается",— рассказывала она о себе и в Москве[2].

А. Д. Григорьев первый оценил большое дарование М. Д. Кривополеновой. Он сразу увидел, что имеет дело с выдающейся сказительницей: „По знанию старин Марья является первой среди опрошенных мною по реке Пинеге. Старины она знает хорошо („истово"), поет она их быстрым распевом духовных стихов, энергично, отрывисто, с резкими ударениями. Старинам она выучилась от своего дедушки, который ходил по морю и был на Кедах".

У деревни Усть-Ёжуги начинались густые, непроходимые леса, через которые шел тракт на Мезень. На десятки верст здесь не было ни одного поселения, только изредка стояли „станции"— маленькие избушки, где останавливались отдыхать проезжающие. Мимо Усть-Ёжуги, позванивая колокольчиками, в снежной метели тянулись длинные обозы. „Ме-

[1] Аполлинария Никитишна Капшина, 54 лет, из деревни Курга. Записал А. А. Морозов 25 февраля 1949 г. в Архангельске.

[2] По воспоминаниям А. Д. Ипполитовой-Рязановой.

зенцы" и „пинежане", проезжавшие через Усть-Ёжугу и останавливавшиеся здесь на ночлег, коротали ночи, рассказывая сказки и побывальщины. „Мезенцы" слыли колдунами и скоморохами.

— Там, выше, все скоморохи живут, — говорили про них и обитателей пинежских верховьев по всей Пинеге.

Впоследствии Кривополенова рассказывала, что поморы, отправляясь на промыслы, брали с собой ее деда, который под старость сам уже не промышлял, а только пел старины и рассказывал сказки. Когда делили добычу, то „враль" получал свой пай наравне с остальными промышленниками[1]. Марья Дмитриевна в детстве бывала с дедом на промыслах и там перенимала у него старины. Обстановка — обычная на севере, где рыбаки победнее брали на тони своих ребятишек, которые кормятся возле улова.

Озаровская, также со слов сказительницы, сообщает, что „столетний" дед безотлучно находился с детьми, так как их не с кем было больше оставить. Дети то и дело приставали к нему:

— Дедушко, спой ста́рину...

Дедушко „заповорачивается, запокашливат — то скоро дедушко запоет". Споет былину про Илью про Муровича, длинную, длинную...

Ребятишки просят:

— Дедушко, спой коротеньку...

Споет дедушко коротеньку, дети просят длинну. Ребятишек отколе ни возьмись штук пятнадцать в избу понабилось. Все слушают: распелся дедушко[2].

Так и внялась Марьюшка в старины.

Этого деда Кривополеновой, как нам удалось установить, звали Никифор Никитич Кабалин. Родился он в 1786 году. Былины, усвоенные им в молодости, таким образом, уходят в XVIII век, ко временам, когда составлялся знаменитый сборник Кирши Данилова. Весьма примечательно, что его мастерство сказителя носило, повидимому, некоторые черты профессионализма.

Кроме записанных Григорьевым старин, Марья Дмитриевна слыхала от деда еще песню о походе на Ригу, о Щелкане и о спасении женщиной своих родных, но не усвоила этих песен[3].

---

[1] Об этом со слов сказительницы сообщила А. Д. Ипполитова-Рязанова познакомившаяся с Кривополеновой в 1921 году.

[2] О Озаровская Бабушкины старины, П., 1922, стр. 6.

[3] А. Д. Григорьев, т. I, стр. 334—335.

Былевая и сказочные традиции, повидимому, были очень сильны в семье Марьи Дмитриевны. „В молодости она пела старины вместе со своей младшей сестрой Марфой Дмитриевной, находящейся замужем в деревне Вихтове“,— сообщал А. Д. Григорьев. Кажется, знал старины и родственник ее по матери Онисим Ульянов (также из деревни Вихтово).

Славился впоследствии как сказочник и младший брат ее Ф. Д. Кабалин.

О сказительстве Марьи Дмитриевны Григорьев, по его словам, прослышал за пятьдесят верст. Интерес к старинам в Шотогорке поддерживался главным образом М. Д. Кривополеновой: „Особенно часто она поет Кострюка. Когда она приходит куда-либо на канун, ее просят пропеть Кострюка; она поет, а девки подтягивают... Так как в деревне Шотогорка многие осведомлены о знании Марьей старин, то при слухе о моем прибытии к ней для записи старин, к ней сейчас же собралась большая толпа любопытных крестьян и крестьянок, которые и в следующие дни приходили друг за дружкой или по нескольку сразу и послушать и узнать, как идет работа, так что мы редко бывали одни, хотя и перебрались в верхнюю горницу. Вечером же в первый день записи толпа настолько заинтересовалась подвигами Ильи Муромца, что, воспользовавшись остановкой записи по случаю того, что я стал пить чай, упросила Марью допеть про Илью Муромца до конца специально для нее; а вечером второго дня собравшиеся послушать терпеливо слушали трудную и длинную старину о Вавиле, удлинявшуюся еще благодаря остановкам при записи, дождались ее окончания и приветствовали его возгласами: „Слава богу, конец!“

Григорьев отметил также, что М. Д. Кривополенова однажды вместе с Варварой Чащиной (из деревни Городец, на левом берегу Пинеги) продавала на Усть-Ежуге сено и пела старины мезенцам. По сведениям Озаровской, М. Д. Кривополенова, повидимому, пела старины или, во всяком случае, духовные стихи и когда ходила по миру, обнаруживая, таким образом, некоторые черты профессионального исполнительства. „Будучи бедной,— говорит Григорьев,—она была очень рада возможности заработать пением старин: получив за пение в течение дня с небольшим почти два рубля, она пала от благодарности в ноги и приглашала заходить при случае к ней еще“.

В 1904 году вышел в издании Академии Наук первый том записей Григорьева „Архангельские былины и истори-

ческие песни", где среди материалов экспедиций 1889—1900 гг. были помещены записи текстов от Кривополеновой с нотными приложениями (стр. 333 — 391; ноты — стр. 679—688).

Сказительница была оставлена в своей прежней бытовой обстановке. И жизнь шла своим чередом. Мужа убили на дороге бродяги. И опять на старости лет ходит „по кусочки" крошечная старушка, которую звали на деревне „Махня", „Махонька". „Белые, теплые — внучатам снесет, черные высушит, сухарьки в лавочку продаст (там их для скота покупают). Ночует где бог приведет: добрым хозяевам и духовный стих споет и старину, где рады. А кто не просит, так для них что и „горло драть понапрасну. Своя гордость есть", — так писала о Кривополеновой Озаровская.

Озаровская открыла М. Д. Кривополенову как исполнительницу, как „артистку". Однако необходимо оговорить, что слово „артистка", пущенное Озаровской в применении к М. Д. Кривополеновой, надо понимать очень условно, лишь в смысле общего „артистизма": художественно-даровитой натуры, необычайной чуткости к слову, воодушевленности искусством, а не в смысле обычного сценического мастерства или актерского мимического дара.

По словам решительно всех слышавших и наблюдавших М. Д. Кривополенову, она пела старины всегда степенно, чинно, „истово", как и подобает старинщикам. Она всегда была чрезвычайно сдержанна, и ее исполнение никогда не сопровождалось „игрой". Только иногда, исполняя самые веселые свои старины — скоморошины, М. Д. Кривополенова разрешала себе жест. „Марья Дмитревна, — писал об исполнении ею „Кострюка" проф. Борис Соколов, — когда поет эту веселую былину-„скоморошину", как она ее называет, она вся оживляется, глаза ее сверкают искренним восторгом и заразительным весельем. Как бы для большего оживления действия, Марья Дмитриевна в некоторых местах былины машет платком, показывая этим, например, как Васенька хроменький стал Кострюка потряхивать":

На руках-то его потряхивает,
До земли-то его не допущивает...[1]

„Совершенно иначе пелись ею былины с серьезным содержанием. Слезы волнения не позволяли ей петь одну из тяжелых былин — о том, как князь Роман жену терял; при пении былин Марья Дмитриевна меняла выражение своего

[1] Б. М. Соколов. Сказители, М., 1924. стр. 110—112

голоса сообразно с содержанием былины. Так, явный упрек слышался в ее голосе, когда она пела про самонадеянное хвастовство богатыря в былине об Илье Муромце и царе Калине:

А было бы в матушке сырой земле,
А было бы в ней золото кольцо,
Поворотил бы матушку сыру землю.

Высокое мастерство Кривополеновой не было мастерством современного нам певца или актера. Это было мастерство древнего рапсода, проносящего через века художественное наследие своего великого народа.

* * *

Из Москвы М. Д. Кривополенова поехала в Петроград. Здесь ее выступления были поставлены на широкую ногу. Вот одно из объявлений о публичном выступлении Марьи Дмитриевны совместно с Озаровской[1].

63800

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ ТЕНИШЕВСКОГО УЧИЛИЩА

Моховая, 33

Последняя, четвертая лекция
сегодня, 2-го декабря 1915 г.

„ЗА ЖЕМЧУГОМ"

Рассказ о второй поездке по русскому Северу артистки О. Э. ОЗАРОВСКОЙ с участием крестьянки Архангельской губернии сказительницы МАРИИ КРИВОПОЛЕНОВОЙ.

Во внимание к возрасту сказительницы
просят не опаздывать

Начало в 7½ часов вечера

Билеты от 2 р. до 5 р.

Слушателями этих концертов были по преимуществу учащиеся петроградских средних школ, мужских и женских гимназий, реальных и коммерческих училищ, кадетских кор-

[1] Объявление взято из газеты „Речь" 2 дек. 1915 г. № 332.

пусов. Наиболее передовые педагоги-словесники, старавшиеся оживить методы преподавания, горячо рекомендовали ученикам послушать „северную бабушку". Вместительный амфитеатр Тенишевского концертного зала был всегда переполнен. Дети, расхрабрившись, подпевали припев „Небывальщины".

Двадцатого ноября 1915 года Марья Дмитриевна выступала на заседании Отделения этнографии ученого Русского географического общества. Заседание состоялось под председательством академика С. Ф. Ольденбурга и было очень многолюдным. После доклада Озаровской Марья Дмитриевна спела историческую песню „Иван Грозный", скоморошину „Кострюк", былину „Добрыня Микитич" и духовный стих „Вознесение", познакомив таким образом со всеми основными видами своего репертуара. Озаровская исполнила записанную ею в Неноксе сказку „Гордая царевна" [1].

Холодный, парадный Петербург, который только и смогла увидеть Кривополенова, ничем не поразил ее воображения, а скорее оставил в ее душе какой-то неприятный осадок. Она выразила это по-своему в 1916 году в Вологде, когда ее спросили, где же ей все-таки больше понравилось — в Москве или в Питере, и она, не задумываясь, ответила:

— Ну, в Москве лучше. В Питере господа, а в Москве — русские...[2]

Должно быть, в Петербурге ей пришлось даже столкнуться с барски-покровительственным или пренебрежительным отношением к себе.

Она хорошо чувствовала всякую фальшь. И там, где действительно посягали на ее достоинство, умела давать отпор. Мне рассказывали, что в каком-то великосветском салоне в Петербурге, где на ее выступление „собрали гостей", Марья Дмитриевна с доверчивым воодушевлением пела старины. Потом гости пошли к столу, а ей на сверкающем подносе подали через лакея пакет с деньгами.

— Люди добрые, — окликнула уходивших гостей Кривополенова, — я ведь не все еще пропела. — И она затянула озорную скоморошину „Ехали бояра да все из Новгорода", весьма мало подходившую к светской гостиной.

---

[1] С. С., Бабушка-сказительница „Временник", изд. „Северного кружка любителей изящных искусств". Вологда, 1916.

[2] См. Известия Р.Г.О., т. 51, 1915, выпуск 1, стр. 80. Доклад Озаровской, озаглавленный „Из поездки по северу России", был прочитан по следующему плану: „1. Река Пинега и собранный там материал; Речевые мелодии; Свадьба и Каша" (по поводу дожина); Скоморошины; Сказительница Мария Кривополенова и ее старины; Подвижность текста. 2. Посад Ненокса и Кемь; Сказки и были Александра Останина".

Так некогда расплачивались и гонимые, но отстаивающие свое достоинство скоморохи.

На тех же, кому было действительно дорого и доступно народное искусство, бесхитростное творчество Кривополеновой производило неизгладимое впечатление. Оно подкупало своей подлинностью и казалось особенно ярким на фоне бесчисленных пошлостей и уродств сусального ложнорусского стиля, усердно насаждавшегося официальными кругами царской России.

Тогда входили в моду нелепые пряничные „теремки" и безвкусные подражания старинным русским храмам. В „древнерусском" стиле строились вокзалы и ярмарочные павильоны. В 1913 году в Царском Селе был сооружен целый так называемый „Федоровский городок", со стенами и башнями, „ратными палатами" и собором — убогое измышление последних Романовых. Лезли в глаза тяжеловесная резная мебель, „ларцы" и „поставцы", деревянные блюда с вырезанными вязью глубокомысленными пословицами, слащавые открытки с улыбающимися боярышнями и кудрявыми „отроками" в вышитых рубашках, дрянные стишки в суворинском журнале „Лукоморье", якобы воспевающие языческую Русь с русалками, купальскими обрядами и богом Ярилой.

Но поклонников этого псевдонародного стиля нисколько не захватило и не взволновало чистое и целомудренное искусство Кривополеновой. Казенные, „ура-патриотические" газеты ни словом не обмолвились о Кривополеновой и как бы не заметили ее пребывания в Петрограде.

После трехмесячного пребывания в Москве и Петрограде Кривополенова вернулась на родину.

Столичная слава опередила ее. Именитые купцы и горожане „чли" питерские и московские газеты и любили при случае показать, что они тоже не лыком шиты. Выслали за „бабушкой" через двинской лед парные сани с медвежьей полостью.

Обыватели, с недоверием относившиеся к родной старине и народному художественному слову, боявшиеся даже обнаружить какое-нибудь пристрастие к подобным вещам, чтобы не прослыть „деревенщиной", теперь будто спохватились. Все наперебой спешат выразить „бабушке" свое внимание. Устраивают ее вечера и „концерты". Зазывают в гости. Местная архангельская газета „Северное утро" торопливо перепечатывает статьи Озаровской из петербургской „Биржевки".

Родственники объявились. Какой-то молодец все стал тетей звать. Как довелся племянником, Кривополенова не поняла, а одеялышко байковое пришлось подарить.

На Пинегу Марья Дмитриевна покатила в теплых санях, „с провожатым и колоколом", словно должностное лицо.

В городе Пинеге оторопевшие хозяева маленького домика, куда пускали иногда на ночлег старую нищенку, проводили бабушку в банк положить приобретенные за время поездки деньги — плату за выступления — почти две тысячи рублей.

Банковские чиновники тоже не могли в толк взять, „за что Москва деньги платит", как это неприглядная старушка отхватила такой куш? Они просят ее спеть им старину. Но старуха поняла:

— Как сиротиною ходила — пела, не слушали. А как деньги вкладаю, любопытно стало! Недосуг петь. Домой попадать надо.

Так и не спела.

В 1916 году, великим постом, М. Д. Кривополенова снова приехала в Москву. На этот раз одна, без провожатых.

— Сама с дорогой управилась...

Она поселилась у Озаровской, занимавшей большую квартиру из семи комнат в комфортабельном пятиэтажном доме на Сивцевом Вражке. Ей отвели маленькую отдельную комнату, залитую солнечным светом. Оставаясь наедине с собой, Кривополенова вязала пестрые рукавицы и тихонько напевала старины. И вдруг засмеется или заплачет, смотря по тому, о чем поется в былине...

Озаровская почти каждый день вывозила „бабушку" в различные московские дома, где собирались артисты, писатели и художники послушать ее старины. Приехав куда-либо в первый раз, Марья Дмитриевна любила, чтобы ей показали весь дом, и слегка обижалась на церемонных хозяев, проводивших ее прямо в гостиную.

Попав в уютный, крохотный особнячок в одном из переулков на Молчановке, где жила художница Гольдингер и ее мать — одна из первых женщин-врачей, Кривополенова обошла все комнаты, все внимательно осмотрела и сказала: „Как хорошо, как хорошо вы живете". И это без малейшей зависти. Просто так — порадовалась за людей. Особенно понравилось ей, что они живут в тихом чистеньком „домичке" посреди каменных громад с парадными и чопорными квартирами.

Роскошь обстановки вообще не производила на нее никакого впечатления, и у московского художника и владельца картинной галлереи И. С. Остроухова она чувствовала себя

так же просто и естественно. И когда одна из приглашенных на вечер дам бесцеремонно вошла в салон во время пения старины и стала усаживаться, Кривополенова с достоинством слегка приветствовала ее наклоном головы и с большим тактом сумела сделать нечувствительной и для себя и для других эту помеху[1].

Кривополеновой страшно нравились всякие подарки. Это была ее слабость. Однако она совершенно не интересовалась их ценностью, по-детски радовалась им и так же легко их раздавала. А тем, кто был ей особенно мил, она любила дарить от себя „серебряный рупь". В особенности она любила одаривать лифтера, который поднимал ее на третий этаж, где была квартира Озаровской. Внизу была устроена теплая вешалка. Гости обыкновенно раздевались у швейцара и поднимались в лифте в квартиру.

Озаровская не только организовала большие публичные концерты Кривополеновой, но часто устраивала у себя на квартире домашние вечера, на которые собиралась московская художественная интеллигенция. Однажды Озаровская для своих гостей даже сыграла целую северную свадьбу. Плачея с Пинеги, также вывезенная Озаровской, была невестой, сама Озаровская — матерью, Кривополенова — свахой. Марья Дмитриевна сразу вошла в свою роль, говорила прибаутками и была очень находчива[2].

Она вообще была впечатлительна и восприимчива. Представляя публике сказительницу и читая лекции о ее творчестве, Озаровская всегда называла ее просто „бабушкой". И в Москве у Кривополеновой вдруг появилось обыкновение говорить о себе в третьем лице и называть себя „бабушкой".

Как-то в 1916 году сотрудница Озаровской и спутница в ее фольклористических поездках Александра Петровна Соколова ехала с Кривополеновой в трамвае. Все обращали внимание на пестрые пинежские варежки сказительницы. Та лукаво улыбнулась и, ни к кому собственно не обращаясь, сказала:

— А рукавички-то бабушка сама связала[3].

Филологом А. В. Позднеевым в 1916 году было отмечено, что однажды Кривополенова, пропев старину „Иван Грозный и сын", сказала:

---

[1] По воспоминаниям скульптора И. С. Ефимова, возившего Кривополенову на этот вечер по просьбе И. С. Остроухова.

[2] По воспоминаниям художницы Е. В. Гольдингер (1949 г.).

[3] По воспоминаниям А. П. Соколовой-Румер (1949 г.).

— Да, кончила бабушка былину!

Она уже переняла „городовое“ наименование ста̀рин — былинами.

А скоморошину о Кострюке она закончила говорком:

— Вот бабушка только и спела!

В этот приезд, в 1916 году, М. Д. Кривополеновой особенно часто приходилось встречаться с художниками. П. Я. Павлинов выполнил прекрасную гравюру на дереве, изображающую Марью Дмитриевну в ее привычном деревенском наряде. Художница Е. В. Гольдингер написала маслом три портрета сказительницы. На одном из них Марья Дмитриевна предстает на сказочном фоне, заимствованном из ее репертуара.

Известный скульптор С. Т. Коненков сперва вылепил из глины голову сказительницы (Марья Дмитриевна говорила, что он ее „тяпает“), а потом вырезал из дерева ее портрет. Не ограничившись этим, он исполнил в конце года чудесную деревянную скульптуру, названную им „Вещая старушка“. Марья Дмитриевна была изображена им с узелком и посохом в руках. На готовой уже скульптуре,— сообщает Озаровская,— в мастерской художника выросли три гриба. „Сняв фотографию с этой сказки, художник срезал эти грибы и загипсовал их на память“ [1].

Часто бывала М. Д. Кривополенова у художницы Нины Яковлевны Симанович-Ефимовой, двоюродной сестры и ученицы Валентина Серова. Н. Я. Симанович-Ефимова сделала с натуры большой офорт — портрет М. Д. Кривополеновой. В углах портрета наверху помещены сцены из уникальной былины „Вавило и скоморохи“ на свитках старых рукописей. Сама М. Д. Кривополенова сидит на небольшом сундуке в пустой комнате. Художница не скрыла глубокого возраста сказительницы. Кривополенова представлена на офорте очень дряхлой, усталой, измученной жизнью, с глубоко запавшими задумчивыми, но по-детски чистыми глазами. Весь ее облик исполнен большой внутренней поэтической силы.

Кроме офорта, художница сделала еще живой набросок карандашом с М. Д. Кривополеновой, когда у нее болел глаз и был забинтован. М. Д. Кривополенова переносила свою „беду“ с кротким и немного застенчивым юмором.

Весной 1916 года М. Д. Кривополенова совершила с Озаровской большую поездку по стране. Побывала на Украине

---

[1] О. Озаровская. Бабушкины старины, изд. 2-е, 1922, стр. 13. Повидимому, эта фотография и была приложена к каталогу второй выставки скульптур С. Т. Коненкова в 1916—1917 гг.

„Вещая старушка". 1916.

Скульптура С. Т. Коненкова

и на Кавказе. Выступала она главным образом в средних школах. Учащиеся принимали ее восторженно. Однажды в Харькове из-за нее даже остановились трамваи. Столько народу высыпало ее провожать. Марью Дмитриевну носили на руках. Она потом так и говорила:

— В Харькове ни на лошадях не ездила, ни ногами не хаживала. Носком носили...

Летом Озаровская отвезла ее на Пинегу.

Вскоре Марья Дмитриевна получила серебряную медаль и почетный диплом от старейшего Русского географического общества.

— Грамотным бумагу показываю, а неграмотным медаль,— с гордостью говорила она, не расставаясь с картонной трубкой, в которой хранились „грамота“ и медаль.

Потом медаль утащили, а на бумаге пирог испекли.

После Ильина дня в тот год пошли сильные дожди.

И вдруг к Озаровской, жившей в то время в городе Пинеге, является бабушка Кривополенова — мокра-мокрешенька. Оказывается, она услыхала, что какой-то крестьянин собрался ехать в Пинегу. Она и села к нему в лодку в чем была, „без хлебов“.

Так и ехали трое суток под проливным дождем.

Марья Дмитриевна порывиста и нерасчетлива. Решила было купить на заработанные деньги домик, да раздумала. Новый — ставить поздно. Купить у людей готовый — то место неподходящее, то цена несуразна, то еще что-нибудь. Да и одной хозяйство не поднять. Рассудила переехать к дочери в деревню Веегоры.

Встретила ее родня с хищной радостью. Еще бы — одной внучке двадцать сарафанов привезла. Зять увивается, всё просит коня купить, обещает покоить ее старость, справляется, кому откажет она свои „капиталы“.

Но Кривополенова не умела „копить добро“. Она щедра и доверчива. Навезенные из Москвы вещи, подарки, гостинцы скоро разошлись по родне и соседям.

Несмотря на свой возраст, Марья Дмитриевна непоседлива и нередко зимой, перебравшись из Веегор на левый берег Пинеги, ходит по окрестным деревням погостить у многочисленных знакомых.

Узнав о ее появлении, в дом, где она остановилась, сбегаются дети. Забравшись на печь, Марья Дмитриевна поет оттуда свою любимую „небылицу“ о том, как серый медведь летит по поднебесью, и ребятишки покатываются со смеху. Одета она в темный старый „штофник“ из тяжелой

ткани, расшитой „орлами", вроде длинного сарафана на двух лямках, без складок на груди и на спине. От шеи до самого низа идут две блестящие полосы из дешевой парчи — на одной стороне мелкие медные пуговки, на другой нашиты петельки, на которые они застегиваются.

Таких „штофников" уже давно не носят. Над бобылкой „тетей Дуней", завернувшей на огонек, посмеиваются:

— Вот купи себе, Дуня, такой штофник. И тебя в Москву повезут...[1]

У себя на родине Марья Дмитриевна всегда находила охотников ее послушать.

Многие из ее знакомых и сами могли пропеть одну или две старины. От некоторых из них производил записи еще Григорьев. Такова, например, была Варвара Чащина, из деревни Городец, или по-местному Городок, ровесница Кривополеновой, так же, как она, повидавшая много горя на своем веку. Ее муж, деревенский портной, Ипат в припадке сумасшествия утонул в реке. Она растила сперва двух сыновей, потом внуков. Кривополенова часто гащивала у нее в доме. Варвара Чащина любила слушать старины и знала их, но сама пела неохотно. Григорьеву с большим трудом удалось уговорить ее пропеть для записи. Репертуар ее и осведомленность в былевом наследии оказались далеко незаурядными. Старинам Чащина выучилась на вечеринках в Веегорах, откуда была родом. Знатоком старин был и ее дедко. Она прямо указывала на Марью Дмитриевну Кривополенову, как на один из источников ее знания старин[2].

Песни и сказки, бытовавшие на Пинеге, служили постоянным источником взаимного художественного обмена. М. Д. Кривополенова не только охотно делилась тем, что

---

[1] По воспоминаниям Ф. С. Третьяковой, слышавшей в детстве М. Д. Кривополенову в деревне Городец (Городок), на левом берегу Пинеги в доме Варвары Чащиной.

[2] А. Д. Григорьевым были записаны от Варвары Чащиной тексты и напевы шести старин: „Алеша Попович и сестра Петровичей-Бродовичей", „Васька пьяница и Кудреванко-царь", „Мать князя Михайла губит его жену", „Князь Дмитрий и его невеста Домна", „Князь Василий, княгиня и старицы" и „Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича" („Отъезд Добрыни"). Кроме того, как отмечает Григорьев, Варвара Чащина слышала от своего „дедка" и от шотогорской сказительницы Кривополеновой, но не могла спеть следующие былины: „Про Святогора", „Микулу Селяниновича", „Илью Муромца и Идолище", „Козарина", „Сорок калик со каликою", „Гришку Отрепьева", „Стеньку Разина", „Мать и дочь в татарском плену", „Соловья разбойника", „Ивана русского богатыря", „который куда-то ехал". (А. Д. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, т. I., М., 1904, стр. 309).

М. Д. Кривополенова. 1916.

Рисунок Н. Я. Симонович-Ефимовой.

сберегла ее память, но и сама была усердной и радостной слушательницей песен и сказок, постоянно пополняла и обогащала свой репертуар.

Еще в 1935 году престарелая сказительница Татьяна Осиповна Кобелева, из деревни Юбра на Пинеге, вспоминала деревенские „вечереньки", на которые стекался народ главным образом для того, чтобы послушать Кривополенову:

„Давно было, а Машенька пришла гостить к племянницы. Меня тоже созвали:

„Пойдем, — говорят, — на вечереньку, есь Махня".

„Мы и пошли.

„А вечеренька у ейной племянницы.

„Баб много, все с прялками сидели, тут есь и Махня. Она гут сидит тоже, я как теперь вижу, и рассказывает:

„— Была в Москве.

„Меня, говорит, там посадят высоко. (Все на ей смотрят, много народу-то). Я как выйду, платочком машу: „Здрасте, господа!" Мне и скажут: „Здрасте, Марья Митревна!" Я ей много, Махоне, сказывала, одна у меня сказка про ерша была, я ей сказывала... Тут мы и сидели — пряли"[1].

В свою очередь и Марья Дмитриевна Кривополенова обогащала северных сказительниц художественным материалом. Так, например, известно, что сказочница из деревни Березника Домна Ионична Пашкова слышала записанные от нее в 1938 году сказки („Жили старик со старухою", „Во городе Вахромее", „Беленька рубашка") от своей матери Татьяны Ивановны Чупаковой, а та в свою очередь „переняла" эти сказки от Марьи Дмитриевны Кривополеновой, доводившейся ей сродни[2].

До конца своих дней М. Д. Кривополенова сохранила живой интерес к художественному слову. Она чутко воспринимала все, что так или иначе было близко ее собственному творчеству. Озаровская сообщает, что одну из своих сказок „Горшочек" Кривополенова „переняла" даже в Москве. Но это, разумеется, исключение. Основной репертуар М. Д. Кривополеновой сложился на ее родине.

Когда наступила Великая Октябрьская социалистическая революция, Марье Дмитриевне Кривополеновой шел семьдесят пятый год.

---

[1] Н. И. Рождественская. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, стр. 25.

[2] Н. И. Рождественская. Там же, стр. 210.

Началась гражданская война, а затем интервенция на Севере. Кривополенову ждала безрадостная старость. У зятя в Веегорах житья не стало. Старуху считали обузой в родной семье и под конец просто выпроводили на улицу:— Ступай куда хошь!

И поплелась бабка на родное пепелище, в природную свою волость. Дом продувают ветры буйные, крыша покосилась, оконницы повыбились. Кота в доме и то нету. Как тут жить? И пришлось Кривополеновой после обманчивой городской славы и деревенской зависти снова пойти по миру с сумой и посохом в руках. Но подавали не густо.

Наведывалась она и в Архангельск. Но и там до нее никому не было дела. Культурная жизнь города при белых и интервентах замерла.

Москва была далеко. Отделена фронтом. Но Москва не забыла о Марье Дмитриевне Кривополеновой. В 1919 году появился составленный академиком М. Н. Сперанским сборник „Былины", куда вошла знаменитая старина Кривополеновой „Вавило и скоморохи". К книге была приложена гравюра художника А. Я. Павлинова — портрет М. Д. Кривополеновой. О ней помнили профессора Борис и Юрий Соколовы.

И как только рухнул фронт и остатки белых армий стали убираться за море, на Север полетели запросы: а как Марья Дмитриевна Кривополенова, жива ли, что с ней?

24 января 1921 года состоялось решение Совета Народных Комиссаров о назначении сказительнице М. Д. Кривополеновой академического пайка и академической пенсии, как виднейшему деятелю русской культуры. Вскоре возникла мысль пригласить ее в Москву для участия в большом народном концерте в день открытия третьего конгресса III Интернационала.

В Архангельский губисполком была послана телеграмма за подписью народного комиссара просвещения А. В. Луначарского: не согласится ли бабушка Кривополенова выехать в Москву? За сказительницей было решено послать специального человека, который бы заботился о ней в дороге. Луначарскому рекомендовали совсем молоденькую студентку, Анну Дмитриевну Ипполитову, ученицу Озаровской и проф. П. Н. Сакулина.

Луначарский покосился на хрупкую девушку и, улыбаясь, спросил:

— А вы не боитесь ехать в такую даль? Там белые медведи и болота.

— Дайте мне в дорогу пуд махорки, — ответила практичная студентка.

Девушку снабдили махоркой и выдали внушительный мандат, в котором сообщалось, что Ипполитова „срочно командируется в Пинегу, Архангельской губернии, за сказительницей бабушкой Кривополеновой для сопровождения ее в Москву на выступление в концерте в день открытия третьего конгресса III Интернационала", в силу чего документ предусматривал право посылки срочных телеграмм в Москву и сдачу вещей Кривополеновой в багаж. Наркомпрос также ходатайствовал о предоставлении Кривополеновой и Ипполитовой мест „в вагонах специального назначения и служебных"[1].

Но когда Ипполитова, вооруженная этим мандатом с личной подписью Луначарского, отправилась оформлять проездные документы, то, поглядев на этот мандат, ей его возвратили обратно:

— Поездка за бабушкой — дело семейное. Билет выдать не можем.

Не получив билета, Ипполитова вернулась в Наркомпрос и стала добиваться приема у Луначарского. Но он был в тот день очень занят и не мог ее принять. Тогда настойчивая студентка пошла в приемную „всероссийского старосты" М. И. Калинина. Но там была очередь на улице. Она пошла через черный ход и, забредя в какой-то коридор, открыла дверь, попала прямо в кабинет Калинина и попросила его соединить ее с Луначарским.

— А вы откуда звоните?— удивился Луначарский.

— От Михал Ивановича.

— От Михал Ивановича? А к Владимиру Ильичу вы еще не попали? Ну, заходите ко мне.

В Наркомпросе Луначарский на своем личном бланке написал „Разъяснение".

Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссар по Просвещению

1/6 1921 г.

№ 4632

Разъяснение

С поездкой т. Ипполитовой за бабушкой Кривополеновой вышло недоразумение. Командировку посчитали за частное дело, между тем как она делается по специальному решению Совета Народных Комиссаров, постановившего бабушку Кривополенову в возможно комфортабельных условиях перевезти в Москву, дать ей академический паек и весьма повышенное денежное содержание и вообще обеспечить остаток ее дней.

Дело это считается государственно-важным, и я прошу командировку считать одной из первоочередных.

Нарком по просвещению *А. Луначарский.*

[1] Мандат Наркомпроса от 25 мая 1921 года, № 5321.

— Да. Да. Пусть знают, что это уже не простая бабушка, а государственная бабушка, — говорил с присущим ему добродушным юмором Анатолий Васильевич. — Кривополенова — такое же наше достояние, как наши классики, как наши произведения искусства. Она — живой памятник народной культуры.

Ипполитова покатила в Архангельск, а оттуда, при содействии губисполкома, отправилась на Пинегу.

Как только пришла телеграмма Луначарского, то немедленно стали разыскивать Кривополенову. Это оказалось нелегко. Растившая двух внучат Кривополенова ходила по чужим людям. Нашли ее в далекой деревне в Кулойско-Мезенском крае. Когда приехала Ипполитова, Кривополенова уже недели две ждала ее в Пинеге, в доме Парасковьи Олькиной.

Высунувшись из окна, Кривополенова запричитывала:

— И пошто меня из деревни выташшили. И ни с кем-то я не попрошшалась, никому в ноги не поклонилась. И пошто я Начарскому занадобилась...

Потом бабушка рассудила, что ее вызывают не петь старины, а помогать устраивать порядки:

— Земля-то большая. Народ-то все разной. Вот старых людей и собирают обсуждать порядки[1].

В тот же день они наняли лодку и поехали вверх по реке Пинеге прощаться с многочисленными знакомыми сказительницы.

Лодочникам платили махоркой.

По дороге Кривополенова все время пела песни. А когда подъезжали к какой-либо деревне, то она говорила студентке:

— Анюткоу, запевай свадёбную песню. Нас встречать будут. Подумают, свадьба едет.

И когда они затягивали свадёбную песню, действительно высыпала встречать вся деревня.

Удивленным пинежанам Кривополенова кланялась в пояс и причитала:

— Дорогие мои, разлюбезные. Приехала я с вами попрошшатьсе, в теплу землю поклонитьсе. Собираюсь я в путь-дорогу дальну, в Москву белокаменну... Хотят там наши песни да старины послушать.

И ходила по всей деревне прощаться и приветить всех добрым словом. И так со свадёбной песней, с радушным

[1] Об этом же в другой редакции сообщала и Озаровская в книге „Бабушкины старины", изд. 2-е, М., 1922, стр. 14.

М. Д. Кривополенова. 1916.

С офорта худ. Н. Я. Симонович-Ефимовой.

русским приветом проехали они всю Пинегу, до самого верху.

А когда вернулись в город Пинегу, то бросилась в глаза большая афиша, написанная от руки: „Сегодня состоится концерт Марьи Дмитриевны Кривополеновой. Вступительное слово А. Д. Ипполитовой".

Об их прибытии прослышали любители северной старины и народного художественного слова. Кривополенова пела и рассказывала сказки с большим воодушевлением. Успех был необычайный.

Билетов на концерт не продавали. Приходить мог кто хотел. Но чтобы оплатить выступление бабушки, у входа попросту поставили большой глиняный горшок, куда клали деньги, если кто хотел заплатить за концерт. Деньги Кривополенова с собой не взяла, а отослала внучатам.

Когда приехали в Архангельск, то уже на пароходной пристани завидели афишу о концерте Кривополеновой.

Перед самым отъездом в Москву, 19 июня, Марья Дмитриевна выступала с пением старин в Архангельске. Вступительное слово говорил Борис Шергин[1].

От писателей и краеведов Архангельска М. Д. Кривополеновой был преподнесен огромный пирог с изображением города Архангельска, поднесли ей еще кусок старинной парчи — „на шубу".

В поезде по дороге в Москву Кривополенова все время пела песни и рассказывала сказки восхищенным пассажирам. Вся поездка за бабушкой продолжалась три недели.

В Москву приехали 21 июня. Кривополенова попросила отвезти ее на квартиру к Озаровской, где она и поселилась.

В Москве Марью Дмитриевну встретили внимательно и радушно, проявили о ней заботу и первым делом снабдили ее одеждой. Для нее нашлись даже полусапожки на шнурках.

Но дело было не в подарках и обновах. Сказительнице было бесконечно дорого и радостно, что о ней вспомнили, что ее искусство нужно народу. В Малом зале Московской консерватории, где она впервые выступила после революции, с ней повстречалось немало старых знакомых — московских профессоров, артистов и музыкантов, — слушавших ее

---

[1] По сообщению местной газеты, М. Д. Кривополенова исполнила на этом вечере: „Смерть Ивана Грозного" (повидимому, „Иван Грозный и сын"). „Кострюка", „Усишша", „Небылицу в лицах" и др., „Известия Арх. губисполкома и губкома РКП (большевиков)", 1921, 26 июня).

раньше. Но было множество и новых лиц, каких не приводилось встречать ей на своих „концертах“ в прежнее время.

Тепло и восторженно принимала аудитория выступления почти восьмидесятилетней старухи, хотя и голос у нее заметно спал, и приоглохла она, и приослепла. Раз даже, когда Кривополенова внезапно почувствовала во время пения усталость, она крикнула в зал:

— Анюткоу, иди пособляй, у меня голосу нехватат...

Но не силой и красотой голоса, не внешними приемами актерского мастерства покоряла она всегда своих слушателей, а своим искренним и глубоким переживанием самого содержания своих старин — художественного сокровища русского народа. Кривополенова умела поделиться и захватить им, не взирая ни на какую старость. В ее творчестве с огромной силой проявляло себя подлинное народное искусство — и это живо чувствовала аудитория.

В Москве Марья Дмитриевна неожиданно распелась. К удивлению фольклористов, от Кривополеновой удалось записать много новых песен и сказок, неизвестных от нее до революции. „В прошлые встречи, — пишет Озаровская, — сколько ни добивалась я песен от бабушки, был один ответ: „Песен не знаю, жила бедно, по свадьбам не хаживала, песен не певала“. А тут припомнила целый короб — и свадебных, и рекрутских, и „наулочных“.

Нет никакого сомнения, что это объясняется не только „старческим обострением памяти“, как полагала Озаровская, но и тем общим душевным подъемом, который испытала сказительница в новой Москве. Ее окрылило внимание народа, ценившего свою родную старину, свою национальную славу.

М. Д. Кривополенова охотно пела в фонограф и выступала в студенческих кружках и студии Озаровской. Выступать в больших аудиториях ей было уже трудно. Но она полностью сохранила свою изумительную память и мастерство исполнения былины.

Она гордилась тем, что свято сберегла дедовы старины, ничего к ним не прибавив и не убавив.

— Я ни одного слова из дедовых старин не потеряла, — говорила она.

Дома она попрежнему все время напевала былины. Иногда, задумав спеть былину, она спрашивала:

— Ну, Анюткоу, к кому поедем в гости — к князю Владимиру, к Соловью Будемеровичу или к Илье Муромцу?

И станет петь про того, к кому надумает ехать в гости.

Особенно показала себя М. Д. Кривополенова в этот свой последний приезд как сказочница. Она без устали рассказывала сказки, меняя интонации для каждого действующего лица и сопровождая сказку оживленной и выразительной мимикой, так что у слушателей дух захватывало.

В отличие от старин, как бы застывших в ее памяти, сказки она всегда импровизировала и каждый раз рассказывала по-новому.

Институт детского чтения Наркомпроса устроил для нее особый сказочный вечер. Приезжали за ней профессор А. Е. Грузинский и академик Н. И. Чехов.

Кривополенова потом гордилась, что за ней посылали „седатых людей". Она по-северному почествовала Грузинского песней. Пропела ему „Виноградье".

На вечере ей поднесли яркий платок с узорами и выставили самое лучшее угощение — большой пирог.

Марья Дмитриевна столько пела и рассказывала, что ее почти невозможно было остановить. Боялись, что она утомится. Присутствующие чтецы и рассказчики ответили ей своим мастерством. Стали читать сказки разных народов. Марья Дмитриевна так пленилась одной услышанной сказочкой, что „переняла" ее и стала потом рассказывать на свой лад. Это и была сказка „Горшочек"[1].

С нетерпением ожидала Кривополенова встречи с Луначарским. Но он не сразу смог к ней приехать. И бабушка на него дулась.

А когда он все же приехал к ней в гости и бабушку пошли звать, то она ответила:

— Я еще чулок не довязала.

Пошли звать второй раз:

— Когда будет пора, приду. Я дольше ждала.

И, дождавшись третьего приглашения, — как и полагалось в старину, — вышла строгая и поклонилась в пояс.

Но вскоре бабушка разошлась — пела песни и сказывала сказки. Исполнила даже редкую былину „Вавило и скоморохи". Луначарский засиделся до поздней ночи. А на прощанье сказал:

— А теперь, бабушка, приезжай к нам в гости в Кремль...

После его отъезда Кривополенова сказала:

---

[1] По воспоминаниям А. К. Покровской, работавшей в Институте детского чтения и организовавшей этот вечер.

— Человек, видать, хороший. Нать ему рукавички связать.— И принялась за трехцветные пинежские рукавицы.

Вскоре Луначарский приехал за ней на машине и запросто отвез к себе домой обедать. На столе стояли пироги и вино.

— Ну, как, бабушка, выпьем?

— У тебя в гостях быть да вина не пить, — сказала бабушка и выпила рюмку.

Заметив на стене портрет балерины Айседоры Дункан, она сказала, обращаясь к хозяину:

— Батюшка, хоть в гостях воля не своя, а ты поверни-ка эту стыдобу. Мне не смотреть...

Луначарский покорно завесил портрет газетой.

Расстались они друзьями.

21 июля 1921 года Кривополенова отправилась на родину. Ей предлагали две комнаты в Москве и постоянного секретаря. Но ее потянуло на Пинегу[1].

Пребывание ее в Москве содействовало оживлению художественного и научного интереса к северному народному искусству.

В сентябре того же года академическим центром Наркомпроса была снаряжена на север специальная научная экспедиция „по собиранию и пропаганде народного творчества". Во главе экспедиции была поставлена О. Э. Озаровская.

Государство брало охрану и собирание памятников народного творчества в свои руки. В „Известиях Архангельского губисполкома" появилась по этому поводу статья, которая вполне правильно характеризовала новое послереволюционное отношение к фольклору. „До сих пор, — читаем мы в этой статье, — дело собирания народного творчества носило характер частного почина, и ценнейшие памятники былинного, сказочного и песенного творчества народа оставались мало кому известными. Высланная Наркомпросом экспедиция — первый шаг к постановке дела на должную высоту. Предполагается устроить в Архангельске постоянную станцию по собиранию и изучению народного творчества. Необходимые средства уже отпущены Наркомпросом".[2]

Экспедиция Наркомпроса, включавшая в себя фольклористов и музыковедов, работала свыше месяца в верховьях

[1] Эпизоды пребывания М. Д. Кривополеновой в Москве в 1921 году изложены преимущественно по воспоминаниям А. Д. Ипполитовой.

[2] „Известия Архгубисполкома и Губкома РКП (большевиков)", 1921, № 221, 4 октября.

Пинеги и по реке Кулой — в местах, славившихся тем, что в них сохранились скоморошьи традиции. За сравнительно короткое время был собран довольно богатый материал. Было записано на восковые валики с помощью фонографа около полутораста напевов. Кроме того, фольклористы записали около трехсот самостоятельных текстов. Были зарисованы портреты многих народных певцов и певиц. Экспедиция возбудила ходатайство о приглашении наиболее выдающихся сказителей в Москву и обеспечении некоторых из них пенсией. Знаменитая пинежская сказительница М. Д. Кривополенова с нетрудоспособными членами ее семьи по распоряжению наркома Луначарского была зачислена на академический паек и получила значительную пенсию (30 000 рублей в месяц по тогдашнему курсу рубля).

Но Марье Дмитриевне Кривополеновой оставалось жить уже не долго. 2 февраля 1924 года она умерла. Похоронена она близ деревни Чакола, на высоком месте неподалеку от реки Пинеги.

Александр Морозов.

Былины и скоморошины

1. ВАВИЛО И СКОМОРОХИ

У чесной вдовы да у Ненилы
А у ей было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати:
Родну матушку свою хочё кормити.
А ко той вдовы да ко Ненилы
Пришли люди к ней веселые,
Весёлые люди — не простые,
Не простые люди, скоморохи.
„Уж ты здрасвуёшь, чесна вдова Ненила!
„У тя где чадо да нынь Вавило?"
— А уехал Вавилушко на ниву
Он ведь нивушку свою орати,
Ишша белую пшоницу засевати:
Родну матушку хочё кормити. —
Говорят как те ведь скоморохи:
„Мы пойдем к Вавилушку на ниву;
„Он не идет ли с нами скоморошить?"
А пошли скоморохи к Вавилушку на ниву:
„Уж ты зраствуёшь, чадо Вавило,
„Тебе дай бог нивушка орати,
„Ишша белую пшоницу засевати,
„Родну матушку тебе кормити".
— Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороги? —
„Мы пошли ведь тут да скоморошить.
„Мы пошли на инишшоё царьсво
„Переигрывать царя Собаку,
„Ишша сына его да Перегуду,

„Ишша зятя его да Пересвета,
„Ишша дочь его да Перекрасу.
„Ты пойдем, Вавило, с нами скоморошить".
Говорило то чадо Вавило:
— Я ведь песён петь да не умею,
Я в гудок играть да не горазён. —
Говорил Кузьма да со Демьяном:
„Заиграй, Вавило, во гудочик,
„А во звончатой во переладец;
„А Кузьма с Демьяном припособит".
Заиграл Вавило во гудочик,
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
У того ведь чада у Вавила
А было в руках-то понюгальцё, —
А и стало тут ведь погудальцё;
Ишша были в руках у его да тут ведь вожжи, —
Ишша стали шелковые струнки.
Ишшо то чадо да тут Вавило
Видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые;
Он походит с има́ да скоморошить.
Он повел их да ведь домой жа.
Ишша тут чесна вдова да тут Ненила
Ишша стала тут да их кормити.
Понесла она хлебы-те ржаные, —
А стали хлебы-те пшоные;
Понесла она куру-то варёну, —
Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела.
Ишша та вдова да тут Ненила
Ишша видит, люди тут да не простые,
Не простые люди-те, светые,
И спускат Вавила скоморошить.
А идут скоморохи по дороги.
На гумни мужик горох молотит.
„Тобе бог помож, да те кресьянин.
„На бело горох да молотити!"
— Вам спасибо, люди весёлые.
Веселые люди, скоморохи;
Вы куда пошли да по дороги? —
„Мы пошли на инишшоё царьсво
„Переигрывать царя Собаку,
„Ишша сына его да Перегуду,

„Ишша зетя его да Пересвета,
„Ишша дочь его да Перекрасу".
Говорил да тут да ведь кресьянин:
— У того царя да у Собаки
А окол двора да тын жалезной,
А на каждой тут да на тычинки
По человечьей-то сидит головки,
А на трех ведь на тычинках
Ишша нету человечьих тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам. —
„Уж ты ой еси, да ты кресьянин!
„Ты не мог добра нам тут ведь сдумать,
„Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
„Заиграй, Вавило, во гудочик
„А во звончатой во переладец;
„А Кузьма с Демьяном припособят".
Заиграл Вавило во гудочик,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели голубята-ти стадами,
А стадами тут да табунами;
Они стали у мужика горох клевати.
Он ведь стал их кичигами сшибати;
Зашибал, он думат, голубяток,
Зашибал да всех своих ребяток.
Говорил да тут да ведь кресьянин:
— Я ведь тяжко тут да согрешил:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-те, светые, —
Ишша я ведь им да не молилса. —
А идут скоморохи по дороги.
А на стречу им идё мужик горшками торговати.
„Тобе бог помож, да те кресьянин,
„А-й тебе горшками торговати!"
— Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороги? —
„Мы пошли на инишшоё царьсво
„Переигрывать царя Собаку,
„Ишша сына его да Перегуду,
„Ишша зетя его да Пересвета,
„Ишша дочь его да Перекрасу".
Говорил да тот да ведь кресьянин:
— У того царя да у Собаки
А окол двора да тын жалезной,

А на каждой тут да на тычинки
По человечей-то сидит головки,
А на трех-то ведь да на тычинках
Нет человечих-то да тут головок;
Тут и вашим-то да быть головкам. —
„Уж ты ой еси, да ты кресьянин!
„Ты не мог добра да нам ведь сдумать,
„Ишша лиха ты бы нам не сказывал.
„Заиграй, Вавило, во гудочик
„А во звончатой во переладец;
„А Кузьма с Демьяном припособит".
Заиграл Вавило во гудочик
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Полетели куропци с ребами,
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами;
Они стали по оглоблям-то садитьсе.
Он ведь стал их тут да бити
И во свой ведь воз да класти,
А наклал он их да ведь возочек.
А поехал мужик да во городочик,
Становился он да во редочик,
Розвезал да он да свой возочик, —
Полетели куропци с ребами.
Полетели пеструхи с чухарями,
Полетели марьюхи с косачами.
Посмотрел ведь во своем-то он возочку, —
Ишше тут у его одны да черепочки.
— Ой! я тяжко тут да согрешил ведь:
Это люди шли да не простые,
Не простые люди-те, светые, —
Ишша я ведь им да не молилса. —
А идут скоморохи по дороги.
Ишша красная да тут девица
А она холсты да полоскала.
„Уж ты зрасвуёшь, красна девица,
„На бело холсты да полоскати!"
— Вам спасибо, люди веселые,
Весёлые люди, скоморохи;
Вы куды пошли да по дороги? —
„Мы пошли на инишшоё царьсво
„Переигрывать царя Собаку,
„Ишше сына его да Перегуду,

„Ишше зятя его да Пересвета,
„Ишше дочь его да Перекрасу".
Говорила красная девица:
— Пособи вам бог переиграти
И того царя да вам Собаку,
Ишша сына его да Перегуду,
Ишша зятя его да Пересвета
А-и дочь его да Перекрасу. —
„Заиграй, Вавило, во гудочик,
„А во звончатой во переладец;
„А Кузьма с Демьяном припособит".
Заиграл Вавило во гудочик
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил.
А у той у красной у девици
А были у ей холсты-ти ведь холщовы, —
Ишша стали атласны да шолковы.
(*Как нам с тобой эти старины дороги, так им слово доброе!*)
Говорит как красная девица:
— Тут ведь люди шли да не простые,
Не простые люди-те, светые,
Ишша я ведь им да не молилась. —
А идут скоморохи по дороги,
А идут на инишшоё царьсво.
Заиграл да тут да царь Собака.
Заиграл Собака во гудочик
А во звончатой во переладец, —
Ишша стала вода да прибывати:
Он хочё водой их потопити.
„Заиграй, Вавило, во гудочик
„А во звончатый во переладец;
„А Кузьма с Демьяном припособит".
Заиграл Вавило во гудочик
А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил;
И пошли быки-те тут стадами
А стадами тут да табунами,
Ишша стали воду да упивати,
Ишша стала вода да убывати.
„Заиграй, Вавило, во гудочик
„А во звончатой во переладец;
„А Кузьма с Демьяном припособит".
Заиграл Вавило во гудочик

А во звончатой во переладец,
А Кузьма с Демьяном припособил:
Загорелось инишшоё царьсво
И сгорело с краю и до краю.
Посадили тут Вавилушка на царьсво.
Он привез ведь тут да свою матерь.

---

2. ИЛЬЯ МУРОВИЧ И КАЛИН ЦАРЬ

Што из далеча да из чиста́ поля,
Из того раздолья широкого,
Тут не грузна туча подымаласе,
Тут не оболоко накаталосе,
Тут не оболоко обкаталосе, —
Подымался собака-злодей Ка́лин царь,
За ним сорок царей, сорок царевичей,
За ним сорок королей, королевичей,
За ним силы мелкой числу-смету нет.
Как по-руському на сороки верстах
Тут и Киев град знаменуетсе,
А и церкви соборны оказаютсе,
Становил собака тут бел шатер.
У его шатра золоченой верх.
Он садился на стул на ременьчатой,
А писал ерлык, скоро написывал,
Он скорей того запечатывал.
Отдает послу немилосливу
А-й тому Борису королевичу:
„Уж ты ой еси, Борис, королевич сын,
„Уж ты будешь в городи в Киеви
„У великого князя Владимера, —
„Не давай ты строку на малой час".
Ишшо тут Борис, королевич сын,
Он берет ерлык, во карман кладет,
Он ведь скоро скачёт на добра коня.
Он ведь едёт к городу Киеву,
Ко великому князю, ко Владимеру.
Становил коня к дубову столбу,
Он везал коня к золоту кольцу,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираёт двери он на пету;
Он в гридню идет, — богу не молитсе;

Через стол скочил, сам во место сел.
Он вымат ерлык, на стол кладет,
Ишша сам говорит такого слово:
„Ты Владимер, князь стольнекиевской!
„Ты бери ерлык, роспечатывай,
„Ты скоре того прочитывай;
„Ты меня посла не задерживай".
Как Владимёр, князь стольнекиевской,
Он берет ерлык во свои руки,
Отдает Добрынюшки Микитичу.
Говорил Добрынюшка Микитич сын:
„Я не знаю грамоты латыньскоё.
„Ты отдай Олеши Поповичу".
Отдают Олеши Поповичу.
(*У того было мозгу в головы, дак...*)
Как Алешичка и Попович сын,
Он ведь скоро ерлык роспечатывал,
Он скорее того же прочитывал,
Говорил как он таково слово:
„Ты Владимёр, князь стольнекиевской!
„Хорошо в ерлычки написано
„А написано со угрозою,
„А су той угрозой великою:
„Как стоит собака-царь середи поля;
„За им сорок царей, сорок царевичей,
„За им сорок королей, королевичей,
„За им силы мелкой числу-смету нет.
„Как по-руському на сороки верстах
„Он ведь просит города Киева
„Без бою, без драки, без сеченья,
(*Как нынешний ерманец*[1]).
„Без того кроволитья великого".
Запечалился наш Владимер князь.
Запечалился-закручинился;
Он повесил буйную голову
Што на ту на правую сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович;
Говорил как он таково слово:
„Ты Владимер стольнекиевской!
„Ты бери свои золоты ключи,

[1] Реплика М. Д. Кривополеновой при исполнении былины в 1916 году *(Ред.)*

„Отмыкай-ко погребы глубоки-жа;
„Ты насыпь ларец чисту золота,
„Ты второй насыпь чиста серебра,
„Ты третей ларец скатна жемчуга;
„Ты дари-ко Бориса королевича.
„Ты проси-ко строку на три месяца.
„Штобы всем во городи покаятьсе,
„Нам покаятьсе да исповедатьсе".
Ишша тут жа как Владимёр князь
Он берет свои золоты ключи,
Отмыкаё погребы глубоки-жа;
Он насыпал ларец чисту золота,
Он второй насыпал чиста серебра,
Он третей насыпал скатна жемчуга,
Он дарит Бориса королевича,
Он просил ведь строку на три месяца.
Штобы всем во городи покаятьсе
Нам покаятьсе да исповедатьсе.
Ишша тут Борис, королевич сын,
Не дает ведь строку на три месяца,
Он дает ведь строку только на три дня.
(*Все ж-таки дал!*)
Спровожали Бориса королевича
Спровожали кнезья и бояра;
А во ту пору, во то времечко
Запечалился наш Владимёр-князь,
Запечалился-закручинился,
Он повесил буйную голову
Што на ту на праву сторону,
Потупил он очи в мать сыру землю.
Как во ту пору, во то времечко
Выходил как стар казак Илья Мурович.
Выходил на середу кирпичнею;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьёй матери, богородице.
Он пошел Илья на конюшон двор;
Он берет своёго добра коня;
Он накладыват уздицу тасмянную;
Он вуздат во уздилица булатные;
Он накладывал тут ведь войлучёк,
Он на войлучёк седелышко;
Подпрягал двенадцать подпруженёк,
А ишша две подпружки подпрягаючи
Он не ради басы, ради крепости,

А не шшиб бы богатыря доброй конь,
А не шшиб бы богатыря в чистòм поли.
Он ведь скоро скачёт на добра коня;
У ворот приворотников не спрашивал, —
А махал через стену городовую,
А и ехал он день до вечера,
А и темну ночь до бела свету.
Приезжает он ко меньшой реки,
Ко меньшой реки, ко синю морю;
Он нашел тут тридцать три богáтыря.
Он с добра коня слезываючи,
Он низкой поклон им воздаваючи:
„Уж вы здрастуйте, доньски казаки!“
— Уж ты здрасвуёшь, наш ведь батюшко,
Уж ты стар казак да Илья Мурович!
Ты давно ли из города Киева?
А и все ли у нас там по-старому,
А и все ли у нас там по-прежнему? —
Говорит как тут да Илья Мурович:
„Уж вы ой еси, доньски казаки!
„И во городи у нас, во Киеви
„Не по-старому, не по-прежнему;
„Как стоит царь-собака середи поля;
„За им сорок царей, сорок царевичей,
„За им сорок королей, королевичей,
„За им силы мелкой числу-смету нет.
„Как по-русскому на сороки верстах
„Он ведь просит города Киева
„Без бою, без драки, без сеченья,
„Без того кровопролитья великого“.
Говорил как тут да Илья Мурович:
„Уж вы ой еси, доньски казаки!
„Уж вы будете стоять ли за Киёв град,
„Вы за те церкви соборные,
„Вы за те монастыри церковные,
„За того за князя за Владимера?“
Говорят как тут доньски казаки:
— Уж ты батюшко наш, стар казак!
Ишша как не стоять нам за Киёв град,
Нам за те за церкви соборные,
Нам за те монастыри церковные,
За того за князя, за Владимера? —
Они скоро скачут на добрых коней
И поехали к городу ко Киеву,

Ко великому князю ко Владимеру,
И поехало тридцеть три богатыря, —
Затресласе матушка сыра земля.
Они будут в городи в Киеви,
У великого князя у Владимера.
Зрадовался тут Владимер-от,
Он на радостях им и пир средил,
Он и пир средил, пировати стал.
Ишше все на пиру напивалисе,
Они все на чесном наедалисе.
Как один на пиру не упиваитсе
А и стар казак да Илья Мурович;
Ишша сам говорил таково слово:
„Уж вы ой еси, доньски казаки!
„Нынь приходит времечко строчнеё,
„А кому у нас нынче ехати
„На ту ли силу неверную?“
Говорят как доньски казаки:
„Уж ты батюшко наш, стар казак!
„Ты останьсе в Киеви в городе
„Стерекчи-сберекчи кнезя Владимера!“
Говорил как тут да Илья Мурович:
„Тут не честь хвала молодецкая,
„Ой не выслуга богатырская —
„Как Илейки в Киеви остатисе.
„Будут малы робята все смеятисе“.
Ишша тут Илья поежжаёт жа
А на ту на силу неверную.
Он берёт с собою только товаришша,
Он берет Добрынюшку Микитича;
И берет ведь второго товаришша,
Он Тороп-слугу да мала паруха;
Он троима тут поежжаёт ведь
Он на ту на силу неверную.
А выходят на середу кирпичнею
Они молятся спасу пречистому,
Они божьей матери, богородици;
Они скоро скачут на добрых коней,
У ворот приворотников не спрашивали, —
Они машут через стену городовую.
Они едут как по чисту полю, —
Во чистом поли курева стоят,
В куревы богатырей не видети.
Выежжают на поле чистое

А на ту силу неверную.
Ишша тут два братца испужалисе,
Испужалисе-устрашилисе
Они той ведь силы неверною;
Говорят они таково слово:
„Уж ты батюшко наш, стар казак!
„Ты поставь этта нам бел шатёр.
„Дай ты нам опочин дёржать";
Как поставил Илья тут им бел шатёр.
Ишша дал ведь им опочин дёржать.
Сам он тут им ведь наказывал
А наказывал, наговаривал:
„Ой еси, вы два братца родимые!
„Уж вы ой еси, доньски казаки!
„Как Илейки худо будё можитьсе, —
„Натену я стрелочку каленую,
„Я спушшу этта вам во бел шатер;
„Уж вы гоните тогды во всю голову,
„Вы рубите старого и малого".
Ишша сам Илья думу думаёт:
Он не знает, котору да ехати;
Он поехал силой середкою;
Поворотитсе, — дак переулками!
Он ведь день рубился до вечера,
Он и темну ночь до бела свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добру коню отдо̀ху не даваючи.
Как Илейки стало худо можитьсе;
Натенул он стрелочку каленую,
Он спустил богатырям во бел шатер,
Ишша тут богатыри ото сну скочили,
Они скоро скачут на добрых коней,
Они гонят тут во всю голову,
Они рубят старого и малого.
Они день рубились до вечера,
Они темну ночь до бела свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добрым коням отдо̀ху не даваючи;
А прибили всех до единого.
Ишша тут два братца не натешились,
Не натешились, приросхвастались.
А один говорил таково слово:
„А было-б в матушки, в сырой земли,
„А было-бы в ей золото кольцё, —

„Поворотил бы матушку сыру землю".
А другой говорил таково слово:
„А была бы на небо лиственица,
„Я прибил бы там до единого".
По грехам по их так ведь сделалось:
А которой сечен был на двое,
А восстало тут два тотарина;
А которой сечен был на трое,
И восстало тут три тотарина.
Говорит как тут да Илья Мурович:
„Уж вы гой еси, два братёлка!
„По грехам по нашим так сделалось".
Они поехали силой, середкой;
Поворотятсе, — дак переулками.
Они бились день, да до вечера,
Они темну ночь до бела свету,
Не пиваючи, не едаючи,
А добрым коням отдоху не даваючи;
И прибили всех до единого.
Ишшо тут два братца где девалисе,
Я не знай, куда подевалисе,
(*За похвасны слова скрозь землю прошли.*)
А один Илья оставаитсе.
Он поехал к городу ко Киеву
Ко великому князю ко Владимеру.
(*Дальше не поется, говорится... Дедушко так...*)
Становил коня к дубову столбу,
Он везал коня к золоту кольцу,
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираё двери он на пету;
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери богородици;
Он Владимеру князю покланяитсе:
„Ты Владимёр князь стольникиевской!
„Ишша то ведь дело у нас сделано,
„Ишша та роботушка сроблена.
„Только не знать, где два братца девалисе
„И не знать, куда потерялисе.
„Как перва они да испужалисе;
„А потом они не натешились,
„Не натешились, приросхвастались.
„А один говорил таково слово:
— А было бы в матушки в сырой земли,

А было бы в ей золото кольцё, —
Поворотил бы матушку сыру землю
Я прибил бы там до единого. —
„А другой говорил таково слово:
— А была бы на небо лиственица,
Я прибил бы там до единого. —
„По грехам по нашим так сделалось:
„А которой сечен был на двое,
„А восстало тут два татарина;
„А которой сечен был на трое,
„А восстало тут три татарина".
Говорит как тут Владимёр князь:
„Ишша нет как их, — дак не искать же стать".
Он на радостях тут и пир средил,
Он и пир средил, пировати стал.

---

3. ИЛЬЯ МУРОВИЧ И ЧУДИЩЕ

Было у нас во Царе-гради
Наехало проклятое чудишшо.
Да сам ведь как он семи аршин,
Голова у его да как пивной котел,
А ножишша как-быть лыжишша,
Да ручишша да как-быть граблишша.
Да глазишша да как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Сковали у его да ноги резвые
Тема жа железами немецкима,
А свезали его да руки белые
Тема же опутьеми шолковыма;
Кнегину Опраксею в полон взели.
Во ту пору, да во то времечко
Перепахнула вестка за реку-Москву,
Во тот же как ведь Киёв-град
К тому же ведь, да к Ильи Муровичу:
„Да ой еси ты, Илья Мурович!
„Уж ты знаёшь ли, про то ведаёшь?
„Померкло у нас да сонцо красное,
„Потухла звезда, да поднебесная:
„И нынче у нас во Царе-граде
„Наехало проклятое чудишшо;
„А сам как он из семи аршин,

„Голова его да как пивной котел,
„А ножишша как-быть лыжишша,
„А ручишша как-быть граблишша.
„А глазишша как-быть чашишша.
„У царя Костянтина Атаульевича
„Сковали у его да ноги резвы же
„Тема жа железами немецкима,
„Свезали его руки белые
„Тема же опутьями шолковыма,
„Кнегину Опраксею в полон взели".
Да тут же ведь да Илья Мурович
Надеваёт он тут платьё цветное,
Выходит на середу кирпичнею
Молитсе спасу пречистому,
Да божьей матери, богородице.
Пошел Илья на конюшон двор
И берет как своего добра коня,
Добра коня со семи цепей;
Накладыват уздицу тасмяною,
Уздат во уздилица булатные,
Накладыват тут ведь войлучек,
На войлучек он седелышко;
Подпрегал он двенадцать подпруженёк,
Ишша две подпружки подпрягаютси
Не ради басы, да ради крепости,
Не шшиб бы богатыря доброй конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поли.
Да скоро он скачёт на добра коня;
У ворот приворотников не спрашивал,—
(*Они думали, поедет воротами.*)
Да он машет через стену городову жа.
Едет он по чисту полю,—
Во чистом-то поли да куревá стоят,
В куревы-то богатыря не видети.
Да ехал он день до вечера,
А темну-то ночь до бела свету,
Не пиваючи он, да не едаючи.
Добру коню отдоху не даваючи.
Конь-от под им как потпинатьсе стал.
Бьет он коня и по тучным ребрам:
„А волчья сыть травяной мешок!
„А што тако подпинаишьсе,
„Надо мной, над богатырем надсмехаишьсе?"
А конь скочил,— за реку перескочил.

А прошло три дороги широких-е,
А не знат Илья, да куда ехати.
А во ту пору, во то времечко
Идет как калика да перехожая,
Перехожа калика безымянная.
Говорит как тут да Илья Мурович:
„Уж ты здравсвуёшь, калика перехожая,
„Перехожа калика безымянная!
„А где ты был, да ты куда пошел?“
Отвечает калика да перехожая,
Перехожа калика да безымянная:
„Я иду ведь тут из Царя-града,
Я пошел ведь тут во Киёв-град“.
Говорил как тут да Илья Мурович:
„Уж ты ой еси, калика перехожая,
„Перехожа калика безымянная!
„А што у вас да во Царе-гради?
„Ишша все ли у вас там по-старому,
„Ишша все ли у вас там по-прежному?“
Говорит как калика перехожая,
Перехожа калика безымянная:
„Уж ты ой еси, да Илья Мурович!
А у нас ведь нынь во Царе-гради
Не по-старому, не по-прежному;
А потухло у нас сонцё красноё,
А померкла звезда поднебесная:
Как наехало проклятое чудишшо;
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел.
А и ножишша, как-быть лыжишша,
А и ручишша, как-быть граблишша,
А и глазишша, как-быть чашишша.
У царя Костянтина Атаульевича
Ишша скованы ноги резвые
А тема жа железами немецкима,
Ишша связаны руки белые
А-й тема опутьями шолковыма.—
Говорит как тут Илья Мурович:
„Уж ты ой еси, калика перехожая,
„Перехожа калика безымянная!
„Ишша платьем с тобой мы поменяимсе:
„Ты возьми у мня платье богатырскоё,
„А отдай мине платье калицкое“.
Говорит как калика перехожая:

— Я бы не взял платья богатырского
Я бы не отдал платья калицкого,
А едино у нас солнышко на неби,
А един у нас могут богатырь
А старо̀-казак да Илья Мурович;
А с тобой с Ильей дак и слова нет.—
Они платьем тут да поменялисе,
Ишше тут же ведь Илья Мурович
Он ведь скинул платьё богатырскоё,
А одел себе платье калицкоё
И оставил калики добра коня.
Он ведь сам пошел тут каликою:
Ишша клюцкой идё потпираитсе, —
Ишша клюцка под им изгибаитсе:
Говорит тут Илья Мурович:
„Не по мне эта клюцка и кована,
„Ишша мало жалеза ей складено;
„Ишша сорок пуд во единый фунт“.
(*Не худой, видно, сам был.*)
А идет как калика да по Царю-граду;
А скричал как он да по-калицкому,
Засвистел как он по-богатырскому, —
А проклятое тут чудишшо,
Оно чуть сидит на лавици.
А та же калика перехожая,
А идет ведь к чудишшу в светлу гридню.
Он ведь молитсе спасу пречистому,
Он ведь божьей матери, богородици.
А сидит проклятое чудишшо,
А сидит оно ведь на лавици,
Ишша сам как он семи аршин,
Голова его как пивной котел,
Ишша ножишша, как-быть лыжишша,
Ишша ручишша, как-быть граблишша.
Ишша глазишша, как-быть чашишша.
Говорит как проклятое чудишшо:
„Уж ты ой еси, калика перехожая!
„Уж ты где ты был, куды ходил?“
— Уж я был во городи, во Киеви
У стара казака да Ильи Муровича. —
Говорит как тут ведь ишше чудишшо:
„А каков у вас и могут богатырь,
„Ишша стар казак да Илья Мурович?“
Говорит калика перехожая,

Перехожа калика безымянная:
— А таков у нас могут богатырь,
Ишша стар казак да Илья Мурович:
А в один мы день с им родилисе,
А в одной мы школы грамоты училисе,
А и ростом он такой, как я. —
Говорит проклятое чудишшо:
„Ишша много ли он хлеба к выти съест?“
Говорит калика перехожая:
— От ковриги краюшечку отрушаёт,
А и той краюшкой трое сутки живет“.
Говорит проклятое чудишшо:
„По сторублевому быку да я ведь к выти ем!“
Говорит как калика перехожая,
Перехожа калика, да безымянная:
— У нас, у попа была коровушка обжориста.
Да много жорила, ей и рóзорвало! —
Говорит проклятое чудишшо:
„Я и буду в городе в Киеви,
„Ишше буду я как баран тусён,
„Как баран тусён, как сокол есён;
„Стару казака да Илью Муровича
„На долонь посажу, другой росхлопну,—
„У его только и мокро пойдё“.
Стоит как калика перехожая,
Он сымаё шляпочку воскрынчату.
Он и взгрел чудишша по буйной главы.
Покатилась голова, как пивной котел.
Тут ведь пáвелы и юлáвелы.
Ишше та его сила неверна жа
И схватали тут да Илья Муровича,
А сковали его ноги резвы жа
А-й тема жалезами немецкима,
А связали его руки белы жа
Тема же опутьями шолковыма.
Говорит как тут да Илья Мурович:
„Уж ты, спас, уж ты спас многомилослив,
„Уж ты, божья мать, богородица!
„Уж вы што на меня да ек прогневались?“
Приломал все жалеза немецкие,
Он прирвал опутьни шолковые;
Он ведь стал по силы тут похаживать,
Он ведь стал ту силу поколачивать,
Он прибил их всех до единого.

Ишша ихны те ведь тулова
Он выкидыват окошечком на улочку,
Ишша сам он им приговариват:
„А пушшай ваши те ведь тулова
„А-й серым волкам на розрыванье,
„А черным воронам на росклёванье,
„Ишша малым робятам на изрыганье".
У царя Костянтина Атаульевича
Росковал у его да ноги резвые,
Розвезал у его руки белые;
А кнегину Опраксею назад ведь взял;
Посадил он их тут на царсво жа.
А пошел как тут да Илья Мурович,
А приходит он ко меньшой реки
Ко тому калики перехожое.
Ишша тут калика перехожая,
Перехожа калика безымянная
И не может он его конем владать,
А его коня в поводу водит.
Они платьем тут розменялисе:
Ишша тот ведь да Илья Мурович
Он ведь скинул платье калицкоё.
Он одел ведь платье богатырское.
Ишша тут они разъежжалисе,
Ишша они тут распрошшалисе;
А Илья поехал домой ведь тут,
А калика пошел, куды надомно.

---

4. МОЛОДОСТЬ ДОБРЫНИ И БОЙ ЕГО С ИЛЬЕЙ МУРОВИЧЕМ

Во славном во городи во Киеви
Был тут Никита Родоманович.
Девеносто он лет жил, пристарился,
Он пристарился, да тут припокоился.
Оставаласе семья любимая
Да чесна вдова Омельфа Тимофеевна;
Оставался Добрынюшка Микитич млад
Он не в полном уми, не в полном разуми,
Не в великом Добрынюшка возрости:
Он не может Добрыня на кони сидеть,

Он не может Добрынюшка конем владать,
Ишша стал как Добрыня лет двенадцати,
Он падал своей матушки в резвы ноги:
„Уж ты ой, государыня-матушка!
„Чесна вдова Омельфа Тимофеёвна!
„Благослови-тко меня выйти на улоньку
„Ишша с малыма робятами поиграти".
Да которы робята двадцети пети,
Ишша он ведь Добрыня да лет двенадцети.
— Тебя бог благословит, чадо милоё,
А молоду Добрынюшку Микитича млад,
А тебе жа как выйти на улоньку
Ишша с малыма робятами поиграти. —
Да которы робята двадцети пети,
Ишша он ведь Добрыня да лет двенадцети.
А пошел как Добрынюшка на улоньку,
Ишшо стал он шуточки зашучивать:
Кого за руку возьмет,— руку выдернёт,
Кого за ногу подопнет,— ногу вышибёт,
По белой шеи ударит,— голова ведь с плеч.
Доходили эти жалобы великие жа,
Доходили до его ведь до матинки,
До чесной вдовы Омельфы Тимофеёвны.
А молодой Добрынюшка Микитич млад
Он падал своей матинки в резвы ноги.
„Уж ты ой, государыня-матушка!
„Благослови-тко меня итти-ехати
„Да во далече во чисто полё
„Да учитьсе натуры богатырской жа".
Добрынина та матушка росплакалась:
— Уж ты молоды Добрынюшка Микитич млад!
Ты не в полном уми, не в полном разуми,
Не в великом, Добрынюшка, возрости:
Да напрасно головушка погибнет ведь. —
Он ведь падает свой матушки во второй након:
„Уж ты ой, государыня матушка!
„Благословишь ты меня, я поеду жа,
„Не благословишь ты меня, я поеду жа".
— Тебя бог благословит, чадо милое,
Да молоду Добрынюшку Микитича,
Тебе ехать во далече в чисто поле
А учитьсе натуры богатырской жа. —
А молоды Добрынюшка Микитич млад
Он выходит на середу кирпичнею,

Он молитьсе спасу пречистому,
Он божьей-то матери, богородици.
Да пошел как Добрыня на конюшон двор.
Он берет ведь тут добра коня,
Он добра-то коня со семи цепей;
Он накладыват уздицу тасмяную,
Уздат во уздилица булатные;
Он накидывал Добрынюшка войлучек,
Он на войлучек Добрынюшка седелышко;
Подпрягал он двенадцать подпруженек,
А ишша две подпружки подпрягаютсе,
Да не ради басы, рады крепости:
Да не шшиб бы богáтыря доброй конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поли.
Надевает он латы булатные,
Да берет он с собой палку воинную,
Да берет он с собой саблю вострою,
Он берет ведь с собой востро копье,
Берет он с собой и булатный нож,
Скоро он скачет на добра коня;
У ворот приворотников не спрашивал,—
Он махал через стену городовую.
Ишша ехал Добрыня по чисту полю,—
В чистом-то поли курева стоят,
В куревы как богатыря не видети.
Как во ту-то пору, в то-то времечко
Ко той вдовы Омельфы Тимофеевны
Приезжала поленица удалая,
Ишша стар-от казак Илья Мурович.
Становил он коня к дубову столбу,
Да вязал он коня к золоту кольцу.
Да в гридню он идет не с упадками,—
Отпирает он двери тут на пету.
Он молитсе спасу пречистому,
А божьей-то матери, богородици.
А чесной вдовы Амельфы поклоняитсе,
А чесна вдова Омельфа Тимофеевна
А поит поленицу, она кормит тут;
А сама поленице наказывает,
Да наказыват поленице, наговариват:
„Уж ты, ах, поленица удалая,
„Уж ты стар казак, Илья Мурович!
„Ты поедешь, Илья, во чисто поле;
„Ты увидишь мое чадо милое,

„Ишша молоды Добрынюшку Микитича;
„Не придай ты ему смерти скорое".
Ишша тут поленица поежжает ведь,
А чесна вдова Омельфа спровожает тут.
Скоро поленица скачёт на добра коня,
Ишша едет Илья по чисту полю,—
А молоды Добрынюшка Микитич млад
Ишша ездит Добрыня по чисту полю,
А учитсе натуры богатырской жа:
А правой рукой копьем шурматит,
А левой рукой он подхватыват.
А кричит, как зычит поленица удалая,
Да стар казак Илья Мурович:
— А пора, поленица, с тобой съехатьсе,
А пора, поленица, нам побрататьсе. —
А Добрынюшка тут испужаитсе,
А конь-от под им и подпинаитсе,
А бьет он коня по тучным ребрам:
„Уж ты, волчья ты сыть, травяной мешок!
„И што тако ты подпинаишьсе,
„Надо мной над богатырем надсмехаишьсе?"
Кричит как поленица, да во второй након:
— На уезд уж тебе не уехати! —
Как две горы вместях столконулисе,—
Два богатыря вместях съежжалисе.
Они бились палками воинныма;
По насадкам палки розгорялисе;
Они друг ведь друга не ранили,
А кидали палки на сыру землю.
Они секлись саблеми вострыма;
Ишше сабельки пошшорбалисе;
Они ведь друг друга не ранили,
Они кидали сабли на сыру землю.
А кололись копьеми вострыма,
Друг ведь друга не ранили;
По насадкам у них копья обломалисе;
А кидали они копья на сыру землю.
Слезовали богатыри со добрых коней,
А схватились богатыри во плотной тут бой.
Ильина нога да окатиласе,
Окатиласе да нога левая;
Ишша сплыл Добрыня на белы груди,
Ишша хочёт пороть груди белые,
Он хочё смотреть ретиво серьцё,

Ишша сам говорил таково слово:
„Не чесь-то хвала молодецкая,
„А-й не выслуга-та богатырска жа —
„А убить поленица во чистом поли
„А без спросу ей и без ведома;
„Уж ты, ох, поленица удалая!
„Ты коей земли, коего города?“
Говорит поленица удалая:
— Ишша был бы у тя я на белых грудях, —
Не спросил бы ни дядины, ни вотчины,
А порол бы у тя я груди белы жа,
А смотрел бы у тя ретиво серьцё.
Я из славного города из Киева:
Ишше старо казак да Илья Мурович,
Илья Мурович сын Иванович.—
А и молоды Добрынюшка Микитич млад
Ишше скачёт он со белых грудей,
Ишше падат ему во резвы ноги:
„Уж ты, батюшко наш, старый казак!
„Ты старо казак да Илья Мурович!
„Ты прости меня в таковой вины“.
Они скоро скачут на добрых коней.
А Илья поехал по чисту полю.
А Добрыня поехал к своей матёнки,
А к чесной вдовы Омельфы Тимофеевны;
Становил коня к дубову столбу,
Он вязал коня к золоту кольцу,
А в гридню идет,— богу молитсе.
Своей матенки да поклоняетсе:
„Уж ты здрастуёшь, моя матушка,
„Чесна вдова да Омельфа Тимофеевна!“
— Уж ты здрасвуёшь, мое дитятко,
Да молоды Добрынюшка Микитич млад!—
Говорил Добрынюшка Микитич-от,
Говорил он ведь своей матёнки:
„Ишша был я Добрыня во чистом поли:
„Я побил поленицу удалаю,
„Я стару казака Илью Муровича“.
Говорит тут да родна матушка,
Ишша та вдова Омельфа Тимофеевна:
— Уж ты ой еси, мое дитетко,
Ишша молоды Добрынюшка Микитич млад!
Ишша то ведь тебе родной батюшко. —
Ишша тут ему за беду стало,

За ту кручинушку великую.
(Ишь, мать сказала, што он не замужем был прижит, он ведь не знал, што сколотной был).
Он ведь скоро скачёт на добра коня,
Он поехал тут по чисту полю.
(*Хотел найти Илью Муровича, да убить его, да где его сыскать, Илью-то? Поездил, да так и приехал.*)

---

5. КУПАНЬЕ ДОБРЫНИ И БОЙ ЕГО СО ЗМЕЕМ ГОРЫНИЩЕМ

А молоды Добрынюшка Микитич млад
Не в полном уми, не в полном разуми.
Не в великом Добрынюшка возрости.
Надевает Добрынюшка платьё цветноё;
Он пошел как Добрыня на конюшон двор;
Берет как своего добра коня,
Он добра-та коня со семи цепей;
Он накладыват уздицу тасмянную;
Он вуздат во уздилица булатные;
Он накидывал Добрынюшка войлучек,
Он на войлучек Добрынюшка седелышко;
Подпрегал он двенадцеть подпруженек,
Ишша две подпружки подпрегаютсе
Да не ради басы, ради крепости;
Да не шшиб бы богатыря добрый конь,
Не оставил бы богатыря в чистом поли.
Скоро он скачет на добра коня;
А берет он с собой только тугой лук,
Ишша тугой-от лук, калену стрелу.
Ишша едет Добрыня по чисту полю, —
Во чистом-то поли курева стоит,
В куревы как богатыря не видети.
Ишша ехал Добрыня день до вечера,
Он темну-то ночь до бела свету,
Не пиваючи он, не едаючи,
Да добру коню отдоху не даваючи.
Да приехал Добрыня ко меньшой реки,
Ко меньшой-то реки, ко синю морю.
Скиновал тут Добрыня платьё цветноё,

Ишша наг ведь Добрынюшка до ниточки,
Оставлят только Добрыня един пухов колпак,
Ишша поплыл Добрыня по синю морю,
Ишша выплыл Добрыня на перву струю;
Богатырьско-то сердце зарывчиво:
Да зарывчиво-то сердце заплывчиво;
Ишша поплыл Добрыня на втору струю, —
Да втора-то струя добра относиста;
Отнесла как Добрыню за синё морё.
И там плават змеишшо Горынишшо:
(*Змеишшо летал на светую Русь, со светой Руси людей живком уносил и унес у Владимира-князя племянницю, и Добрынюшка зажалел ей, так здумал воротить...*)
„Сказали, от Добрыни мне-ка смерть будё;
„А нынь ведь Добрыня у меня в руках;
„А хочу я, Добрыню хоть целком сглону,
„Да хочу я, Добрыню хоть с конем стопчу".
А молоды Добрынюшка Микитич млад
Ишша тут жа змеишшу возмолилосе:
— Уж, ты ох, змеишшо Горынишшо!
Уж ты дай мне строку на малой час
Ишша выплыть Добрынюшки на крут берег
А и на тот же Добрыни россыпной песок. —
Тут же змеишшо Горынишшо
Да дает ему строку на малой час
А молоды Добрынюшки Микитичу.
А выплыл Добрынюшка на крут берег
Да на тот Добрыня россыпной песок.
Ишша наг ведь Добрынюшка до ниточки,
Только у Добрыни един пухов колпак.
Он сымат как пухов колпак со буйной главы,
Засыпат он песку, хрещу серого,
Он шшиб как змеишшу во черны глаза,
Он шшиб как у змеишша три хобота,
А три хобота шшиб он три головы.
Ишша тут же змеишшо возмолилосе:
„Уж ты молодый Добрынюшка Микитич млад!
„Не придай ты мне смерти скорое;
„Уж я дам тебе заповедь крепкою;
„Не летать бы мне Змеишшу на светую Русь,
„Не носить бы со светой Руси живком людей;
„Ишша дам те Добрыни платьё цветное,
„Ишша дам те Добрынюшки добра коня,

„Я Владимера князя дам племянницу".
А пошли они на гору Окатову,
Да писали они заповедь крепкую:
Не летать больше змеишшу на светую Русь,
Не носить бы со светой Руси живком людей;
Да дает ведь Добрыни платье цветноё,
Да дал он Добрынюшки добра коня,
Да Владимера князя дал племянницу.

---

6. АЛЕША ПОПОВИЧ И СЕСТРА ПЕТРОВИЧЕЙ

У Владимера князя был почестён пир.
Да все на пиру напивалисе,
Да все на чесном наедалисе;
Да все на пиру приросхвастались:
Да иной хвастат золотой казной,
Как иной хвастат молодой женой,
Как иной хвастат конем ежжалым-е,
Как иной хвастат быком кормлёным-е.
И сидят как два Петра Петровича;
Они не пьют, не едят, ничем не хвастают.
Говорят как им как товарышши:
„Уж вы ой еси, два брателка.
„Не пьитé, не едитé, ничем не хвастаетё".
—Уж мы чем же будем хвастати.
Ишша нету у нас золотой казны,
Ишша нету у нас молодой жоны,
Ишша нету у нас быка кормлёного.
Ишша нету у нас коня ежжалого,
Только есь у нас една сестрица,
Ишша та же Еленушка Петровна-свет;
Как никто не видал в едной рубашечки,
А в едной рубашечки без пояса,
А в единых чулочиков, без чоботов. —
Подскочил Олёшечка Попович сын:
„Уж вы ой еси, два брателка,
„Вы не хвастайте своей сестрицей
„А и той же Еленушкой Петровною;
„Я видал вашу ведь сестрицу
„А в единой рубашечки, без пояса,
„А в единых чулочиков, без чоботов;

„Вы подите-тко ведь домой же ведь,
„Закатайте ком да снегу белого,
„Уж вы киньте в окошечко в кошевчато
„Со восточнею да со стороночку".
Ишша тут братцам за беду стало
А й за ту кручинушку великою.
Собирались тут со беседушки,
А идут они к своёму двору,
Закатали ком да снегу белого
А кидали в окошечко в кошевчато,
Выходила тут ихна сестрица,
Ишша та жа Еленушка Петровна ведь,
Она в едной рубашечки без поеса,
А в единых чулочиков, без чоботов.
Ишша тут ей братца россердилисе,
Ишша тут они розгневилисе:
„Уж ты ой еси, наша сестрица
„А-й ты жа Елена Петровная".
И хотят рубить да ейну голову.
Ишша тут им сестрица поклониласе,
Ишша тут она покориласе:
„Уж вы ой еси, два брателка,
„Два Петра ведь вы да два Петровича.
„Не рубите-тко да буйной головы,
„Уж вы дайте строку на малой час
„А сходить Елены ко божьей церкви
„Ишше богу ей помолитисе,
„А с подружечками ей роспроститисе".
Они тут были ведь послушливы,
А послушливы, разговорчиты,
А дают ведь строку на малой час
А сходить Елены ко божьей церкви
А и богу ей помолитисе,
А с подружечками роспроститисе.
А как пошла Елена ко божьей церкви
Она богу тут помолитисе,
А с подружечками роспроститисе.
Она стоит да тут богу молитсе;
А слезами она да умываитсе.
А горём она подтираитсе.
Подскочил Олёшечка Попович сын,
Научать Еленушку Петровную:
„Ты просись у братей во чисто полё,
Штобы срубили там твою да буйну голову".

А приходит Елена от божьей церкви.
Ишша братья у ей да россердилисе,
Ишша тут они розгневалисе;
А хотят рубить буйну голову.
Ишша тут Елена возмолиласе,
Ишша тут она покориласе:
„Уж вы ой еси, вы два брателка,
„Два Петра да вы два Петровича.
„Не секите моей да буйной головы,
„Уж вы дайте строку на малый час,
„Вы секите мою да буйну голову
„А во далече да во чистом поли".
Как у ей братья были послушливы,
Как у ей были разговорчиты;
Повезли Елену во чисто полё,
Они там хотят срубить да буйну голову.
Ишша тут Елена взмолиласе,
Ишша тут она покориласе:
„Уж вы ой еси, два брателка,
„Два Петра ведь вы да два Петровича.
„Вы рубите мою да буйну голову
„А на той на плахе на липовой".
И как у ей братцы были послушливы,
А послушливы, разговорчиты,
Закопали Елену в землю по поясу,
Они поехали за плахой за липовой.
Подскочил Олёшенька Попович сын,
Ишша выкопал тут Еленушку.
Да уехали они к божьей церкви,
Да венцами они повенчалисе,
Да перснями они поменялисе.
А приехали как два брателка,
Два Петра ведь их да два Петровича,—
Ишше тут Елены только место знать.
Ишше тут они и заплакали:
— Уж ты ой еси наша сестрица
Ишша ты Еленушка Петровна ведь.
Ишша мы тебя дак много слушали,
Ишша ты нас дак не послушала. —

———

7. СОЛОВЕЙ БУДЕМЕРОВИЧ И ЗАПАВА ПУТЕВИСЬНЯ

Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого
Тут бежит, выбегает тридцать насадов,
А и три, и два, и един карапь,
Тут и нос-корма по-змеиному.
У прибегишша как ладейного,
У того присталишша карабельного
Опускали парусы полотненны,
Ишша те жа якори булатные:
Они ходенки мечут концы на берег.
А пришел как тут младый Соловей,
Ишша младый Соловей Будемерович.
А пришел как он з-за Синя моря,
Он Владимеру князю подарки берё:
Он ведь сорок сороков и черных соболей
Он кнегины Опраксеи подарки берё:
Петьдесят аршин хрущатой камки;
Ишша в золоти камоцка не помнётсе,
И не помнитсе, и не согнитсе,
А пошел как тут младый Соловей,
Он пошел ко городу ко Непрьскому.
Он ведь будя в городи во Непрьском.
Он в гридню идё не с упадками, —
Отпираё он двери на пету.
Он идё в гридню, — да Богу молитсе;
Он Владимеру князю поклоняитсе;
Он Владимеру князю подарки дарит,
Он ведь сорок сороков и черных соболей;
Он кнегине Опраксеи подарки дарит,
Петьдесят аршин хрущатой камки,
А и в золоти комоцка не помнетсе,
И не помнетсе, и не согнетсе.
Ишша князь комоцку розвертывал,
Ишша князь узоры высматривал:
А хитры-мудры узоры заморские.
Говорил как тут Володимёр-князь:
„Уж ты ой еси младый Соловей!
„А и што тебе тако надобно?
„Ишша надобно ли дворы мои,
„А дворы мои все стоялые,
„А стоялы дворы мои, боярские?

Говорил как тут младый Соловей,
Ишша младый Соловей Будемерович,
Говорил как он тако слово:
„А и не надобно мне дворы твои,
„А и дворы твои все стоялые,
„Ай стоялы дворы твои, боярские;
„Уж ты дай мне загон земли,
„Ишша супротив Запавьина вишенья".
(*Што ли у ей што есть: сад какой?..*)
Ишша тот же как Владимёр князь
Отдает как Соловью загон земли,
Што во той во улице Жироевлинской,
Ишша супротив Запавьина вишенья.
Как у Соловья были плотницки,
Они шшолканы и прошшолкаиы:
(*Таки были бойкие.*)
Они к утру, к свету построились,
Они построили тут как три терема,
А три терема златоверховаты.
Ишша та Запава Путевисьня
А ставала по утру ранешенько,
Умываласе водой ключёвою,
Утиралась полотенцем тоненьким.
А-й взглянула Запава в свое вишеньё,
(*Што-нибудь сажено было, кто знает!*)
Ишша тут Запава здивоваласе:
„Ишша што така за диковинка?
„Ишша кто вновь построился?
„И построил тут как три терема,
„А три терема златоверховаты?
„Я пойду ко князю-ту спрашивать".
Ишша та Запава Путевисьня
А-й пошла ко князю ведь спрашивать:
А и в гридню идё не с упадками. —
Отпирает двери тут на пету;
А и в гридню идё, — да богу молитсе,
А Владимеру князю поклоняитсе:
„Ты Владимёр, князь стольнекиевской!
„Ишша што така за диковина?
„Ишша кто такой вновь настроился?"
Говорил как тут Владимёр князь:
„Уж ты ой еси, Запава Путевисьня!
„А построился младый Соловей Будемерович
„А пришел как он з-за синя моря,

„Ишша он тут вновo настроился".
Ишша та Запава Путевисьня
Говорит она таково слово:
„Уж ты ой еси, ты Владимер князь!
„Я пойду к нему насватыватьсе;
„Не возьмет ли он за себя взамуж?"
Как та Запава Путевисьня
А пошла ко Соловью навязыватьсе.
По первой терём припала, послушала:
Тут шолчат-молчат, ничего не говорят;
Ишша тут Запава догадаласе:
„Ишша тут у Соловья казна стоит".
По второй терем припала, послушала:
Тут шолчат-молчат, ничего не говорят;
Ишша тут Запава догадаласе:
„Тут живет Соловьева тут матушка,
„Ишша молится за Соловья здоровьице".
По третей терем припала, послушала:
Тут песни поют и гудки гуднут;
Ишша тут Запава догадаласе:
„А-й сидит как тут младый Соловей
„А и младый Соловей Будемерович.
„А сидит на стуле ременьчатом,
„А играт во гусли во звоньчаты".
А в гридню идет не с упадками,—
Отпирает двери тут на́ петy;
А в гридню идет, — богу не молитсе.
Говорил как тут младый Соловей:
„Уж ты ой еси, Запава Путевисьня!
„Ишша што тя, Запава, нынь кретня взяла.
„А кретня взяла неизумелая?"
(*Безумничала, вишь ты, говорит...*)
Говорит Запава Путевисьня:
„А меня Запаву не кретня взяла,
„Не кретня взяла неизумелая, —
„Я пришла к тебе ведь насватыватьсе;
„Не возьмешь ли ты за себя взамуж?"
Говорит как тут младый Соловей:
„Уж ты дай ты строку на малой час
„Мне сходить к государыни ко матушки,
„Попросить у ей благословеньица".
Он пошел ведь тут младый Соловей,
А пошел ведь он к своей матинки,
Он ведь падат матушки в резвы ноги.

„Уж ты гой, государыня матушка!
„Благослови ты меня нынь жонитисе
„А на той Запавы Путевисьны;
„Ишша нынь Запава сама пришла".
Говорит ведь тут Соловьева матушка:
„Тебя бог благословит, чадо милоё.
„А тебе на Запаве жонитисе".
А пошел как тут млады Соловей,
А пошел к Запавы Путевисьни.
Они сватались, тут сосватались,
По рукам они тут ударились.
Слово на слово ведь положили;
Они клали заповедь крепкую,
Они клали заповедь на три года ведь,
А сходить ведь Соловью за синё морё.
Наставляли пàрусы полòтнены.
Направляли якори булатные;
Отправлялся тут младый Соловей,
Отправлялся он за синё морё...
Ему дал бог поветерь попутную.
Как во ту пору, во то времечко
Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого
А бежит прибегищо лодейноё,
А лодейное карабельнеё:
А се три, се два, се един карапь.
У прибегища как лодейного,
У того присталища карабельного
Опускали парусы полотнены,
Опускали якори булатные,
Они ходенки мечут концы на берег.
А пришел как тут ишша шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов.
Он Владимеру князю подарки берё:
Он ведь сорок сороков и черных соболей;
Он кнегины Опраксеи подарки берё:
Педдесят аршин хрущатой камки,
Ишша в золоте камоцка не помнетсе,
И не помнетсе, и не согнетсе,
А-й пошел как тут ишша шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов;
И пошел ко городу ко Непрьскому,
А и будя во городи во Непрьском;
Он в гридню идё не с упадками,—

Отпираёт он двери на пету.
Он в гридню идет, — богу молитсе,
Он Владимеру князю поклоняитсе;
Он Владимеру князю подарки дарит.
Он ведь сорок сороков и черных соболей;
Он кнегины Опраксеи подарки дарит,
Педдесят аршин хрущатой камки.
Ишша кнезь камоцку развертывал;
Ишша кнезь узоры высматривал:
А хитры-мудры узоры заморские,
Ишша в золоти камоцка не помнетсе.
И не помнетсе и не согнетсе.
Говорил как тут Владимёр князь:
„Уж ты ой еси, ишша шшап молодой,
„ Ишша шшап молодой и Давыд Попов!
„А и што тебе да тако надобно?
„Ишша надобно ли дворы мои
„А-й дворы мои ли боярские?“
Говорил как тут ишша шшап молодой:
„Ишша надо мне и дворы твои,
„А и дворы твои все стоялые,
„А-й стоялы дворы твои все боярские“.
Говорил ведь тут ишша шшап молодой:
„Я пойду топер к Соловьевой матушки,
„Я скажу ведь ей как про Соловья.
„Ишша нынь ведь Соловья живого нет.
„Розметало по морю по синему,
(*Ишь какой враль!*)
„По тому жа по полю по чистому:
„Мы ведь друг друга не спознали“.
Как пошел ведь тут шшап молодой.
Он пошел ведь тут к Соловьевой матушки:
(*Врать пошел!*)
Ишша сказывать ей про Соловья:
„Уж ты здрасвуёшь, Соловьева матушка!
„Я пришел сказать тебе про Соловья.
„Ишша нынь ведь Соловья живого нет:
„Розметало по морю по синему,
„По тому жа по полю по чистому;
„Мы ведь друг друга не спознали“.
Ишша та тут Соловьева тут матушка
А-й пошла ведь к Запавы отказыватьсе:
„Уж ты гой еси, Запава Путевисьня!
„Ишша нынь, Запава, те своя воля.

„Те своя воля: куды хошь поди;
„Ишша нынь ведь Соловья живого нет:
„Розметало по морю по синему,
„По тому жа по полю по чистому“,
А пришел ведь нынче и шшап молодой,
Ишша шшап молодой и Давыд Попов;
Он ведь стал на Запавы тут свататьсе.
Они сватались, тут сосватались,
По рукам они тут ударились.
А Владимёр князь у их тысяцким.
А кнегина Опраксея матушкой.
Повелась у их тут ведь свадёбка.
Из-под ветерья как кудрявого,
Из того орешва зеленого,
А бежит, выбегает тридцать на́садов:
А и три, и два, и един карапь.
У того присталища карабельнего
Опускали парусы полотнены,
Опускали якори булатные,
Они ходенки мечут концы на берег.
А пришел как тут младый Соловей,
А и младый Соловей Будемерович.
Он пошел ко городу ко Непрьскому.
Он ведь будя в городи во Непрьском:
Он идет в гридню не с упадками, —
Отпираёт двери он на пету;
Он в гридню идет, — да богу молитсе,
А кормилици матенки поклоняитсе:
„Уж ты здрасвуешь, родна матушка!“
Уж ты здрасвуешь, млады Соловей
А и младый Соловей Будемерович!
А пришел как нынь з-за синя моря
А пришел как нынь ишша шшап молодой;
А сказал про Соловья: „живого нет:
Розметало по морю по синему,
По тому жа по полю по чистому“.
Я ходила к Запавы отказыватьсе:
„Нынь тебе, Запава, своя воля
А-й своя воля: куды хошь, поди“.
А и шшап молодой и Давыд Попов
Он ведь стал на ей тут ведь свататьсе;
Они сватались, тут ведь сосватались,
По рукам они тут ударились;
А Владимер князь у их тысяцким,

А кнегина Опраксея матушкой;
А ведетсе у их нынь ведь свадёбка. —
Говорит как тут младый Соловей,
„Уж ты ой, государыня матушка!
„Я пойду к им ведь на свадёбку".
А пошел как тут младый Соловей,
А-й пошел ведь к ним на свадёбку.
Он в гридню идет не с упадками, —
Отпираё двери он на пету;
А в гридню идё, — богу молитсе,
А Владимеру князю поклоняитсе,
Поклоняитсе со кнегиною;
А ишша сам говорил таково слово:
„Уж ты ой еси, ишша шшап молодой!
„Ты зачем омманывашь мою матушку,
„Ты зачем берешь мою обрушницу?"
Его за руку хватил, дак выхватил;
На долонь посадил, другой росхлопнул.
(*Этакой богатыришшо! Сохрани его бог!*
Его и судить никто не может).
Он ведь брал Запаву за белы руки,
А поехали они ко божьей церкви.
А Владимёр князь у их тысяцким,
А кнегина Опраксея матушкой,
Повелась у них тут свадёбка.

---

8. КНЯЗЬ ДМИТРИЙ И ДОМНА

Ишша сватался Митрей князь
Ишша сватался Михайлович
На Домны Фалилеёвны
Он по три года, по три зимы,
От дверей не отходучи,
Да от ворот не отъедучи,
Да как пошел, пошел Митрей князь
Да он ко ранной заутрени
Да к чесной ранной воскресенское.
Увидала его Домнушка
Да Домна Фалилеёвна:
„Да его Митриё кутыра ийдё,
„Да как кутыра-та боярская,
„Да как сова заозерская,

„Голова-та у Митрея
„Да как котел пивоваренной,
„Глаза-ти у Митрея
„Да как две кошки ордастые,
„Да как брови у Митрея
„Да как собаки горластые".
Да как услышал Митриё князь.
Да как услышал ведь Михайлович-от
Воротился к своей сёстрици,
Да ко Ульяны Михайловны!
„Уж ты гой еси, сестрица,
„Да ты Ульяна Михайловна!
„Да собирай-ка беседушку;
„Да созови красных девушок
„Да молодых-то молодушок,
„Да созови-сходи Домнушку,
„Да как Домну-ту Фалилеёвну;
„Созови на беседушку
„Да скажи: Митрея-та дома нет, —
„А скажи: — Михайловича дома нет:
Да он ушел за охвотами,
Он за утками, за гусями,
Да он за белыма лебедями".
Да пошла, пошла сестрица
Да Ульяна Михайловна,
Да собирала беседушку,
Да созывала красных девушок
Да молодых-то молодушок:
Да позвала она ведь Домнушку
Да как Домну-то Фалилеёвну:
„Да ты пойдем, пойдем, Домна, к нам,
„Да ты пойдем на беседушку
„Да посидеть с красныма девушками
„Да с молодыма молодушками".
Посылаёт ей матёнка:
„Да ты поди, поди, Домнушка,
„Да ты Домна Фалилеёвна;
„Да ты поди на беседушку
„Да посидеть с красныма девушками".
Говорила тут Домнушка
Да как Домна Фалилеёвна:
— Ты кормилица матёнка!
Не посол идет, — омман за мной. —
Да говорила тут сёстрица

Да как Ульяна Михайловна:
„Да ты пойдем, пойдем, Домна, к нам,
„Да ты пойдем, Фалилеёвна;
„Да у нас Митрея-то дома нет
„У нас Михайловича дома нет:
„Он ушел за охвотами,
„Да он за утками, за гусями,
„Да он за белыма лебедями",
Да как пошла, пошла Домнушка
Да посидеть на беседушку,
Да посидеть с красныма девушками
Да с молодыма молодушками.
Да идет, идет Домнушка,
Да идё Фалилеёвна.
У ворот стоят приворотнички,
У дверей стоят притворнички.
Да сохватали тут Домнушку,
Да сохватали Фалилеёвну
Да ей за белые ручушки
За злачены персни серебреные;
Подводили ей к Митрею,
Да подводили к Михайловичу.
Ишша Митрей князь за столом стоит
Да со всема князьями, боярами.
Да наливаёт он чару вина,
Наливаёт зеленого;
Да подаваёт он Домнушки,
Да подаваёт Фалилеёвны:
„Да выпей, выпей, Домнушка,
„Да выпей, выпей, Фалилеёвна,
„Да от кутыры боярское,
„Да от совы той заозерское,
„Да от котла-та пивоваренного,
„Да ты от кошки ордастое,
„Да от собаки горластое."
Не примает как Домнушка
Да не примаёт Фалилеёвна,
Говорила тут Домнушка,
Да говорила Фалилеёвна:
— Да ты спусти, спусти, Митрей князь,
Да ты спусти, спусти, Михайлович,
Да ко кормилици матёнки
Да как сходить к ей за платьицём:
Да перво платьё рукобитноё,

Да второ платьё обрученноё,
Да третьё платьё подвенесьнеё. —
Да не спускаёт ей Митрей князь
Да как сходить ей ко матёнки,
Да как сходить ей за платьицем:
Да перво платьё рукобитноё,
Да второ платьё обрученноё,
Да третьё платьё подвенесьнеё.
Да говорила как Домнушка,
Да говорила Фалилеёвна;
— Уж ты ой еси, Митрей князь!
Да ты спусти на могилочку
Да ко родителю-батюшку
Да попросить благословеньица
Да уж мы с тем благословеньицём
Да будём жить-красоватисе,
Будем гулять-проклаждатисе. —
А спустил, спустил Митрий князь,
Да как спустил, спустил Михайлович
Да ко родителю батюшку
Да сходить на могилочку
Да попросить благословеньица:
„Да уж мы с тем благословеньицем
„Да будем жить-красоватисе,
„Будём гулять-проклаждатисе“.
Пошла, пошла Домнушка,
Да как пошла Фалилеёвна,
Да пошла на могилочку;
Да брала с собой два ножичка
Да как два друга будто милых-е.
Да как пришла на могилочку,
Да ко родителю-батюшку.
Да первой ножичёк наставила
Да против сердца ретивого.
Да второй ножичёк наставила
Да противу горла ревливого;
Да сама она себе тут смерть придала.

9. КНЯЗЬ МИХАЙЛО

Ишша жил как кнезь Михайло, была Катерина пожила,
А была ведь дочь Настасья, да чадо милоё у их.
Говорит как кнезь Михайло да он кнегины пожилой:
„Скиновай-ко цветно платьё да надевай-ко черно платьё;
Ты садись в карету в темну, да ты поедём-ко со мной.“
Она байкат, она люлькат да дочь Настасьюшку свою:
„Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милое мое;
Уж ты спи, усни, Настасьюшка, вплоть до меня.“
Как повез тут кнезь Михайло свою кнегину да пожилу
Он во далече в чисто поле, во роздольицё;
А убил ведь кнезь Михайло да там кнегину да пожилу;
Схсронил ведь кнезь Михайло да он под белую берёзу,
Он под белу под берёзу, да он под саму под вершину.
Приежжаёт кнезь Михайло да ко своёму да ко двору.
Пробужаитсе дочь Настасья да чадо милоё его.
Он и байкат, он и люлькат дочь Настасьюшку свою:
„Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милое мое;
„Уж ты выростешь больша, я сошью тебе шубу кунью“.
Говорила дочь Настасья да чадо милое его:
„Мне не надо, мне не надо да шуба куньея твоя;
„Только надо, только надо да мне-ка матушка родна.“
Он и байкат, он и люлькат да чадо милое свое:
„Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милоё моё,
„Я срублю тебе, Настасья, да златоверховат терем“.
„Мне не надо, да мне не надо да златоверховат терем.
„Только надо, только надо да мне как матушка родна!“
„Уж ты спи, усни, Настасья, да чадо милое мое;
Я возьму тебе, Настасья, да тебе матерь молоду“.
Говорила дочь Настасья да чадо милое его:
„Мне не надо, мне не надо да твоя мати молода, —
Только надо, только надо да мне матушка родна;
Ты возьмешь-ка мне не матерь, — злую мачеху лиху:
Уж вы седите как с ей за дубовые столы,
Посадите же вы меня да край дубового стола.
Уж вы станите кусочек да рукодано мне давать. —
(Сама не засмеет взять, — из рук давать будут.)
Как пошла ведь дочь Настасья да в нову горенку,
Ишша села дочь Настасья да под окошечко.
А бежат ведь волки серы да всё розрывчатые.
Тут спроговорит Настасья да чадо милоё его:
„Уж вы где жа, волки, были, да уж вы што, волки, чули?“
„Ишша были мы волки да во чистом поли,

Ишша ели мы, волки, да мясо свежоё:
А убил ведь князь Михайло да он княгину да пожилу,
Схоронил ведь он княгину да он под белу да под березу,
Он под белу под березу да он под саму под вершину.
Ишша та же дочь Настасья да чадо милоё его
А кидаласе, бросаласе да выше лавицы брусятой,
А себе ведь тут Настасья да и смерть придала.
Как поехал князь Михайло да он во Римьскоё во царьсво
Выбирать себе княгину да Катерину да молоду.
Как женился князь Михайло да взял княгину молоду.
Как поехал князь Михайло да во чисто полё гулять.
Его матёнка родна да златолюбчива была,
Парну баёнку топила да серой камень нажигала;
Как обручной-то княгины да Катерины да молодой
Она по брюху катала, у ней младеня выжигала;
Она в бочку заколотила да во синё морё спустила.
Ишша ездит князь Михайло да по чисту полё гулят, —
Доброй конь его подпнулса, да с головы шляпа скатилась,
С головы шляпа скатилась, да сабля востра переломилась.
Говорил как князь Михайло да таковы же словеса:
„Ишша есь в доме несчастьё, да есь незгодушка больша:
„Уж матёнка хворат, либо молода жона гулят!“
Как поехал князь Михайло да ко своёму ко двору,
Не встречат его княгина да Катерина молода.
„Уж ты матушка родна, да где княгина да молода?“
„А княгина молода да непослушлива была,
Непослушлива была, да она к церкви ушла“.
Ишша тут же князь Михайло да все ведь церкви да обошел,
А все церкви обошел,— своей княгины не нашел.
„Уж ты матушка родна, да где княгина молода?“
„А княгина молода да непослушлива была,
Непослушлива была, да она в гости ушла“.
Всех соседов обошел да своей княгины да не нашел.
„Уж вы Денёшки, Манёшки, слуги верные мои!
„Ишша где моя княгина да Катерина да молода?“
Говорят ведь слуги верны: „да как княгина да молода,
Твоя матушка родна да златолюбчива была,
Парну баёнку топила да серой камень нажигала;
Она по брюху катала да всё младеня выжигала;
Она в бочку заколотила да во синё морё спустила“.
А кидался князь Михайло, да шелковыма да неводами,
Ишша выневодил Михайло да сыродубовую бочку;
Он роскупорил ведь бочку, —да тут княгина да молода.
Ишша он ведь себе да тут и смерти придал.

Его матушка родна да она по берегу пошла:
„О! я тяжко согрешила, да три души я погубила:
Перву душу я безвинну, да втору душу я безгрешну,
Третью душу понапрасно“.

---

10. МОЛОДЕЦ ДОБРЫНЯ ГУБИТ НЕВИННУЮ ЖЕНУ

Охвоч молодец по пирам ходить,
Охвоч молодец чужих жон смиять;
Да нынь мы молодцу самому отсмием:
„Да нынь у молодца и молода жона
„Пиво варила да вино курила,
„А звала как гостей не свою ровню:
„Попов, дьяков да людей грамотных,
„Людей грамотных да коих надомно“.
Да тут как молодцу и за беду стало
Да за ту жа за кручинушку великою
Собирался молодец со беседушки,
А идет молодец ко своёму двору.
Отпирает жона его воротечка
Да в едной рубашечки, без пояса,
В единых чулочиков, без чоботов,
А он ведь тут он ей смерть придал.
А порол он у ей груди белы же,
А смотрел он у ей ретиво сердце.
А пошел как Добрыня во светлу гридню;
Во светлой-то гридни да тут книга лежит,
Как книга-та лежит, да всё свеща горит.
За его-то она богу молила,
Молила Добрынюшки здоровьица.
Зашел как Добрыня в нову горенку,
А во горенки-то колыбель висит,
Колыбель-та висит, и младень плачет.
Он и байкат, он и люлькат чадо милое свое:
„Уж ты спи-тко, усни, чадо милое:
„Уж ты спи-тко, дитя безматерно“.
Да не сделать колыбелюшки без мастера,
Не утешишь младеня без матери.
Да сам он себе тут и смерть придал.

---

11. КОСТРЮК

Во тау-ль и во городи
Во тау-ли в хорошом-е
Поизволил наш царь-государь,
Да царь Иван Васильевич,
А поизволил жонитисе
Да не у нас, не у нас на Руси,
Да не у нас в каменной Москвы,
Да у царя в Большой орды
Кострюка, сына Демрюковича
Да у его на родной сестры
Да на Марьи Демрюковны.
Собиралса наш царь-государь,
Да собиралса с чесным поездом;
Да и оттуль поход учинил,
Да и оттуль из каменной Москвы.
Ишше здраво стал государь
Да через реки быстрые,
Да через морё синеё,
Да через полё чистоё
К Кострюку в Большу орду,
К Кострюку сыну Демрюковичу.
Говорил его дядюшка
Да Микита Родоманович:
„Уж ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
„Ишша мы к тебе пришли
„Да не с боем, не с дракою;
„Да мы пришли к тебе посвататьсе,
„Да у тебя на родной сестры
„Да на Марьи Демрюковны".
Они сватались, сосваталисе,
По рукам они ударилисе,
Да слово на слово положилисе.
Собирался наш царь государь
За столы те за дубовые,
Да за ясва сахарные;
Да за напиточки стоялые.
Пировал-жировал государь,
Да царь Иван Васильевич.
Говорил его дядюшка
Да Микита Родоманович:
„Уж ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
„Об чем слово было молвленоё,

„По рукам былò ударéноё?“
А Кострюк поскакиваё,
А Кострюк поплясываё;
Он тому-то не ослышилсе;
Он выводит родну сестру
Да ино Марью Демрюковну,
Да за нашого прозвителя царя,
Да за Ивана-то Васильевича,
Да за столы-ти за дубовые,
Да за ясва сахарные,
Да за напиточки стоялые.
А пировал-жировал государь;
А оттули и поход учинил,
Да оттули из Большой Орды.
Ишше здраво стал государь
Через полё чистоё,
Через море синее,
А через реки быстрые.
Ишше здраво стал государь
Во свою-ту в каменну Москву,
Да он ко церкви соборное,
Да ко монастырям церковное
Да они венцами повенчалисе,
Да перснями поменялисе.
Ишше здраво стал государь
Да во своей-то в каменной Москвы
За столы-те за дубовые,
Да за ясва сахарные,
Да за напиточки стоялые.
Да пировал-жировал государь,
Говорил его шурин тут
Кострюк Демрюков сын:
„Уж ты ой еси, царь-государь!
„У вас есть ли в каменной Москвы
„У вас есть ли таковы борцы
„А со мною поборотисе,
„А с Кострюком поводитисе?
„Да из дани, да из пошлины,
„Из накладу-ту великого?“
А говорил тут царь-государь,
Да царь Иван Васильевич:
„А любимой дядюшка!
„Да Микита Родоманович,
„Уж ты выйди-ко на улоньку;

„Затруби-ко в золотую трубу,
„Штобы чули за рекой за Москвой,
„Чтобы чули три брателка
„Да три братца родимые;
„Первой брат и Мишенька!
„Второй брат и Гришенька!
„А третьей брат и Васенька!“
Как выходит тут дядюшка,
Да Микита Родоманович,
Затрубил он в золотую трубу.
Да учули за рекой за Москвой,
А учули три брателка;
А первой брат Мишенька,
А второй брат Гришенька,
Да третей брат Васенька.
Говорил как тут царь-государь
Да царь Иван Васильевич.
„А любимой шурин мой!
„Кострюк Демрюков сын!
„У меня пития на столи,
„ У меня борцы на двори,
„Когда есть вера боротисе,
„Те из дани, из пошлины,
„Да из накладу-то великого“.
Кострюк поскакиваё,
Кострюк поплясываё;
(*Вишь коль боек!*)
Кострюк через стол скочил,
Кострюк пития сплескал.
Говорила как родна сестра,
Да царица-благоверница,
Да ино Марья-та Демрюковна:
„Уж ты ой еси, Кострюк-Демрюк!
„Не ходи ты боротисе,
„Ты из дани, да из пошлины,
„Да из накладу-то великого“.
Кострюк поскакиваё,
Кострюк поплясываё;
(*Какой-то скакливый был*)
Он тому то не ослышитсе;
Он выходит на улоньку,
(*При публике*)
На крылечушко красноё,
О перила облегаитсе,

Говорил как Мишенька:
„Уж ты ой еси, царь-государь!
„Царь Иван Васильевич!
„Мне-ка не с кем боротисе“.
Говорил как Гришенька:
„Уж ты ой еси, царь государь!
„Мне-ка не с кем руки патрать“.
Да говорил как Васенька:
„Уж ты ой еси, царь-государь!
„Уж бы рад я боротисе,
„С Кострюком бы поводитисе,
„Я из дани, из пошлины,
„Из накладу-ту великого, —
„Да я топеря со царева кабака,
„У меня болит буйна голова,
„Шипит ретиво сердце“.
А наливают как чару вина,
Да не велику, четвертиною;
А подавают Васеньки,
Да выпиваёт Васенька:
„Да спасибо тебе, царь-государь!
„Опохмелил буйну голову,
„Не окатил ретива сердца,
„Не звеселил добра молодца“.
А наливают вторую чару,
Да не велику, четвертиною;
А подавают Васеньки,
А выпивает Васенька:
„Да спасибо тебе, царь-государь,
„Да царь Иван Васильевич!
„Опохмелил буйну голову;
„Окатил ретиво сердце,
„ Не взвеселил добра молодца“.
Наливают третюю чару,
Да не велику четвертиною;
Подавают Васеньки,
Выпивает Васенька:
„Да спасибо тебе, царь-государь,
„Царь Иван Васильевич,
„Опохмелил буйну голову,
„Окатил ретиво сердце,
„Взвеселил добра молодца:
„Уж я рад нынь боротисе,
„Да с Кострюком и поводитисе,

„Я из дани, из пошлины
„Из накладу-ту великого!“
Они стали боротисе.
Первый Кострюк бросил,
Вторый Кострюк бросил.
Как и Васенька хромонькой
Он на ножку-ту справился,
За лопотье-ти сграбился,
Он и привал лопотьё все,
На руках-то ей потрехиваёт,
До земли-то не допускивает.
И ишшо думали: Кострюк-Демрюк,
А ино Марфа Демрюковна.
Да она проклиналасе.
Да она заклиналасе:
„Да не дай, бог, бывати здесь
„У царя в Каменной Москвы
(*Ни за што не заманить ей преником.*)
„Да не детям, не внучатам,
„Да не внучатам, не павнучатам!“

---

12. ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО СЫН

Было у нас да во Царе-граде
Да не было ни дядины, ни вотчины,
Да жил как был прозвитель-царь,
Прозвитель-от царь Иван Васильевич.
А была семья его любимая,
Ишша был у его только большой сын,
А и большое сын Федор Иванович.
Говорил как он таково слово:
„А по этому мосту по калинову
„А много и было хожоно,
„А много было и ежжоно,
„А горячей крови много пролито“.
А тут как царю за беду стало
А за ту кручинушку великую,
(*Царь своим судом судил, много народу бил.*)
Он крычит-зычит громким голосом:
— Уж вы, эх, палачи вы да немилосливы!
Вы берите царевича за белы руки,

Вы ведите царевича во чисто полё
Вы ко той ко плахи ко липовой,
Вы рубите его да буйну голову
Вы на той на плахи на липовой.—
Ишша все палачи испужалисе,
Ишша все палачи устрашилисе.
Как един палач не устрашилса,
Тут Скарлютка вор, Скурлатов сын.
Он берет царевича за белы руки,
Он ведет царевича во чисто полё
Он ко той ко плахи ко липовой,
Да хочё рубить да буйну голову,
А во ту пору, да во то времечко
Перепахнула вестка за реку Москву,
А во тот же во Киев-град,
А к тому же ведь ко дядюшки,
А к тому же Микиты Родомановичу:
„Уж ты ой еси, наш дядюшка,
„Уж ты же Микита Родоманович!
„Уж ты знаешь ли, про то ведаешь:
„Как померкло у нас сонце красное,
„А потухла звезда поднебесная,
„Как погиб царевич за Москвой-рекой
„А и большой Фёодор Иванович?“
Ишша тут же ведь как и дядюшка,
Ишша тот жа Микита Родоманович,
Он ведь скачё с постелюшки со мягкою;
Он обул как сапожки на босу ногу,
Он схватил тулуп за един рукав;
Он крычит-зычит своим конюхам:
„Уж вы ой еси, мои конюхи!
„Подводите мне и добра коня“.
Он ведь скоро скачёт на добра коня.
Он ведь гонит тут во всю голову;
Крычит он зычит громким голосом:
„Розодвиньтесь-ко да вы, народ божей“.
Он застал Скарлютку на замахи;
А сам говорил таково слово:
„Ты Скарлютка вор, ты Скарлатов сын!
„Ты не за свой гуж ты примаишьсе.
„А кабы те тем гужом подавитисе.
„Ты поди, Скарлютка, во чисто полё,
„А сруби у татарина буйну голову;
„Ты приди к царю, — саблю на стол клади,

„Ишша сам говори таково слово:
„Ишша то дело у нас сделано,
„Ишша та работушка сроблена".
Он берет царевича за белы руки,
Он садил царевича на добра коня;
Он сам коня в поводу повел.
Скарлютка вор да как Скарлатов сын,
Он пошел ведь тут да во чисто поле.
Он срубил у татарина буйну голову.
Он пришел к царю, — саблю на стол кладет:
А сам говорит таково слово:
— Ты прозвитель-царь, Иван Васильевич!
У нас то ведь дело нынь сделано,
У нас та роботушка сроблена.—
Зажалел как тут прозвитель-царь,
Зажалел как он своего сына,
Ишша большого Федора Ивановича;
Ишша сам говорил таково слово:
„А как по вори да по Гогарыни
„Ишша много есть как жалобных тут,
„А по моем по сыни по Федори
„Некого-то нету жалобного".
Приходила панафида шестьнедельная,
А прозвитель-царь Иван Васильевич
А походит он поминать сына
А и большого Федора Ивановича.
А итти то нать мимо Киев-град,
Да мимо дядьево-та подворьица.
А у дядюшки и за пир такой,
А што тако да за весельицё?
А скрычал как тут прозвитель-царь,
Он скрычал ведь тут громким голосом;
(*Никто не велел тебе разгоречиться-то!*)
„Уж-ты ой еси, мой дядюшка!
„А што у тя и за пир такой,
„А што у тя и за весельицё?
„Ты не знаёшь-ли, не ведаёшь:
„А померкло у нас соньцё красноё,
(Экой был герой! Боишься его, перебоишься, все народ своим судом судил.)
„А потухла звезда поднебесная,—
„Как погиб царевич за Москвой-рекой,
„Ишша большой Федор Иванович?"
Как выходит тут его дядюшка,

Ишша тот жа Микита Родоманович;
Он выходит тут на красно крыльце.
Говорил как тут прозвитель-царь:
(*Эка громогласна старина!*)
„Уж ты ой еси, ты мой дядюшка!“
Ишша ткнул копьем во праву ногу:
(*Эк разгорячился как!*)
„Ишша што у тя и за пир такой,
„Ишша што у тя за весельицё?
„Ты не знаешь ли, не ведаешь:
„А померкло у нас сонцё красноё,
„А потухла звезда поднебесная, —
„А погиб царевич за Москвой-рекой,
„Ишша большой Федор Иванович?“
Говорит как тут его дядюшка,
Ишша тот же Микита Родоманович:
— Уж ты ой еси, мой племянничёк,
А прозвитель-царь Иван Васильевич!
Уж ты хошь, — чем тебя обрадую,
Тебя большим-то сыном Федором,
Ишша Федором тебя Ивановичем.—
Он выводит царевича на красно крыльце
Да большого-то Федора Ивановича.
Зрадовался тут прозвитель-царь,
Прозвитель-царь Иван Васильевич:
Он берет тут ведь своего сына,
Он берет его за белы руки;
Он целует в уста во сахарны жа;
Ишша сам говорил таково слово:
„Уж ты ой еси, ты мой дядюшка!
„Ишша чем тебя буду жаловать?
„У тебя злата-серебра не мене моего“.
(*Пир средили, пировать стали! Не осудите бабушку!*)

---

13. СМЕРТЬ ДОЛГОРУКОГО

Нам не дорого не злато да чистое серебро
И дорога то наша любовь да молодецкая.
Ишша злато, чисто серебро скоро минуитсе,
А и дорога-то наша любовь не позабудитсе.

Середи то было Китаю да славного города:
А и тут стояли палаты да белокаменны.
Што во тех-жа да во палатах было да белокаменных,
Тут не мурава трава в поли да шаталасе,
Не лазуревы цветочки к земли преклонялисе;
Тут и бьют челом царю солдаты, да низко кланяютсе:
„Уж ты гой еси, надежда да православной царь,
„Уж ты дай нам суд на князя да Долгорукого".
Говорил как тут надежда православной царь:
— У меня на Долгорукого суда нету,
Вы судите-ко Долгорукого своим судом,
Вы своим судом судите да рукопашкою,
Вы берите-ка слегу да долгомерною,
Долгомерною слегу да семи аршин,
Семи она аршин да семи она верхов.
Вы ломайте у Долгорукого хрустальни ворота. -
Тут берут ведь как солдаты да все долгу слегу
И долгу слегу да все семи аршин.
И семи-то аршин она была семи верхов.
Они ломают у Долгорукого хрустальни ворота.
Как выходит Долгорукой он на красно крыльцё:
„Уж вы гой еси, солдаты да новобраны,
„Ишшо што да вам, робята, да тако надомно?
„Ишшо надо вам робятам да разве чисто серебро?"
Тут спроговорят солдаты да новобраные:
— Нам не надомно солдатам чисто-серебро,
Ты отдай нам наше жалованье
Хлебно и мундерно и денежно —.

---

14. УСИШША

Ишша за рекой, рекой было̀ чётыре двора,
А чётыре двора да из ворот и в ворота.
Ишша жил такой кресьянин:
Он солоду не ростил, завсегда пиво варил;
Он ведь денег не кует, да деньги взаймы дает.
Ишша шли таки Усишша да атаманишша;
Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки на крыльцё;
Бряки-бряки, бряки-бряки, бряки-бряки за кольцё;
„Ты ставай-ко, хозяин, отпирай ворота;
„Ты ставай-ко, хозяйка, добывай огня".

Как хозяин-от встават да ворота им отпират,
Как хозяйка-та встават да огонь им достават.
„Ишша што бы нам, хозяин, как попить бы, нам пойись,
„А попить бы нам, пойись да нам позавтракати?“
А хозяин-от идет да ишше куль толокна несет,
А хозяйка-та идет да им ушат молока несет.
Они по кусу хватили, — призаправилисе;
По другому-ту хватили, — богу кланялисе.
„Да спасибо те, хозяин, на овсяном толокни;
„Да спасибо те, хозяйка, на кислом молоки.
„Ишша ты бы нас, хозяин, напоил бы, накормил.
„Напоил бы, накормил да животом нас наделил“.
Да хозяин-от божитсе: „правда денег нет“;
Да хозяйка-та ратитце: „нам негде взеть“.
— Ты поди, Самсон, да колупай заслон;
Вы кладите-ко хозяину пылу под дыру;
Ишша скажо хозяин, особину свою —
Да хозяин-от идет да свою собину несет,
Да хозяйка-та бежит да достальни деньги ташшит.
Они делили, розделили по петидесят рублев,
Да большому-ту Усишшу девяносто рублев.
— Да спасибо те, хозяин: напоил нас, накормил,
Напоил нас, накормил да животом нас наделил.
Мы и двòры твои знаем, опять зайдем! —

---

15. НЕБЫЛИЦА

Небылица в лицах, небывальщина,
Да небывальщина, да неслыхальщина.
Старину спою да стародавнюю,
Да небылица в лицах, небывальщина,
Да небывальщина, да неслыхальщина.
Ишша сын на матери снопы возил,
Вот снопы возил, да все коноплены.
Как стара матерь да в корню была,
Молода жона да в пристяжи была.
Как стару матерь да попонюгивал,
Молоду жону да присодерживал.
На гори корова белку лаяла,
Ноги росширя да глаза выпуча.
Ишша курица под осеком траву секет,

Как овца в гнезде да яйцо садит.
По поднебесью да сер медведь летит.
Он ушками, лапками помахивал,
Он черным хвостом да принаправливал.
По синю морю да жорнова плывут,
Жорнова плывут да тут певун поет.
Как гулял гулейко сорок лет за печью,
Ишша выгулял гулейко по печну столбу.
Как увидел гулейко в лоханки воду:
„А не то-ли, братцы, все синё морё?“
Как увидел гулейко, из чашки ложкой шти хлебают:
„А не то-ли, братцы, корабли бежат,
„Корабли бежат, да все гребцы гребут?!“

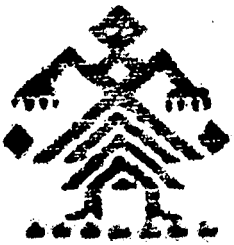
---

16. НЕБЫЛИЦА В ЛИЦАХ

Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальщина, да неслыхальщинка.
Ишша сын на матери снопы возил,
Всё снопы возил да всё коноплены.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальшинка, да неслыхальщинка.
На гори корова белку лаела,
Ноги расширя, да глаза выпуча.
Небылица в лицах, небывальшинка,
Небывальшинка, да неслыхальшинка.
Ишша овца в гнезди да яйцё садит.
Ишша курица под осеком траву секет,
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальшинка, да неслыхальшинка.
По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахиват,
Он черным хвостом да принаправливат.
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальшинка, да неслыхальшинка.
По синю морю да жорнова плывут,
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальшинка, да неслыхальшинка.
Как гулял гулейко сорок лет за печью,
Ишша выгулял гулейко ко печню столбу.
Как увидел гулейко в лохани воду:

„А не то ли, братцы, всё синё морё?“
Как увидел гулейко из чашки ложкой шти
хлебают:
„А не то ли, братцы, корабли бежат,
Корабли бежат, да всё гребцы гребут?!“
Небылица в лицах, небывальщинка,
Небывальшинка, да неслыхальшинка.

ПЄСНИ



1. ТАЛАНЬ

Ты талань моя, таланюшка таланистая,
Талань участь, горя-горькая.
На роду талань уписана,
В жеребью ли талань выпала,
Со делу ли доставаласе,
Со младости до старости,
До седата бела волоса!
Во лесу ли леса не было,
Во миру ли людей не жило,
На мне ли на младешеньки,
Женихов ли на мне не было?
Женихи были хорошие,
Сватовья были богатые,
Из Питера молоды купци,
Молоды купци, артельщики,
Здумал-выдал меня батюшко
Што за вора — за разбойничка,
За денного подорожничка,
За ночного полуночничка.
Он со вечера коня седлал,
Со полуночи в разбой уезжал, —
А ко белу свету домой приезжал:
„Ты жена ль, моя сударушка,
„Отпирай, жена, воротичка,
„Запушшай мужа-разбойничка!
„Ты умой платьё кровавое,
„Ты стирай да не рассматривай,
„Полошши да не размахивай".
Половину платья вымыла,—
Увидала своего брата родимого рубашку,
Задрожали ноги резвые,

Приопали руки белые.
Я едва домой, баба, пришла.
„Уж ты, муж, ты муж разбойничек,
„Денной ты подорожничек,
„Ночной полуночничек,
„Зачем убил моего братца родимого,
„Тебе шурина любимого?“
— Глупа, глупа, молода жона,
Неразумная дочь отецкая!
Где возьму тебе братца родимого,
Мене шурина любимого,
Я со вечера коня седлал,
Со полуночи в разбой съезжал.
Как сегодняшню-ту ночиньку
Никому разбору не было:
Ни отцу было, ни матери,
Ни братьям и ни сестрицам.

---

2. ВИНОГРАДЬЕ БОЛЬШОЕ

Виноградиё красно-зеленоё
Да ишшо кто такой стучит
Да во светых-то вечерах?
Да во светых-то вечерах
Да виноградчицы стучат.
Да ишшо спрашивают робята
Господина да во дворах.
Да ешшо около двора
Да все трава да мурава.
Да все трава ли мурава
Цветы лазуревые,
Да ворота те тут как были
Да как хрустального стекла;
Да ободверенки те были
Как чистòго серебра;
Да приворотенки те были
Да все решетчетые;
Да благослови, сударь-хозяин,
Да ко двору притти.
Да ко двору притти,
Да на красно̀ крыльцё взойти.

Со красного со крыльца
Да на новы сени ступить,
Со новых-то со сеней
В нову горенку зайти,
В нову горенку зайти
Да середи на по̀лу стать.
Да благослови, сударь-хозяин,
Да виноградиё и спеть
Да как у хозяина (имя рек),
Как во горенке у их
Стоит тесовая кровать.
Да на тесовой на кровати
Да пухова́я перина́.
Да на пуховой на перине
Тут бела́я простыня.
Да как подушечки те были
У их шолковые,
Одеялышко лежало
Тут черного соболя,
Да тут и спит — опочивает
Тут ведь сам-от господин
Да со своею госпожею,
Да со умною жоной.
Меж има-то ведь катался
Да злачен перстень,
Да не злачен перстень катался —
Крепка дума меж има.
Они думали-гадали,
Да ясна сокола сряжали.
Да ясён соко̂л летит,
Да им куниц-то догонит
На житье им, на бытье
Да богачесьво.
Да выходил ведь господин
Да на прекрасноё крыльцо,
Да выносил он господин,
Да он серебреной рупь,
Да подарил он, господин,
Да виноградчицей.
Да выходила госпожа
Да на прекрасное крыльцо,
Да выносила госпожа
Да золоту гривну,
Подарила госпожа

Да виноградчицей.
Да выходили малы дети
На прекрасноё крыльцо,
Да выносили малы дети
Да бел крупитчатой калач.

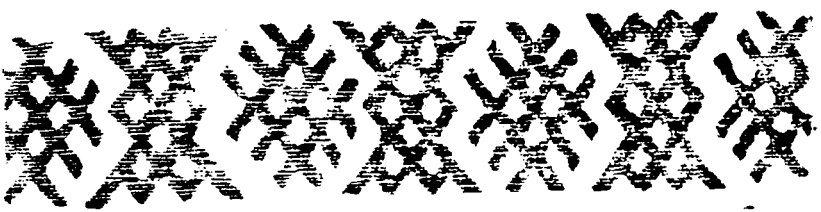
---

3. КОЗАЧЕНЬКО

Ехал козаченько из Украю,
Ехал молоденькой из Украю.
Он побочил, с коня скочил (2 раза)
Для дивчины, для дивчины:
„Как те, девица, по имени зовут,
„Как те, красавица, по отечесьву зовут?"
— Меня батюшко насеял,
Меня мати родила,
Меня поп к(ы)стил
Окулиной имё дал.
„Девушка, Окулинушка,
„Не пойдешь ли, девушка,
„Взамуж за меня?"
— Есть ли, козаченько, дом-от свой?
Есть ли, молоденькой, дом-от свой? —
„У мня дом-от в чистом поли,
„В чистом поли, под березой,
„Ты со мною, я с тобою,
„С Окулиной с молодою!"
— Есть ли, козаченько, конь-от свой?
— Есть ли, молоденькой, конь-от свой?—
„У мня конь-от в чистом поли,
„В чистом поли за Дунаем,
„Мы пойдем с тобой, поймаем,
„Ты со мною, я с тобою,
„С Окулиной молодою".
— Есть ли, козаченько, постель свой,
— Есть ли, молоденькой, постель свой?
„Шиленища под бочища,
„Епанчища в зголовища,
„Ты со мною, я с тобою,
„С Окулиной, с молодою!"
Почали девицу комарики кусать,

Почала девица козаченька ругать.
„Я козак не дурак.
„Не охвочь работать.
„Я охвочи подли бочи, —
„Ты со мною, я с тобою,
„ С Окулиной молодою!“

Сказки



1. ЧЕРЕП-ТЕРЕМ

Была муха-горюха.

У какой-то хозяйки накоплено было сметаны череп. Ну вот, муха-горюха летела и повернула его и назвала терем.

Бежит блоха:

„Кто в терему, кто в высоком?

А муха отвечат:

— Я, муха-горюха, а ты кто?—

„Я блоха-поскакуха. Пусти меня на подворье!"

— Иди.

Летит комар:

„Кто в терему, кто в высоком?"

— Муха-горюха, блоха поскакуха, а ты кто? —

„Комар-пискун. Пустите меня на подворье!"

— Поди!

Таракан бежит:

„Кто в терему, кто в высоком?"

— Муха-горюха, блоха-поскакуха,

— Комар-пискун... А ты кто?—

„Таракан-шеркун! Пустите меня на подворье!"

— Ну, иди! —

Вот уж их четверо живут. Бежит ящерица, спрашивает:

„Кто в терему, кто в высоком?"

— Муха-горюха, блоха-поскакуха,

— Комар-пискун, таракан-шеркун... А ты кто?

„Ящерица-ширикаленка! Пустите меня!"

— Иди! —

Живут. Бежит мышь:

„Кто в терему, кто в высоком?"

— Муха-горюха, блоха-поскакуха,

— Комар-пискун, таракан-шеркун,

— Ящерица-ширикаленка... А ты кто?
„Я мышь толста-колоколенка... Пустите меня!"
— Иди! —
Бежит горносталько:
„Кто в терему, кто в высоком?"
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящерица-ширикаленка,
— Мышь толста-колоколенка... Ты кто? —
„Я горносталюшко-чирикалюшко! Пустите меня!"
— Што ж? Иди. —
Вот уж их сколько. Живут да живут. Бежит зайко:
„Кто в терему, кто в высоком?"
— Я, муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящерица-ширикаленка,
— Мышь толста колоколенка,
— Горносталюшко-чирикалюшко... Ты кто?—
„Я заюшко-попытаюшко,
„Ушки долги, ножки коротеньки".
— Иди к нам. —
Вот живут. Бежит лисица:
„Кто в терему, кто в высоком?"
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящерица-ширикаленка,
— Мышь толста-колоколенка,
— Горносталюшко-чирикалюшко,
— Заюшко-попытаюшко... Ты кто? —
„Я лисица, подхила гузница... Пустите меня".
— Поди. —
Тожа лисицу пускают. Бежит волк:
„Кто в терему, кто в высоком?"
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,
— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящерица-ширикаленка,
— Мышь толста-колоколенка,
— Горносталюшко-чирикалюшко,
— Заюшко-попытаюшко.
— Лисица подхила гузница... А ты кто?
„Я волчища — большой ротища... Пустите меня!"
Пустили и того. Идет медведь:
„Кто в терему, кто в высоком?"
— Муха-горюха, блоха-поскакуха,

— Комар-пискун, таракан-шеркун,
— Ящерица-ширикаленка,
— Мышь толста-колоколенка,
— Горносталюшко-чирикалюшко,
— Заюшко-попытаюшко,
— Лисица подхила гузница,
— Волчища большой ротища... Ты кто? —
„Я — медведища толсты пятища"...
Всех лапой и затяпал.

---

2. ЛИСИЦА И ПЕТУХ

Идё лисица из-за деветь пустыней.
Не пила и не ела, и тошно йись захотела.
Увидела петуха на высоком древе, стала его прельшшати, стала его называти:
„Духовно ты дитятко, красота твоя несказа́нная, брови твои, как у соболя, очи твои, как у сокола, шшечки твои, как маков цвет! Спустись ты на земёлку!
А петух ослушался на лисицыны басни — с ивинки на ивинку, с кустышка на кустышек, да и спускается на земёлку. А лисица тошно йись хочё, целком хочё петуха проглонуть; она и схватила его в когти.
Он говорит:
— Лиса, спусти меня, петуха! Я был в Даниловом монастыре, записали меня в папёршики; хочешь, я тебя просвирней запишу? Там мягкие просвирки да сладкие орехи...
Она и захотела мягки просвирки да сладки орехи... и упустила петуха.
Он и злетел на старо на древо, на высоко, петух-от и запел лисице:
„Мати-лисица! Мягки ли те просвирки, сладки ли те орехи?"
Лисица пошла—завыла: „Где я не бывала, экого страму не видала!" Как ей петух пристрамил, надо ей голодом итти.

---

3. ГОРШОЧЕК ЛИХО МЫТЬ

Бывало-живало, жили старичок и старушка. Бедно жили, небогато. А ленивы были, ни один робить не хотя. Старик говорит:

„Свари-ка, старуха, каши".

— Ладно, старик, сварю.

Сварила каши. Ску-усную кашу наварила. Покушали. Горшочек обольнуло: каша из муки была.

Ни одному мыть не охота. Старик говорит:

„Старуха, помой горшочек!"

— Нет, ты помой! —

Ни один горшок не моет. Ну и ладно: не мыт дак и немыт, — пусть горшок немыт. И так спать повалились.

Так и спать легли — горшок все не мыт.

Так заговор сделали: кто утром наперед заговорит, тому и горшок мыть.

Проспали ночь. Стало утро.

Вот и лёжат утром оба. Тот не говорит и другой не говорит.

Лёжат. Уж и время о полдён, у них ничего не топится. Народ стал толпитце: смотреть их походит, што такое у них. Человек пять зашло. Они все лёжат, молчат. Соседы спрашивают: „Што у вас случилось?" — Они все молчат.

Стали всю деревню копить. Што с има́ случилось, не могут понять ничего. Всю деревню скопили, полну фатеру набили.

Народ — голчат, говорят, шумят, — они все молчат.

— Ну, што с вами случилось?

Молчат.

— Ну, што делать? За попом пошлем. Што тако с има?

За попом послали, ну, привели попа.

Поп спрашиват:

„Што у вас случилось? Нать вас исповедать".

Молчат.

Поп ничего не мог у них допытаться. Молчат да и готово.

Поп говорит:

„Нать им оставить человека, што такое случилось, нельзя их так оставить, нать посматривать над има!"

Какая-то одна женщина говорит:

— Хошь я останусь, буду над има надсматривать. Так ведь мне и плата нать. Как без жалованья станешь жить?

Бачко говорит:
„Этта пальто ново на спички веснет, за услуги возьми..."
Старуха вскочила:
„Отдам я свое пальтё?! Не отдам пальта!"
Старик говорит:
„Тебе, старуха, мыть горшочек!"

---

4. ДУРЕНЬ

Пошел дурень, да пошел барин в лес лесовати, да круги занимати.

Идет поп. Он ему: „Босько — усь, босько — усь!"

Поп его начал тростью колотить. Пришел домой:

„Мати, тут меня били, да тут колотили!"

— Што эко, дурень, сделал?

„Да што? Поп шел, я ему: усь-усь! Он почал меня тростью колотить..."

— Экой ты дикой, дурень! Ты бы в ноги пал: бачко, благослови!

„То я, мати, завтра!"

Пошел дурень, пошел барин... Навстречу-то дурню идет медведь.

Он пал ему в ноги: „Бачко, благослови!"

Медведь начал его тяпать...

Он пришел домой.

„Мати, тут меня били, тут колотили".

— Што эко, дурень, сделал?

„Да што? Медведь шел, — я ему в ноги пал: бачко, благослови! А он меня затяпал".

— Экой он дикой, уж уйти ли его? Ты бы в ель колотил: босько — усь, босько — усь!

„То я, мати, завтра".

Пошел дурень, да пошел барин в лес лесовати, да круги занимати. Едет свадьба. Он в ель колотит: „босько — усь, босько — усь!"

Конь у их испугался, побежал, все растрепал у их. Его почали бить-колотить. Он опять пришел:

„Мати! Тут меня били, тут колотили..."

— Што эко, дурень, сделал?

„Едет свадьба, я кричал, в ель колотил, конь попугался их..."

— Экой ты дурень! Ты бы молился: дай бог вам на житье-бытье на богачесьво, они бы тебя не выбили.

„То я, мати, завтра".

Пошел дурень, пошел барин в лес лесовати, да круги занимати. Покойника везут...

А он им кричит: „Дай вам бог на житье-бытье, на богачесьво!"

Почали его бить-колотить, всего выбили. Он домой пришел:

„Мати, мати, мати! То-то меня били, то-то колотили..."

— Што эко, дурень, сделал?

„Покойника везли, я скрычал: „Дай вам бог на житье-бытье, на богачесьво..."

— Экой ты дурень! Ты бы молился: упокой, господи, душу усопших рабов твоих.

„То я, мати, завтра!"

Пошел дурень, пошел барин в лес лесовати, круги занимати. Едут, котора свадьба ехала, едут на госьбу угошшаться. Он молитца: „Упокой, господи, душу усопших рабов твоих..."

Его почали бить, почали колотить... У них конь бросилсе, испугалсе, все выпружил: пироги да подушку.

Он все собрал, домой пришел.

„Мати, тогда меня били, сегодня подарили!"

Не можно с им больше жить. Хочет убежать; сухарей насушила мешок и поставила за ворота: как его нет, бежать штоб ей.

Этот дурень наперед матери пришел, посмотрел в мешок, сухарьки вытрехнул, в мешок сел, сам завезался.

Мати пришла, посмотрела: нигде нету его, — схватить кашолка... бежать!

Схватила кашолку, потрепала... Бежит с кашолкой с сухарьками. (*Мать, видно, тоже не остра была у ево*).

Бежала, бежала... Сесть на пенек да съесть сухарек, дак полегче бежать...

Он в мешки кричит: „Я, мати, хочу жа!"

— Ах, он где-то видит меня.

Она опять на убег побежала. Бежала, бежала... тошно йись захотела... Только за мешок, а он:

„Я, мати, хочу жа!"

— Осподи, осподи, ишша видит меня!

Бежать. Бежала, бежала...

— Хошь видит, хошь не видит — я закусывать буду.

Села под елушку, развязала мешочек сухарьков пойись,— он в мешки сидит.

— Што ты, дикой, наделал, ни одного сухарька не оставил! Я тошно йись хочу!

„Я тожа хочу."

Вот и тёмно стало.

— Зверье ходит, съедят нас. Поедем на ель ночевать.

Дурень говорит: „Поедем, мати, на ель".

Мати говорит: Я тошно йись хочу, мне и не залезть.

— „Полезай, мати, я по ж... пехать стану".

Ну и полезли на ель. Мати лезе, он пеха.

Там уселись на ель. Шли разбойники; под ту ель сели деньги считать.

А он там видит их. Он говорит:

„Я, мати, закричу!..

— Што ты, дикой, ведь убьют нас...

„Нет, уж закричу!"

И закричал: „Я вас убью-ю!"

И они испугались: „Ой, сам Исус Христос кричит!"

Побежали, испугались, всех денег отступились.

Вот они тут слезли, денег поклали, домой пошли.

---

5. БЕЗРУЧКА

Мать помирала, двоих деточек оставляла: мальчика и девушку; детям наказывала, штоб жили советно и штоб брат сестры всегда слушалсе. Дети выросли хороши, жили советно. Брат стал торговать. И торговля пошла на эту девушку... дак не говори! Брат женился, а его жонка завидела эту золовку: брат в лавку пойдет, спросится у сестры, из лавки придет, здоровается. Это жоне любо ли? Вот она подколола быка, а мужу насказала:

— Вот сестра твоя одичала: быка подколола. Пошто ты ее держишь?

А муж рассмехнулся:

— Вместе наживали, вместе и проживаем.

И все так же: в лавку куда ли уйдет, — сестры спросится; придет, с ей здоровается. Жонка опять зарезала коня любимого и опять мужу:

— Твою сестру гнать надо. Совсем дика! Твоего любимого коня зарезала!

Ему коня жалко и сестры жалко. Смолчал. Тут жена родила ему и дитё не пожалела: взяла в зыбке младеня подколола, а мужу говорит:

— Доколи будем дику дёржать? Ведь совсем дика сестра твоя. Ей убить надо: младеня твоего подколола.

Тут уж его живот. Не стерпел и говорит сестре:

— Скинывай цветно платьё, надевай черно платьё.

Взял топор, колодку и повёз сестру в лес. Она взмолилась:

„Брателко! Не убивай меня! Отсеки у меня руки по локот!“

Брат убивать не стал, отсек ей руки и бросил в лесу.

Не господь знает, сколько время прошло; ходит она —

Низко ли, высоко ли,
Близко ли, далеко ли
Солнце пекет,
Дождем секет...

и вдруг царска охота набежала и остановилась: ей не задевает, и царевич наехал. Она из-за куста кричит:

— Не подходи. Я — девица, вся обремкалась, чуть не нага. Да и рук нету. — Царевич свой сертук скинул, её прикутал. Глянул — она красавица. Краше нету. Говорит отцу:

— Батюшко, возьмем эту Безручку. За незаправду она казнена, за напраслину.

— Возьмём. У меня положено: кого перву сей день встретишь, ту и брать.

И взяли. Сделалась она царевна и обеременела. Царевич выехал куда ли из царства, и бог дал ей младеня: во лбу солнце, в тыле месяц, по косицам часты звезды, по локот руки в золоте, по колен ноги в серебре.

Вот написали отцу радостно известье и отдали посыльнику. Посыльник шел, шел, опристал да и завернул ночевать к купцу, к ейному брату. Эта жонка письмо сменила, положила друго: „Родила твоя жена: тулово собачье, ноги росомачьи, уши заячьи“.

Царевич прочитал и отписал: „Какой ни родился, пусть до меня дёржат“. На обратном пути этот посыльник опять завернул к купцу, а жонка ответ сменила:

„Казните их обех“.

Старой царь письмо прочитал, понять не может. Нать, мужняя воля исполнять, а казнить рука не поддается. И придумал: этого ребеночка привязать на эти окомёлочки и спустить их опять в лес.

Вот и пошла Безручка о сыне. А навстречу ей прохожий старичок:

— Куда, молодушка, пошла с парничком?

Она всё обсказала:

— Дитё у меня тако, что ни на кого не похоже. Коням бросят, кони не лягают, коровы не будут, овцы не топчут. А у меня рук нету, одни оттепки.

— Ну, иди о синё морё.

Она и пошла. Пришла к синему морю, а дитя уж дивно стало, говорит:

— Мамушка, я напьюсь.

Она нагнулась, а мальчик пал в синё морё! А ей подхватить нечем. Вот уж горё! Она плачет. Никого на бережку не видать, а голос слышно:

„Зайди в воду. Вот руки-те плывут".

Она зашла, видит руки к ней плывут и прямо прильнули к окомёлочкам. Она и схватила дитё.

Вот пошла о мальчике. Он уж за руку идё. Приворотила к брату. Он не узнал: с руками, дак уж... Царевича в гости дожидат. И царевич прибыл, да не узнал царевны: с руками, да с мальчиком, где уж... Пир запоходил.

— А не может ли кто какой побывальщины рассказать?

— Мальчик может. Только чтоб уж не пересекать.

И стал мальчик рассказывать, как сестра с братом советно жили, как братня жона...

А дедина-та пересекает:

— Вот уж неправда! Андели, брехня!

Брат ей на воротах расстрелял. Тут все Безручку признали. Брат поехал к зятю на царсьво жить.

---

6. СКАЗКА ПРО СТАРУШКУ И БЫЧКА

Бывала-живала старушка одна одинёхонька.

Был у нее бычок.

Вздумала старушка к дочери ехать. Вздумала, бычка запрягла и поехала.

Едет — приговаривает:

„Санки маленьки, оглобельки тоненьки,
Хомут не свой, поезжай не стой".

Бежит бычок.

Ехали, ехали, встретился зайко.

— Бабушка, подвези меня. — Садись.

Опять едет — приговаривает:

„Санки маленьки, оглобельки тоненьки,
Хомут не свой, погоняй не стой".

Встретился волк.

— Бабушка, возьми меня. — Садись.

Опять едет — приговаривает:

„Санки маленьки, оглобельки тоненьки,
Хомут не свой, погоняй не стой".

Встретилась лиса.

— Бабушка, возьми меня. — Садись.

Опять едет — приговаривает:

„Санки маленьки, оглобельки тоненьки,
Хомут не свой, погоняй не стой".

Встретился медведь.

— Бабушка, возьми меня. — Садись.

Опять едет старушка, опять приговаривает:

„Санки маленьки, оглобельки тоненьки,
Хомут не свой, погоняй не стой".

Остановиласе. Сорвалась заверточка. Надо заверточку сделать.

— Нут-ко, зайко серый, поди-ко.

Зайко нашел, принес в зубах поторчинку сухую.

— Э-э-э! Какая это заверточка? Поди-ко ты, волчок, принеси заверточку.

Волчок пошел, принес сосенку.

— У-у! Какая же это заверточка? Поди-ко ты, лиса.

Лиса пошла, бегала, колышек несет сухой.

— У-у! Какую же ты принесла заверточку? Разве это заверточка? Поди-ко ты медведушко.

Медведушко принес лисвяшку маленькую...

— Какая же это заверточка? Пойду-ко я сама. Караульте бычка-то.

Звери бычка задрали, съели, мохом набили, на ноги поставили, сами в лес убежали.

Ходила, ходила старуха, принесла заверточку. Заверточку сделала, запрягла, поехала.

Упал бычок. Мохом набит.

У-у! — рассердилась старуха.

Санки оставила и пешком пошла к дочери.

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. Д. КРИВОПОЛЕНОВА И НАСЛЕДИЕ СКОМОРОХОВ

Марья Дмитриевна Кривополенова вошла в историю русского фольклора как «прямая наследница скоморошьего мастерства»[1].

На русском Севере, и в особенности на Пинеге — родине Кривополеновой, — сохранилось много следов, указывающих на пребывание здесь скоморохов. Они оставили свое имя различным местностям и урочищам, от них пошла довольно часто встречающаяся в северных деревнях фамилия Скомороховых. В деревне Шотогорка, где А. Д. Григорьев познакомился с Кривополеновой, было даже несколько семей с такой фамилией. От одной из Скомороховых он записал старину «Князь Дмитрий и Домна». Проф. А. М. Астахова сообщает, что близ Покшеньги находится небольшое озеро, прозванное скоморошьим. «На этом озере, как рассказывают пинежане, есть мыс, также прозванный Скоморошьим, так как какие-то скоморохи скакали с носа на нос (то есть с мыса на мыс) через озеро»[2].

Целое скопище скоморохов было на Летнем берегу Белого моря, вокруг Нёнокского посада, где они пристроились к соляному делу. В хозяйственных актах северных монастырей, владевших здесь вотчинами и варницами, нередко можно встретить фамилию Скомороховых. Такова, например, «Память архангельского монастыря ненокоцкой службы приказного старца Киприяна» об уплате крестьянину Филиппу Скоморохову одного рубля пятнадцати алтын, и его же «Память» об уплате крестьянину Петру Скоморохову 25 алтын 4 деньги (обе Памяти от 20 января 1692 года[3]). В книгах Ненокоцкого Усолья Николо-Корельского монастыря содержатся многочисленные записи об отпуске рассолу с варницы «Скоморошица»[4]. Повидимому, на ней работали или около нее селились в старину скоморохи.

---

[1] Ю. М. Соколов. Русский фольклор, М., 1938 стр. 231.

[2] А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, изд. Академии Наук СССР, 1938, стр. 52.

[3] Архангельский областной госархив. Фонд № 57. №№ 421—422.

[4] Архангельский областной госархив. Фонд № 191. Нами просмотрены книги Ненокоцкого Усолья Николо-Корельского монастыря за 1719—1722 гг.

Ненокская варница «Скоморошица» известна по крайней мере с начала XVII века, что явствует, например, из «Дельной записи на животы и статки Микулы Коковина между четырьмя его сыновьями» от 20 марта 1617 года, где упоминается «россол в Скоморошицы варнице»[1].

На нашем Севере часто можно услышать песни, в которых упоминается «веселый скоморох» или «скоморохова жена». А нередко он сам является героем различных, чаще всего забавных приключений. Так, на Пинеге была хорошо известна песня-былина «О госте Терентьище», рассказывающая о проделках хитрой жены, притворившейся больной и пославшей своего простофилю мужа Терентья сыскать хитрых-мудрых лекарей, которые бы пособили ей от тяжкого недуга. Отправившийся в путь-дорогу Терентий встречает продувных скоморохов, вызвавшихся ему помочь. Они велели ему пойти на базар в холщевый ряд и купить мешок:

Чтобы он тебе не долог был,
Чтобы он тебе не короток был...

Терентий так и сделал. Скоморохи запрятали его в мешок, положили на саночки и повезли к нему во двор. Жена Терентия Прасофия Ивановна справляется у скоморохов, не видали ли они ее «стара мужа». Скоморохи отвечают:

«Уж мы видеть-то не видели, — только слышали:
На дороженьки убит лежит,
Да голова проць отсеченая».

Жена просит скоморохов потешить ее песней:

«Играйте вы в гусельки,
Играйте вы в звончаты;
Стара мужа Терентьища проклинайте,
Сердечного дружка споминайте»...

Скоморохи и затянули песню:

Жив ли ты, мешок?
Глух ли ты, мешок?
Глуп ли ты, мешок?
Как Терентьищо потянитьсе,
Холшевой мех розвяжетьсе,
Сбил у гостя шапку малиновку
Да кафтан василькового сукна...

А. Д. Григорьев записал эту песню-перегудку в деревне Першково на правом берегу Пинеги, от восьмидесятилетнего крестьянина Тимофея Шибанова по прозвищу Житник[2]. О. Э. Озаровская записала в 1915 году эту же старину от Елены Олькиной, дочери Шибанова, причем отметила интересную подробность:

«Для изображения действующих лиц Елена Олькина меняла тональность и тембр, поясняя: так уж поется»[3].

---

[1] Акты Холмогорской и Устюжской епархии, часть вторая («Русская историческая библиотека», т. XIV, СПБ, 1894, стлб. 244).

[2] А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни т. I, М., 1904, стр. 172—174.

[3] О. Э. Озаровская. Пятиречие, Л., 1931, стр. 410.

Это наводит на мысль, что когда-то былина «О госте Терентьище» не только пелась, но и разыгрывалась несколькими лицами — хором странствующих скоморохов.

Скоморохи, действующие в этой песне, — люди бывалые, дошлые, сметливые — «по земле ходоки, всем скорбям знатоки», как поется в еще одном варианте былины «О госте Терентьище»[1]. Они не прочь взяться за любое ремесло, знахарствуют, водят ученых медведей и дают различные представления, потешая люд честно́й.

Скоморох не расстается со своими любимыми музыкальными инструментами — волынкой и гудком, которые нередко упоминаются в их песнях[2]. По этим инструментам и самих скоморохов называли в старину также «игрецами» да «гудцами», а их игру «гудением» и «гудьбой». Они сами себя называли иногда просто «веселыми»:

Веселые-то по улице похаживают,
Гудки и волынки понашивают...[3]

Естественно, что и репертуар бродячих скоморохов составляли прежде всего произведения веселого и потешного характера —насмешливые и глумливые песенки, в которых доставалось всем сестрам по серьгам, короткие былины-новеллы о каком-либо забавном или необыкновенном происшествии, «шутовы старины» и «небылицы»[4]. И не случайно, конечно, что и сами исполнители нередко называют многие такие песенки «перегудками», как бы связывая их с былым гудком и «гудением» — музыкой и веселой игрой скоморохов.

О творчестве скоморохов мы можем судить лишь по очень поздним случайным записям и по тому, что сберегла для нас устная традиция, что сохранилось в памяти талантливых северных сказителей.

Репертуар старинных скоморохов на протяжении почти всей их исторической жизни не нашел, да и не мог найти, отражения в письменных памятниках.

Лишь время от времени, в пыточных «росспросах» о злонамеренных и поносных речах, о которых доведывались в тайных приказах, мелькнет обрывок какой-либо сказки или песни, подчас совершенно невинной и не скрывающей особо злого умысла, однако послужившей поводом для стро-

[1] Песни, собранные П. В. Киреевским. Выпуск VII, стр. 48—51. (Запись П. М. Языкова из Симбирской губернии, 1838 г.).

[2] В о д ы н к а — иструмент, состоящий из двух или нескольких трубок (дудок), вделанных в наглухо зашитый телячий или козий мех, снятый целиком. Верхнюю дудку волынщик брал в рот, а на нижней с голосовыми отверстиями наигрывался напев. Дополнительная трубка внизу давала постоянный сопровождающий бас. Г у д о к — смычковый инструмент грушевидной формы, несколько напоминающий позднейшие скрипки, только очень простого устройства, всего с тремя струнами, по которым водили луковидным смычком, поставив гудок на колени. (О гудке см. Н. П. П р и в а л о в. Гудок — древнерусский музыкальный инструмент. СПБ, 1904).

[3] М. Д. Ч у л к о в. Собрание разных песен, часть 2, СПБ, 1770, № 198.

[4] Эти скоморошьи старины отличаются от остального эпического наследия не только шутливым и вольным содержанием, но и быстрым, веселым напевом. А если некоторые из них, в том числе и «небылицы», по складу и напеву сходны с серьезными старинами, то противоположность между тоном и содержанием только усиливает комический эффект.

того допроса «с пристрастием». А одну песню скоморошьего склада сохранила для нас прихоть скучающей царицы Анны Иоанновны, любившей окружать себя шутами и шутихами. 30 июня 1739 года она написала Семену Андреевичу Салтыкову: «У Василия Федоровича Салтыкова в деревне поют песню крестьяне, которой начало: «Как у нас в сельце Поливанове да *боярин-то дурак решетом пиво цедил*». Оную песню вели написать всю и пришли к нам немедленно, послав в ту деревню человека, который оную бы списать мог».

В результате в Петербург была доставлена песня:

Как у нас в сельце Поливанове
Боярин, дурак, в решете пиво цедил,
А дворецкий, дурак, в сарафан пиво сливал.
«Возьми, дурак, бочку — больше пива насливаешь».
А поп-от, дурак, косарем сено косил.
«Возьми, дурак, косу — больше сена накосишь».
А пономарь, дурак, на свинье сено возил.
«Возьми, дурак, лошадь — больше сена навозишь».
А попович, дурак, шилом сено подавал.
«Возьми, дурак, вилы — больше сена подашь».
А крестьянин, дурак, косточкой пашню пахал.
«Возьми, дурак, соху — больше пашню напашешь»[1].

Творчество скоморохов во многих случаях, несомненно, носило характер социальной сатиры. Скоморохи были дерзки на язык и не очень чествовали «власти предержащие». Скоморошьи «глумы» и «кощуны» разносились далеко, залетали высоко. Скоморохи издевались над боярами и приказными, криводушными судьями и лихоимцами. Их творчеству были близки такие произведения, как «Шемякин суд» или «Праздник кабацких ярыжек», пародирующий церковную службу.

Скоморошьи импровизированные представления высмеивали феодальные порядки. В поздней скоморошьей сцене, приведенной в книгах Фаминцына и Михневича и восходящей, вероятно, к концу XVII столетия, выступает шутовски одетый боярин. На голове у него «горлатная шапка из дубовой коры», сам он надутый, чванливый, с оттопыренной губой. К нему идут «челобитчики» и несут в лукошках «посулы» — кучи щебня, песку, сверток из лопуха и т. д. Челобитчики кланяются боярину в землю, просят у него суда и милости, но боярин ругает их и гонит прочь.

«Ой, боярин, ой, воевода, любо было тебе над нами издеваться, веди же нас теперь сам на расправу над самим собой», — обращаются к нему наконец, челобитчики с глумливым смирением и начинают тузить боярина кто чем ни попало, грозят его утопить и пр. Затем являются двое «лохмотников» и начинают гонять пузатого боярина прутьями, приговаривая: «Добрые люди, посмотрите, как холопы из господ жир вытряхают». Затем следует еще одна подобная же сцена с купцом. Отобрав деньги у купца, «добрые люди» отправляются «во царев кабак», запевая песню, в которой слышится недвусмысленная угроза:

Ребятушки! Праздник, праздник!
У батюшки праздник, праздник!
На матушке-Волге — праздник!
Сходися, голытьба, на праздник!
Готовьтесь, бояре, на праздник!

[1] П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, СПБ, 1898, № 965. Песня построена по типу небылиц, излюбленных скоморохами.

Представление заканчивалось обращением к слушателям:

«Эх, вы, купцы богатые, бояре тароватые! Ставьте мёды сладкие, варите брагу пьяную, отворяйте ворота растворчаты, принимайте гостей голыих, босыих, оборванных, голь кабацкую, чернь мужицкую неумытую»...[1]

Скоморошьи издевки над боярами и воеводами, смелые и дерзкие выходки народных шутов, которые «смеясь говорили правду», не доводили их до добра. И не случайно уральский богач горнопромышленник Прокопий Демидов, посылая во второй половине XVIII века академику Герарду Миллеру песню «О селе Романовском», вошедшую в знаменитый сборник Кирши Данилова, сообщал, что достал ее «от сибирских людей, понеже туды всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу»[2].

Это драгоценное свидетельство о том, что ссыльные «разумные дураки» — скоморохи, не щадившие своими насмешками бояр и воевод, — были в то же время хранителями нашей песенной истории — народного эпического наследия.

Скоморохи не только потешали своих слушателей веселыми и забавными песнями. Они исполняли и серьезные ста́рины, прославлявшие подвиги русских богатырей. Стремление представить любимых героев русских былин охотниками до «гуслей яровчатых», а то и прямо нарядить их в скоморошье платье, — как мы видим это в одной из распространенных былин о Добрыне Никитиче, — свидетельствует об участии скоморохов в формировании самого содержания былин.

Богатый и разнообразный репертуар скоморохов стал достоянием нашего Севера как часть старинной новгородской культуры[3]. Отважные новгородцы рано устремились в двинские земли. Уже с XI века они вышли на берега Белого моря и стали пробиваться за «Большой Камень» (Урал), принося оттуда вести о баснословных богатствах и «человецах незнаемых». Обосновываясь постепенно на Севере, новгородцы ставили «остроги», строили церкви и монастыри, приобретали промысловые угодья и полоски «орамой» земли. Вслед за основной массой новгород-

---

[1] Ал. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси, СПБ, 1899, стр. 98—99; Михневич. Очерк истории музыки в России. 1879, стр. 81—82. Источник обоими авторами не указан. Приведенная сцена вряд ли избежала позднейшей литературной обработки, однако может до известной степени иллюстрировать общий характер скоморошьей сатиры.

[2] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Ред. С. К. Шамбинаго, М., 1938, стр. IX. Письмо Демидова датировано 22 сентября 1768 года. Старина «О селе Романовском» — один из вариантов былины «Иван Грозный и сын», имеющейся и в репертуаре М. Д. Кривополеновой.

[3] Мы не касаемся здесь общего вопроса о происхождении русских скоморохов. Отметим лишь, что мы решительно возражаем против теорий, рассматривавших скоморохов, как явление, занесенное к нам со стороны — из Византии или с Запада. Скоморохи, связанные с русской дохристианской обрядностью, постоянные участники народных праздников и увеселений, запретных и преследуемых церковью «игрищ», несомненно, развились на самобытной национальной культурно-исторической основе и, по-видимому, являлись первоначально преемниками профессионалов языческого культа. Более подробно эта точка зрения была изложена нами в статье: А. Морозов, Скоморохи на Севере. Альманах «Север», Архангельск, 1946, стр. 193—245.

ских поселенцев тянулись странствующие ремесленники, портные, суконщики, мастера разных художеств, а среди них и скоморохи.

Скоморошество на Севере не случайное, одиночное явление, а одно из следствий общей новгородской колонизации. Скоморохи не внезапно хлынули на Север, в результате гонений, обрушившихся на них в царствование Алексея Михайловича, как это иногда думают, а проникали сюда постоянно, появившись здесь едва ли не с первыми новгородскими «людьми вольными» и ушкуйниками. Мастерство скоморохов было занесено на Север так же, как зодчество и удивительные художественные ремесла, как вышивки и резьба по дереву, как былины и песни далекой Новгородчины.

Великий Новгород на протяжении многих веков был могущественным центром русской культуры. Здесь, в стороне от монгольского нашествия, бурно развивались торговля и ремесла, создавались замечательные памятники архитектуры, писались летописи и рождались новые былины, отражающие беспокойную и полную превратностей жизнь большого торгового города. Это былины о неустрашимых и веселых мореходах, странствующих по неведомым морям, привыкших полагаться на свои силы и смело смотреть в лицо смерти, — о находчивом и предприимчивом Садко, ставшем из бедного гусляра «богатым гостем», который не расстался со своими гуслями, даже когда ему выпал жребий отправиться на дно морское, где он очаровал своей игрой самого морского царя; об удалом ушкуйнике Василии Буслаеве, озорнике и насмешнике, который не верит «ни в сон, ни в чох» и даже отправившись на богомолье, купается во Иордани «нагим телом» и лежащую возле животворящего креста мертвую голову «попинывает и побрасывает»; о бывалом и галантном корабельщике Соловье Будимировиче, построившем за одну ночь «три терема златоверховатых» и покорившем сердце ветреной и своевольной горожанки Запавы Путевисьны.

Особенно высоко стояла в Новгороде музыкальная культура. Ведь именно в Новгороде были созданы древнейшие памятники музыкальной письменности и первые нотные книги. Новгородские фрески, иконы и миниатюры в рукописных книгах сохранили изображения древних русских музыкальных инструментов, несмотря на то что духовенство очень косо смотрело на инструментальную музыку и постоянно осуждало ее в своих проповедях и поучениях. Фигуры гусельников, перебирающих струны, искусно вплетены в заставки новгородских богослужебных книг. В новгородских псалтырях и служебниках XIV века можно видеть изображение гуслей двух типов — с треугольным корпусом и с овальным, причем показано положение инструмента и способ игры на нем двумя руками. На новгородском евангелии — апракосе 1358 года представлен даже приплясывающий гусляр, если не прямо скоморох, в темносинем кафтане и красных сафьяновых сапогах, над которым еще вдобавок сделана надпись: «гуди гораздо»[1].

Мастерство скоморохов было связано со всей городской средневековой культурой Великого Новгорода. В самом Новгороде скоморохи принадлежали к социальным низам. Они сливались с беднейшей частью новгородского люда. Скоморошье дело было «отреченной», презираемой и гонимой профессией. В скоморохи шли чаще всего «отпетые», пропащие люди, бесшабашные головы.

---

[1] Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. I, 1928, стр. 121—122.

Селились скоморохи в ремесленных слободах, неподалеку от церквей Козьмы и Дамиана, считавшихся покровителями кузнецов и вообще ремесленников, а заодно и скоморохов[1]. Большинство скоморохов, как можно судить по писцовым книгам, владело своим двором почти всегда с кем-либо на паях, такими же горемыками, как и они сами. После разгрома Новгорода, произведенного в 1570 году Иваном Грозным, множество новгородских скоморохов окончательно обнищало, повымерло и разбрелось куда глаза глядят, «сошли безвестно», как отмечают писцовые книги. Так, в новгородской писцовой книге 1583 года значится: на Ростокинской улице «место пусто тяглое Михалка скорняка да Воробья скомороха: и Михалко умер в 79 году, а Воробей, обнищав, ходит по дворам», на Добрыне улице — «место пусто тяглое Тредьяковское скомороха да Гришкино Стрельникова, и Третьячко и Гриша, обнищав, сошли безвестно в 80 году»[2]. В отрывке писцовой книги 1585—1586 гг., опубликованном Б. Д. Грековым, можно прочесть: «По Коржове улице (к Пробойной) — место пусто тяглое Фоки скомороха, Фока мертв, длина (места. — *А. М.*) двенадцать сажен, поперек две сажени»[3]. С тех пор скомороший смех и веселая «гудьба» стали затихать на новгородских улицах.

Многих скоморохов взяли ко двору Ивана Грозного, любившего скоморошью потеху. «В те поры в Новгороде и по всем городам и волостям на государя брали веселых людей», — сообщает вторая новгородская летопись под 1571 годом. И немного далее: «Поехали из Новгорода на подводах к Москве Суббота (дьяк) и со скоморохами, и медведей повезли с собою»[4]. Многие из них и сами потянулись к Москве и рассеялись по Московскому государству. Мы знаем о довольно густых поселениях скоморохов конца XVI века вокруг Москвы, в Твери, Туле и других городах. Они живут в слободах и ютятся на церковных погостах рядом с нищими. Так, писцовые книги города Тулы (1587—1589 гг.) сообщают, что неподалеку от Одоевских ворот, возле церкви Преображенья, живут «в келье гудочник, в келье струнник, да семь келей, а в них живут нищие»[5]. В писцовых книгах начала XVII века (1621—1629 гг.) значится слободка Стрелецкая, а в ней «избенко Ондрюшки скомороха на церковной земле, сказали: беден... избенко веселого Серешки Девятого на церк. же земле сказали беден»[6].

Везде, где скоморох, там и бедность. Недаром и в поздней песне про веселого скомороха говорится, что все его богатство «волынка да гудок».

Обнищавшие скоморохи собирались целыми ватагами и бродили по Руси. Их шумное появление будоражило «грады и веси». Расположив-

---

[1] Этим и объясняется, что «не простые люди, а святые» Кузьма с Демьяном выступают в роли скоморохов в былине «Вавило и скоморохи», записанной от М. Д. Кривополеновой.

[2] В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века. СПБ, 1911, стр. 118 и 159—160. В 80-м году (по старому исчислению в 7080), т. е. в 1571—1572.

[3] Б. Д. Греков. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в., СПБ, 1912, стр. 68.

[4] Полное собрание русских летописей, т. III, СПБ, 1841, стр. 167.

[5] Писцовые книги Московского государства XVI в. Под ред. Н. В. Калачева, отд. II, СПБ, 1877, стр. 1090.

[6] Писцовые и переписные книги XVII века по Нижнему Новгороду. Изд. Археогр. комиссии, СПБ, 1898, стр. 130.

шись где-либо на околице, а в городе на крестце или в чьем-либо гостеприимном дворе, скоморохи пели, играли и кобенились, потешая народ своим искусством, зло высмеивали бояр и воевод, криводушных судей и подьячих. Они умело подгадывали к народным празднествам и гуляньям, появлялись желанными гостями на свадьбах, а иногда потчевали своим искусством насильно, принуждая себя кормить и угощать, пограбливая и подбирая что плохо лежит.

Последнее подтверждается как старинными историческими документами, так и песенными свидетельствами, восходящими к самим скоморохам. Так, в уставной грамоте дмитровского князя Юрия Ивановича, данной им 29 июля 1509 года крестьянам бобровских деревень, прямо говорилось о бродячих скоморохах: «Кто их пустит на двор добровольно, и они тут играют; а учнут у них скоморохи по деревням играти сильно, и они их из волости вышлют вон беспенно»[1].

Поведение скоморохов привлекло к себе и внимание московского собора, созванного при Иване Грозном в 1551 году. В сборнике постановлений собора, известном под именем «Стоглава», находится особый вопрос, посвященный скоморохам: «Да по дальним странам ходят скоморахи ватагами многими, по шестидесят и по семидесят человек и по сту, и по деревням у християн сильно ядят и пьют, и из клетей животы грабят, а но дорогам людей разбивают»[2].

Появление подобной ватаги скоморохов, даже не столь большой, в какой-нибудь далекой, затерянной в дремучем лесу деревушке могло стать настоящим бедствием.

В одной песне поется, как «веселые» заночевали однажды «во келейке» у простодушной и доверчивой старухи, которая в «беседушке» перед соседками прирасхвасталась, что у нее «в подполье на полке в кубышке лежат» ни много ни мало четыреста рублей. Скоморохи подслушали и утащили кубышку, весело припевая:

Ты живи, баба, подоле,
Ты копи денег поболе! —
А мы двор твой знаем, опять зайдем,
А мы кубышку твою знаем, опять возьмем,
А тебя дома не найдем — и двор сожжем[3].

Эта песня о проделках веселых скоморохов непосредственно примыкает к старой разбойничьей песне «Об усах», известной по рукописным и печатным сборникам XVIII века, в частности по так называемому сборнику Кирши Данилова, вобравшему в себя большое число произведений скоморошьего пошиба. В тексте, приведенном у Кирши Данилова, «усы, удалые молодцы» объявляются «в новом Усольи у Строганова».

Песня подробно описывает богатый щегольский наряд, в котором они «щепетко по городу похаживают». На них дорогие теплые шапки с задранными спереди и сзади носами — «кораблики бобровые, верхи бархатные», смурые кафтаны с «подпушечками с камчатыими», синие чулки,

---

[1] Акты археографической экспедиции, т. I, СПБ, 1836, № 151. То же в грамотах моск. вел. князя Ивана Васильевича 1536 и 1544 гг. (Там же, № 181 и № 201).

[2] «Стоглав». Издание Д. Е. Кожанчикова. СПБ, 1863, стр. 137 (Глава 41, Вопрос 19).

[3] М. Д. Чулков. Собрание разных песен, часть 2, СПБ, 1770, № 198. (Варианты приведены у А. И. Соболевского — Великорусские песни, т. VI, № 544—545).

астраханские черевики, «красные рубашки, косые воротники, золотые плетни». «Усы» собираются «на царев на кабак», садятся «во единой круг». Гришка Мурышка «дворянский сын», «большой Усище и всем атаман» держит перед ними речь, зовет их приняться «за свои промыслы», посылает их по кузницам наковать «топоры с подбородышами», ножей «по три четверти», приготовить бердыши и рогатины. Атаман наставляет своих молодцов, что надо «к крестьянину умеючи итти»:

А по полю итти — не посвистывати,
А и по бору итти — не покашливати,
Ко двору его итти — не пошарковати.

Затем песня с веселой безжалостностью рассказывает, как «усы» врываются в усадьбу богатого крестьянина, сперва требуют угощения, а затем чтобы хозяин наделил их «животом» — «по пятидесят рублев, а большому атаману полтораста рублев».

А крестьянин-ат божится: «Право денег нет».
А старуха ратится: «Ни полушечки».

Но тут «дурак на печи» выдает отца и признается «усам», что есть «у батюшки денежки», только он «все копит зятьям... а мне дураку не достанется».

Тогда разбойники приступают к пытке, разводят посреди избы огонь и валят на него крестьянина. Пытая свои жертвы, «усы» посмеиваются и балагурят:

Ох, ну-тко, Афонас, доведи его до нас!
Ах, ну-тко, Агафон, да вали его нагонь!

Не стерпев пытки, хозяин бежит в амбар, вынимает «из-под каменя» кубышку и приносит разбойникам. «Усы» прощаются и с недоброй усмешкой кланяются хозяину:

Да спасибо те, крестьянин, на хлебе на соли,
И на овсяном толокне и на кислом молоке.
Напоил нас, накормил, животом наделил.
А мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя убьем и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возьмем[1].

Все сочувствие песни на стороне «усов» — удалых молодцов. Песня как бы любуется ими, относится к их «промыслам» почти как к веселому делу. Ее четкий ритм и прибаутошный стиль вполне сроден известным нам другим скоморошинам. И нет сомнения, что скоморохи приложили руку к ее созданию.

---

[1] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Под ред. С. К. Шамбинаго, М., 1938, стр. 284—287. Отметим, что упоминаемый в этой песне Гришка Мурышка — повидимому, лицо историческое. В царской грамоте от 28 мая 1645 года упоминаются «становые разбойники» (то есть держащие свой стан — шайку) Гришка и Васька Мурышкины: «Марта 16 писали нам из Костромы, что Мурышкин с товарищами разбивают денно и нощно во многих местах, людей до смерти побивают и домы поджигают». (Аристов. Об историческом значении разбойничьих песен, Воронеж, 1875, стр. 34).

Надо полагать, что и М. Д. Кривополенова, от которой был записан очень выразительный вариант песни «Об Усах», получила ее вместе с остальным скоморошьим наследием.

«Усишша» М. Д. Кривополеновой по своему содержанию и общему тону довольно близки к тексту этой песни у Кирши Данилова. Только текст Кривополеновой стал значительно короче. Отпала вся вступительная часть: описание внешности и наряда «усов», сбор их на совет в царевом кабаке, речь атамана и приготовления к походу. Нет в ней и «дурака на печи». Песня как бы сжалась до основного ядра повествования и начинается прямо с центрального эпизода — набега «усов» на усадьбу крестьянина. Однако песня сохранила при этом всю свою художественную энергию и своеобразие. Изложение ее четко и стремительно, полно напряжения и ритмической выразительности. Вот как передано в ней зловещее появление «усов» на дворе перепуганного крестьянина:

Стуки-стуки, стуки-стуки, стуки-стуки на крыльцё,
Бряки-бряки, бряки-бряки, бряки-бряки за кольцё.
«Ты ставай-ко, хозяин, отпирай ворота,
Ты ставай-ко, хозяйка, добывай огня»...[1]

Черты скоморошьей редакции проступают в ней весьма явственно. Тот же прибауточный строй речи, веселый говорок при описании жуткой сцены пытки:

Ты поди, Самсон, да колупай заслон...

и насмешливый припев на прощанье:

Ишша двор твой знайём — опять придём[2].

Обращает на себя внимание, что песня почти во всех вариантах настойчиво подчеркивает, что жертва «усов» — богатый крестьянин, который не живет своим трудом:

Он хлеба не сеет, завсегда рожь продает,
Он пшеницы не пашет, всё калачики ест,
Он солоду не ростит, завсегда пиво варит,
Он денежки собирает да в кубышичку кладет...[3]

Нет, конечно, никакой нужды отождествлять скоморохов с «усишшами». «Усы» — лишь герои скоморошьей песни. Но их роднит со скоморохами общая социальная среда. Острые на язык, вечно голодные, бесправные и ожесточенные постоянными преследованиями скоморохи были всецело на стороне тех, кто хоть как-нибудь выступал против смертельно ненавидимых ими сытых и богатых. Нет сомнения, что и сами

[1] У Кирши Данилова:

Пришли они, усы, ко крестьянскому двору,
А хваталися за забор да металися во двор.
Ах кто-де во двери, атаман в окно:
А и тот с борку, иной с борку,
Уж полна избушка принабуркалася...

[2] Текст по записи А. Д. Григорьева (т. I, № 86, ст. 34).

[3] М. Д. Чулков. Собрание разных песен, часть III, СПБ, 1773, № 199. У Кирши Данилова добавлена еще одна деталь — скупость:

Он пива не варит и соседей не поит,
А прохожих-то людей ночевать не пущат.

скоморохи знались с молодцами, подобными «усам», и входили в состав той беспокойной русской вольницы, которая во второй половине XVII века валом повалила к Степану Разину.

В своем творчестве скоморохи выражали настроения народных низов, стихийно поднимавшихся против феодального гнета. Особенно опасными казались они представителям государственной власти в период социальных кризисов и потрясений. Этим в значительной мере и объясняется чрезвычайно суровое гонение, поднятое на скоморохов в царствование Алексея Михайловича.

Для преследования скоморохов светская власть объединялась с духовной. Феодальное государство опиралось на грозный авторитет церкви, издавна осуждавшей скоморошество и всякие народные игрища и увеселения. Со времен принятия христианства и на протяжении всей русской древней истории церковно-аскетическая литература настойчиво обличала и порицала «играние и скакание» песни и пляски, ряжение и «долонное плескание» (хлопанье в ладоши), употребление музыкальных инструментов. Все это объявлялось непростительным грехом и соблазном, прямо приводящим в «геену огненную».

Проповедник XII века Кирилл Туровский строго осуждал «бесстудные словеса и плясание» в пирах, на свадьбах и «на павечерницах», где «басни бают и в гуслях гудут»[1]. В сборнике поучений XIV века, известном под именем «Златая цепь», среди «злых дел», которых нужно избегать христианину, называются «плясание, бубны, сопели, гусли, пискове, играния негодные, русалья»[2]. Все эти увещания неизменно подкреплялись мнениями «святых отец»; наблюдения над русской действительностью перемешивались с аргументами, заимствованными из византийских источников. Таким образом вырабатывалась прочная книжная традиция обличения игр, скоморошеского веселья и народных празднеств.

Помимо бесчисленных «слов» и поучений, постоянно твердивших, что не кто иной, как сам сатана прельщает к себе гуслями, пляской и пением, в древнерусской письменности было распространено довольно большое число устрашительных легенд, развивающих эти мысли в художественно-наглядной форме, способной потрясти воображение доверчивых и простодушных слушателей. В известном Киево-Печерском патерике рассказывается, например, что основатель обители Феодосий имел «видение» — перед ним пронеслось целое шествие бесов, едущих на колесницах, «сопуших» (т. е. игравших на сопелях) и так кричавших, что сотрясались стены пещеры. А когда бесам удалось обмануть Исаакия Печерского и они своим лукавством заставили его поклониться им, то обрадованные бесы ударили в бубны и заиграли в гусли и сопели, а обезумевший Исаакий плясал до изнеможения»[3]. Легенда о бесе, облаченном в скоморошь

---

[1] «Памятники российской словесности XII века», изд. Калайдовичем, 1821, стр. 94—95.

[2] Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского языка, М., 1861 стр. 504. Большая сводка аналогичного материала, взятого из различных «слов» и поучений, приведена в книге: Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси», том I, Харьков, 1916. См. также книгу: С. Смирнов. Древне-русский духовник, М., 1913.

[3] Д. И. Абрамович. Киево-Печерский патерик, изд. ВУАН, Киев, 1930, стр. 68.

одежи» и пляшущем перед отшельником, была одной из излюбленных в монастырской письменности[1].

В «Сказании св. Нифонта о русалиях» в образной форме представлено, как бесы «соблазняют народ» на песни и пляски. Однажды демон, князь бесовский Лазион проходил с двенадцатью бесами мимо храма, в котором шло богослужение. Бесы были огорчены стечением молящихся и стали укорять своего князя, что его сила и слава сокрушились. Но князь бесовский успокоил их, сказав, что «в мал час то пение минуется». И вот едва отошла обедня, как появился на улице человек «с сопелями» и за ним множество народу с гуслями, пением и плясками. И тут обрадованные бесы опутали всех, кто шел во след скомороху, «единым ужем» (т. е. веревкою) и повлекли их за собой. Предприятие их было настолько успешно, что даже некий «муж свят», «зря из своих палат» на представление, щедро наградил скомороха и, взяв «сребреницу», отдал ее сопельнику. И бесы отнесли эту сребреницу отцу своему сатане — и он возрадовался с ними.

«Подобные образные представления, — пишет историк Иван Забелин, — конечно, действовали с большею силою на убеждения людей, чем простые слова запрещения»[2].

Вместе с тем «видение» Нифонта отражает все бессилие церкви побороть искусство скоморохов, увлекавших за собой народ. Сотни лет церковь громила и обличала скоморохов, а они жили и здравствовали, находили себе всюду пристанище и охотников их послушать.

Эта историческая живучесть скоморохов объясняется не только потребностью народа в увеселениях, ломавшей церковные преграды, но и тем, что скоморохи были теснейшим образом связаны с бытовым укладом и мировоззрением народных низов. Весь хоровод календарных народных празднеств, отражавших земледельческий годовой цикл, был пронизан «игрищами», песнями и плясками. Сюда непременно требовался скоморох. И он являлся как из-под земли. Скоморохи водили ученых медведей и являлись в «личинах» и «машкарах» на святках, провожали веселыми представлениями широкую масленицу, приходили в семик поминать мертвых на кладбища, неистовствовали во время русальной недели и в ночь под Ивана Купала, справляли «обжинки», комические «похороны мух» и другие осенние праздники, пировали на свадьбах, потешая народ, а то и выступая в роли колдунов, оберегающих своей игрой свадебный поезд.

Сама церковь постоянно указывала на связь скоморохов с пережитками древней языческой обрядности, цепко державшейся в народе спустя многие столетия после принятия христианства. Эта народная обрядность, возникшая еще в условиях родового строя, продолжала до известной степени отвечать тому примитивному хозяйственному укладу, в котором оставался земледелец и при феодализме. Оттого-то она и была неистребима, как бы ни ополчалась против них господствующая религия феодальных верхов. Христианская церковь умело приурочила свои праздники к древним языческим и стремилась вытеснить языческую сторону обрядности. Но это приводило лишь к тому, что под тонкой христианизированной

---

[1] Легенда о плачущем бесе и другие аналогичные легенды (о пляшущей девице, увлеченной бесами в ад, откуда она вернулась вся опаленная, об игроке и др.) приведены в «Памятниках старинной русской литературы», изд. Кушелевым-Безбородко, вып. I, СПБ, 1860.

[2] Иван Забелин. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст., М., 1869, стр. 395.

оболочкой неудержимо билось и бурно проявляло себя древнее язычество. И одна из поздних летописей (густынская) совершенно правильно подмечает, говоря о святочном веселии и песнях колядовщиков: «в них же аще о Рождестве Христове поминают, но болие Коляду беса величают». Боги поверженного языческого культа, естественно, стали в глазах христианской церкви бесами, а все связанное с древним язычеством — царством дьявола. Поэтому и попали в него скоморохи.

Выступая против народных празднеств и увеселений, церковь, следуя византийской книжной традиции, обычно именовала их «еллинскими беснованиями», хотя, разумеется, речь шла всегда об исконных местных обрядах. Об «игрищах еллинского беснования» трижды говорит «Стоглав», где скоморошьи потехи упоминаются в одном ряду с чародейством и гаданьем, а те, кто «к волхвом и к обавникам ходят», приравнены к тем, кто «кормяще и храняще медведей» водит их «на глумление»[1]. Особенно при этом обращает на себя внимание свидетельство «Стоглава» об участии скоморохов еще в XVI веке в поминовение мертвых во время семика: «В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам умерших с великим воплем и егда скомрахи учнут играти во всякие бесовские игры, и они от плача преставше, начнут скакать и плясать, и в долони бити и песни сатанинские пети»[2].

Все эти потехи блюлись по словам «Стоглава», «по некакому древнему обычаю». Они захватывали огромные массы народа. В 1505 году игумен Елизаровского монастыря описывал в своем послании псковским воеводам языческое празднование в ночь на Ивана Купала, когда, по его словам, «мало не весь град Псков взмятется и взбесится, бубны и сопели, и гуденим струнным и всякими непотребными играми сатанинскими, плесканием и плясанием»[3].

Становясь участниками подобных увеселений, скоморохи включались в гонимую народную обрядность. Они и сами некогда были порождены этой обрядностью, и их искусство во многом оставалось тесно связанным с примитивными верованиями и обычаями народных масс. Но на последних этапах своего исторического существования скоморохи не столько сохраняли и поддерживали эту древнюю обрядность, сколько видоизменяли и разрушали самый обряд, усиливая в нем игровое начало и внося элемент глума и пародии. По мере изменения общественных отношений изменялась и сама обрядность. Ее былое значение утрачивалось. И на первый план все сильнее выступали художественные черты и «мирское веселье».

Однако церковь продолжала рассматривать скоморохов как носителей враждебного ей дохристианского мировоззрения. На эту прочно сложившуюся традицию и опиралось правительство Алексея Михайловича, обрушившееся на скоморохов. В течение 1648—1649 годов по многим воеводам были посланы указы царя Алексея Михайловича, требующие решительного искоренения скоморохов и одновременно накладывающие запре-

[1] «Стоглав». Издание Д. Е. Кожанчикова, 1863, стр. 261—263 и 264—266. Точно так же и другой памятник XVI века — «Домострой» — ставит на одну доску тех, кто «чародействует и волхвует и отраву чинит» и «скоморохи и их дело, плясание и сопели, песни бесовские». («Домострой» по рукописи Публичной библиотеки. Под ред. В. Яковлева, СПБ, 1897, гл. 26).

[2] «Стоглав» стр. 140.

[3] Дополнения к Актам историческим т. I, № 22.

щение на всевозможные другие народные обычаи и суеверия, противоречащие церковным установлениям и каноническим правилам.

В широко известной «Памяти» верхотурского воеводы Рафа Всеволожского, посланной приказчику Ирбитской слободы Григорию Барыбину 13 декабря 1649 года, сообщается, что еще в предшествовавшем году прибыла в Тобольск царская грамота, повелевающая положить конец скоморохам и различным обычаям, укоренившимся в народе. «Ведомо-де государю учинилось», — говорит грамота, — что в Тобольске и других сибирских городах «умножилось в людях... всякое мятежное бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми». Многие люди «тем прелестником скоморохом последствуют, на бесчинное их прельщение сходятся по вечерам на позорища, и на улицах и на полях богомерзких их и скверных песней и всяких бесовских игр слушают».

Царская грамота ставит скоморошьи уличные представления на первом месте в длинном перечне «беззаконных дел», куда попали непосредственно следующие за скоморошеством чародейство и волхвование, различные обычаи и увеселения, почему-либо признанные бесчинными или греховными: умывание с серебра для здоровья, качанье на качелях, скаканье на досках на пасхе, кулачные бои, вождение медведей, даже игра в шахматы и бабки (лодыги). Грамота указывает на обычай выкликать «клички бесовские» в навечерие «богоявления», то есть призывать Коледу, Таусень и Плугу, на то, что многие веруют «в сон, и в встречу, и в полаз, и в птичий грай», загадки загадывают, «сказки сказывают небылые», «накладывают на себя личины и платье скоморошское». Учиняя «заказ» крепкий, чтобы все мирские люди таких «бесовских див не творили», грамота предписывает: «А где объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякие гудебные бесовские сосуды, и тебе б то все велеть выимать и, изломав, те бесовские игры велеть жечь». Ослушников и тех, кто от этого «богомерзкого дела не отстанут», было велено бить батогами[1].

Вся сила этого указа обрушилась на скоморохов. Получившие его воеводы и представители низшей администрации обратили свое усердие главным образом на выполнение предписания, касавшегося музыкальных инструментов. В воеводской отписке, полученной в Москве 12 февраля 1649 года, сообщалось, что у жителей Бежецкого Верха «домбры, и гудки, и волынки, и сурны, и всякие гудебные сосуды взяты и, изломав, сожжены»[2]. В самой Москве около этого времени, по словам путешественника Адама Олеария, безжалостно отбирались музыкальные инструменты, сперва «у кабацких музыкантов» (то есть профессионалов-скоморохов), а потом просто по домам, у кого они были, так что однажды пять телег, полных ими, были отправлены за Моску-реку и там сожжены[3].

Для скоморохов наступили худые времена. Их гнали и преследовали, запрещали заниматься своим ремеслом. Куда бы они ни подались, их всюду настигало «око государево» и гнев митрополита. В октябре 1657 года «митрополичьих дел пристав» Матвей Лобанов получил от

---

[1] Память Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского. Акты исторические, т. IV, СПБ, 1842, № 35, стр. 124—126.

[2] Н. Харузин. К вопросу о борьбе Московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века. Журн. «Этнографическое обозрение», 1897, № 1 стр. 149.

[3] Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, перевод А. М. Ловягина, СПБ, 1906, стр. 325.

митрополита Ионы наказ «ехатн ему в Устюжской уезд в Двинские во все станы и волости, и к Соле Вычегодской на посад и в Усольской уезд по всем волостем и по погостам» только затем, чтобы унять скоморохов и медвежьих поводчиков, забившихся на далекий север. Митрополит повелевал «заказ учинить крепкой, чтобы отнюдь скомрахов и медвежьих поводчиков не было, и в гусли б, и в домры, и в сурны, и во всякие бесовские игры не играли». Если же «впредь объявятся скомрахи, или мирские люди тех скомрахов и медвежьих поводчиков с медведьми в домы свои пускать, и тем людем и скомрахом быть от великого господина преосвященного Ионы, митрополита Ростовского и Ярославского, в великом смирении и наказании без пощады и во отлучении от церкви божии». И для того чтобы «таких людей впредь отнюдь бы не объявлялось», было наказано эту «святительскую грамоту» читать повсеместно духовенству, чтоб «бирючь кликал о том по многи дни». А с «памяти» было велено «списывать списки»[1].

Нет сомнения, что эта ожесточенная борьба со скоморохами была вызвана не только ревностью «тишайшего» царя к церковным порядкам. Социальный смысл этих гонений был совсем иной. Борьба со скоморохами была лишь одним из проявлений общей борьбы с народными движениями, которую вело правительство Алексея Михайловича.

Скоморохи были очень заметным явлением древнерусской жизни. Появляясь везде и всюду, они сливались с общей массой беспокойных и гулящих людей, были живым воплощением буйства и непокорства, одним из существенных элементов умственного брожения, охватившего народные низы как раз в эти годы.

В этом смысле и пережитки языческого культа приобретали некоторый политический смысл, как выражение «своеволия» народных масс, противившихся наступающей на них феодальной культуре и не желавших считаться с установлениями господствующей церкви. Народ цепко держался за свои старые верования и обычаи и желал жить своей жизнью. Но сами эти проявления народной жизни совершались в отживших и обреченных на умирание формах, возникших еще в условиях родового строя.

Отражая стихийное возмущение угнетенных классов, скоморохи вместе с тем отражали и их общую политическую и культурную отсталость. Им были свойственны все слабости и недостатки городских и крестьянских движений XVII века, участниками которых они, несомненно, являлись.

Дольше всего скоморохи продержались на Севере, где они сумели передать часть своего художественного наследия северному крестьянству. Благоприятные условия для сохранения скоморошьих традиций сложились здесь издавна. Скоморохи, забредавшие на Север в одиночку или целыми ватагами, находили в северном крестьянстве своих давнишних слушателей и охотников до их ремесла. А когда не было под рукой подлинных скоморохов, появлялись их добровольные подражатели — скоморошествующие дружки на свадьбах, певцы-сказители, включающие в свой репертуар то, что довелось им услышать от бродячих скоморохов, и то, что принадлежало по существу к общему для них художественному наследию великой новгородской культуры.

Однако северное крестьянство не просто перенимало художественное наследие бродячих скоморохов и еще меньше довольствовалось только им. Сами источники художественного творчества нашего народа были неизмеримо шире того, что могли принести ему скоморохи. Сам народ непре-

[1] Акты археографической экспедиции, т. IV, СПБ, 1836, № 98, стр. 138—139. (Список из архива Соловецкого монастыря).

рывно создавал новые песни и напевы, меткие выразительные реченья, присловья и прибаутки, которые, в конечном счете, и питали творчество скоморохов.

Наиболее сложны были взаимоотношения скоморохов с нашим эпическим наследием. Нет никаких сомнений, что сказительство и эпическая традиция на нашем Севере существовали помимо скоморохов. Скоморохи лишь включались в эту общенародную эпическую традицию и отчасти поддерживали и распространяли ее. Но принимая участие в эпическом творчестве нашего народа, скоморохи вносили в него свою струю, накладывали свой отпечаток. Так возникала частная, как бы особая традиция, идущая от скоморохов.

Обращаясь к эпическому творчеству, скоморохи должны были занять по отношению к нему особую позицию. Это должно было проявиться не только в их тяготении к определенному репертуару и своеобразной обработке былинных сюжетов, но и в том, что они вырабатывали свою исполнительскую манеру, отличную от манеры певцов-рапсодов, складывающих старину. Где было бродячему скомороху «выпевать» длинную старину, растягивающуюся у народного сказителя-импровизатора на долгую зимнюю ночь? Скоморохи должны были стремиться к тому, чтобы представить слушателю чеканный, законченный и по возможности краткий текст, свободный от случайностей и неловкостей эпической импровизации. Это не значит, конечно, что скоморохи не прибегали к импровизации. Но импровизация у скоморохов носила несколько другой характер и была как бы подчинена исполнительскому заданию, ибо их мастерство основывалось на сценическом начале. Грубо говоря, скоморошья традиция может быть определена как исполнительская по преимуществу, а сказительская (общеэпическая) — как импровизаторская. При этом следует отметить, что скоморошья традиция не дошла до нас в сколько-нибудь самостоятельном виде. Оседавшие на Севере скоморохи сливались с рядовыми сказителями. Их репертуар растворялся в общем эпическом репертуаре. Таким образом, как по отношению к произведениям, которые мы относим к наследию скоморохов, так и по отношению к сказителям, которых мы считаем носителями скоморошьих традиций (в том числе и М. Д. Кривополенову), речь должна скорее итти лишь о встрече и взаимодействии *общей* эпической традиции и *частной*, идущей от скоморохов и представленной внутри общего эпического наследия.

Усваивая произведения скоморошьего репертуара, северное крестьянство видоизменяло и перерабатывало их по-своему. Оно не сохранило, по крайней мере в известный нам исторический период, типичных для скоморохов музыкальных инструментов вроде гудка и вообще обходилось без музыкально-инструментального сопровождения при исполнении старин, что, повидимому, делали скоморохи. Точно так же типичное для скоморохов «действо» не вошло в состав сказительского мастерства, отличавшегося истовым и серьезным исполнением старин и сохранившего лишь для явных «скоморошин» более энергичный и быстрый напев. Память о скоморошьих представлениях сберегалась как простой рассказ о них, входящий в состав самого сюжета, как, например, в песне о госте Терентьище. В общих чертах можно сказать, что произведения скоморошьего склада, вливаясь в общеэпическую среду, постепенно растворялись в ней и подчинялись ее условиям.

О наличии скоморошьей традиции в какой-либо местности или в творчестве отдельного сказителя обычно судят по особенностям сказительского репертуара, по наличию в нем произведений, непосредственно связанных со скоморохами или относимых к типично скоморошеским жанрам

(так называемые былины-новеллы или былины-фабльо, гротескные небылицы и пародии и т. д.). «Присутствие в Пинежском крае и отчасти в Кулойско-Мезенском старин-фабльо указывает на влияние по р. Пинеге скоморохов, распространившееся также и на Кулойско-Мезенский край»,— писал А. Д. Григорьев[1]. Большое значение в старой фольклористике придавалось также традиционным «запевам» и «прибауткам», в которых иногда прямо упоминались веселые люди — скоморохи. Однако значение этих формальных признаков «скоморошьей техники» было, несомненно, преувеличено и сами по себе они недостаточны для определения характера традиции. Ведь творческое наследие М. Д. Кривополеновой, которое в своей значительной части, бесспорно, восходит к скоморошьей традиции, как раз лишено таких традиционных прибауток перед началом или в конце былины. И даже традиционные «запевы», связанные с самим содержанием старин разработаны у нее чрезвычайно слабо или едва намечены[2]. Можно предположить, что старины, усвоенные Кривополеновой, уже успели утратить свои традиционные «зачины» и «исходы» и как бы сжались до основного ядра повествования. На это отчасти указывает и общая близость ее текстов к знаменитому сборнику Кирши Данилова, уснащенному такими «запевами» и «прибаутками». Но вместе с тем не подлежит сомнению, что не только эти формальные признаки определяют скоморошью традицию. Едва ли не большее значение, чем поиски специфических признаков собственно скоморошьей традиции, должны иметь наблюдения над общими особенностями эпической традиции какой-либо местности или отдельного сказителя. И может быть, в этом направлении и следует искать хотя бы частичное объяснение того резкого различия, какое мы наблюдаем, например, в характере эпической традиции на Пинеге и на Зимнем берегу Белого моря в Зимней Золотице.

Достаточно сравнить творчество М. Д. Кривополеновой с творчеством известной зимне-золотицкой сказительницы Аграфены Крюковой, чтобы увидеть это глубокое различие, простирающееся на все эпическое наследие, каким они владели.

Тексты Кривополеновой четки и устойчивы. Изложение кратко и стремительно. Старинам Кривополеновой свойственна стройность композиции, несмотря на то что они обнаруживают признаки забвения и скомканности самого текста. Они легко обозримы и сравнительно удобны для запоминания. Кривополенова, как сказительница, была чужда эпической импровизации. Записанные от нее старины оставались почти без изменения в течение многих лет. Если иные сказители говорили о себе, что они «поняли» былину, то есть усвоили то общее содержание и те законы, по которым складывается былина, то Кривополенова, по ее собственным словам, «внялась» в старины, то есть вчувствовалась, прониклась и запомнила. Она не создает старину, а *исполняет* законченное произведение, как бы раз навсегда отлившееся в четкие чеканные формы. Она охвачена живейшей художественной радостью, восторгом перед этим замечательным сокровищем, которое ей досталось, и умеет заразить своим восторгом слушателей. И в этом состоит ее творчество.

Тексты Аграфены Крюковой, напротив, неровны и расплывчаты. Изложение замедленное и растянутое и, несмотря на огромное художественное

---

[1] А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904, Предисловие, стр. XV.

[2] См., напр.,«запевы» в былинах Кривополеновой «Соловей Будемерович» и «Илья Мурович и Калин царь». Лишены таких запевов и ее скоморошины: «Кострюк» и «Вавило и скоморохи».

дарование сказительницы, отмечено неуверенностью. Композиция пропеваемых ею старин далеко не совершенна и даже произвольна, ибо Аграфена Крюкова, как и большинство золотицких сказителей, свободно сочиняет (контаминирует) различные сюжеты и типичные положения былин. Ее старины громоздки и не поддаются дословному запоминанию, да и не нуждаются в нем. Крюкова ткет былину на глазах слушателей, складывает ее на основе имеющихся в ее памяти традиционных образов, эпитетов, уподоблений. Она владеет мастерством создания былины, мастерством эпической импровизации. В самой неровности и незавершенности ее текстов таится известное очарование возникающего произведения. Старины Аграфены не носят характера чего-то застывшего, окончательного, затвержденного. Прекрасно выдерживая общий стиль русской былины, соблюдая верность народному преданию, Аграфена Крюкова, помимо своей воли, вносила в пропеваемые ею старины черты местной природы, промыслового быта и своей творческой индивидуальности. Она передавала старину и в то же время создавала ее. И в этом-то и состояло ее творчество[1].

М. Д. Кривополенова глубоко проникалась эмоциональным содержанием пропеваемых ею старин. И оно целиком захватывало ее. Аграфена Крюкова, напротив, настраивала самую старину в лад со своими личными переживаниями и вместе с тем подчиняла ее общему эпическому строю. На примере творчества Аграфены Крюковой особенно виден процесс ассимиляции скоморошины, растворение ее в общеэпической традиции.

Знаменитая песня о «Кострюке» в исполнении М. Д. Кривополеновой отмечена всеми чертами древней скоморошины, сказывающимися в особом напеве и ритме, отрывистой энергичной фразе и стремительном развитии действия. Точно так же и золотичанин Гаврило Крюков, еще не порвавший со скоморошьей традицией, стремится к простому и быстрому изложению действия:

Как задумал Грозный-от царь
Иван Васильевич женитисе,
Женитисе да обручатисе
Не в каменной Москвы...[2]

Аграфена же Крюкова начинает выпевать эту старину медлительно и неторопливо, в общем стиле, свойственном всем ее былинам:

Да во славном было городи во Киеви,
Шьчо во матушки-то было камянной Москвы,
Ише по небу было всё по ясному
Да по воздуху было по небесному,
Там ведь мелки цясты звездочки просветили:
По чисту полю бояра всё розьезжалисе.
Да задумал-то Грозен царь Иван Васильёвиць,
А задумал-то всё да он женитисе...[3]

---

[1] См. также статью: Э. Г. Бородина-Морозова. Беломорская сказительница Аграфена Крюкова, альманах «Север», Архангельск, 1946. Общая характеристика золотицкой традиции дана в ее другой статье: «Сказания и песни о Груманте», альманах «Север», 1947.

[2] А. В. Марков. Беломорские былины, М., стр. 459.

[3] Там же, стр. 184. А. В. Марковым отмечено, что в то время как Г. Л. Крюков сохранял во время пения старины о Кострюке «ее оригинальный скомороший размер», Аграфена Крюкова и еще один золотицкий сказитель, Чекалев, пели уже обычным былинным складом. (Беломорские былины. Предисловие, стр. 17).

Аграфена Крюкова старательно выпевает такие детали былины, которые у других сказителей едва намечены или вовсе отсутствуют. По сути дела она смело разрабатывает былину сообразно со своими вкусами и личными симпатиями. Так, она подробно останавливается на описании церковного обряда венчания, причем не забывает упомянуть, что взятая из «земли неверной» царица Марья Небрюковна (Демрюковна) должна была сперва принять православие. Вводит она и такую деталь, что Иван Грозный «на радости» жалует и милует «хресьянушек», не оставляет «бедных вдов», не забывает «сиротьских всих малых детоцёк». Тогда как у М. Д. Кривополеновой сказано всего-навсего:

Да они венцами повенчалисе,
Да перснями поменялисе.

М. Д. Кривополенова проявляла свое отношение к старинам только в оживленных репликах на сторону во время пропевания. Личность Аграфены Крюковой вторгалась в само содержание старины. Но в то же время эпическая традиция как раз у Аграфены Крюковой проявляется сильнее, нежели у М. Д. Кривополеновой, ибо импровизация Аграфены Крюковой совершается на основе традиции. Вносимые ею в пропеванье отдельные элементы подчинены общему стилю и строю былины. Они по существу столь же традиционны, как и сама былина. Индивидуальность сказительницы проявляется в выборе и накоплении этих элементов да в отдельных, очень редких деталях поморского быта. Общее же движение и развитие старины управляется традицией. Вот как разрабатывает А. М. Крюкова эпизод единоборства русского богатыря Потанюшки Хроменького с заезжим силачом Кострюком:

Поступил-то Потанюшка всё скорёхонько,
Он ведь брал-то ёго скоро за праву руку,
Он бросал-то к собе он на ножку правую.
Он выкинывал ёго вверьх высокохонько:
Он пониже ведь облаку всё ходецёго,
Он повыше его всё лесу стоящёго,
Он ведь выше дворьца-та всё государёва;
Он спускал Кострюка-та всё на сыру землю,
Подхватил он его к себе на белы руки,
Обрывал у его-то всё платьё цьветноё,
Он спускал же ёго-то всё по святой Руси,
По святой Руси спускал всё по камянной Москвы,
Он ведь нагого спусьтил всё ёго босого...

У М. Д. Кривополеновой вся сцена проходит в другом ритме и развертывается в другом стилевом плане:

Как и Васенька-то хроменькой
Он на ножку-ту справился,
За лопотьё-то сграбился,
Он и прирвал лопотьё всё,
На руках-то ей потрехиваёт.
До земли-то не допускиваёт.
И ишшо думали: Кострюк-Демрюк,
А ино Марфа Демрюковна...

Но в то же время наиболее древняя черта скоморошины о Кострюке — гротескный мотив превращения чужеземного борца-нахвальщика в женщину подан у М. Д. Кривополеновой значительно мягче, чем у Аграф-

фены Крюковой, завершающей описание схватки грубо-комической деталью, подчеркивающей пол Кострюка. Это смягчение первоначальной скоморошьей редакции — результат позднейшего бытования старины. Несомненно, уже в таком виде она и была усвоена Кривополеновой.

Прежде чем дойти до нас, наследие скоморохов подвергалось различным изменениям и переработке. Все же скоморошья традиция оказалась еще достаточно сильна, чтобы ярко проявить себя в творчестве Кривополеновой. Но это, разумеется, не означает, что все эпическое наследие, каким она располагала, так или иначе восходит к скоморохам. Репертуар М. Д. Кривополеновой сложен по своему составу. В нем представлены главнейшие сюжеты русского богатырского эпоса Киевского периода — былины об Илье Муромце и Добрыне Никитиче, былины-новеллы новгородского склада, исторические песни об Иване Грозном, разбойничья песня «Усиница» и, наконец, замечательная апология скоморошьего мастерства — старина «Вавило и скоморохи». Почти все эти, на первый взгляд очень разнородные, произведения объединяет в единый художественный комплекс их общая принадлежность к старинной новгородской культуре. Через новгородскую культурную среду прошли и былины киевского круга, прежде чем дойти до нас в творчестве северных сказителей. Особенно явственно отражается беспокойная жизнь Великого Новгорода в былинах-новеллах, хотя действие их и приурочено к Киеву («Алеша Попович и сестра Петровичей», «Соловей Будемерович»). Черты излюбленных новгородских богатырей переносятся на богатырей киевских или смешиваются с ними.

Разительный пример мотива, прямо забредшего из былины о Василии Буслаеве в песню об Иване Грозном, мы встречаем в одном из вариантов Кострюка, записанном от золотицкого сказителя Власа Чекалева.

Речь идет о таком типичном для былины о Василии Буслаеве эпизоде, как встреча Васьки со старцем Пилигримищем, который несет на голове «Софеин большой колокол» (Рыбников, № 64), а в этом колоколе двенадцать пудов (Рыбников, № 125), а то и девяносто (Рыбников, № 17 и № 72). А в сводной былине об Иване Грозном, записанной Марковым от Чекалева, после того как Потанюшка Хроменький «повылупил» из платья Кострюка, царица Марья Верблюковна

...побежала она ведь в задню горницу,
Надевала свою шляпу богатырскую,
Ей подделали в шляпу-ту ведь кутило,
Да надела на свою-ту буйну голову,
Ишша шляпа та была да ровно тридцеть пуд.

Кутило — род гарпуна, которым добивают тюленей. Сказителю было совершенно неизвестно происхождение шляпы «в тридцеть пуд» на голове царицы, и он ввел в старину чисто поморское объяснение. Однако очевидно, что здесь мы имеем дело не с каким-либо новым мотивом, а с удержавшимся здесь мотивом «шапки-колокола» из былины о Василии Буслаеве, кстати от сказителя не записанной. Марков даже особо оговорил, что сказитель никогда и не слышал имени Василия Буслаева. Следует отметить, что и Потанюшка Хроменький, фигурирующий в большинстве северных вариантов Кострюка, наделен не только тем же именем, но и теми же чертами, что и знаменитый дружинник Василия Буслаева. В некоторых вариантах Кострюка его заменяет или ему сопутствует Васенька Маленький, также известный по былине о Буслаеве.

Такое совпадение мотивов, по всей вероятности, объясняется не только тем, что песня о Кострюке смешалась с общим эпическим наследием, доставшимся северному крестьянству преимущественно от новгородцев, но

и тем, что новгородская художественная традиция сказалась при самом создании этой скоморошьей старины или «перегудки», как называла ее М. Д. Кривополенова[1].

Среди скоморохов, подвизавшихся в Москве, едва ли не на первых ролях были новгородские переведенцы — мастера и знатоки своего дела, применившиеся к новым условиям, но придерживающиеся своих старых художественных навыков и традиций. В этой пестрой среде московских скоморохов, где коноводами были новгородцы, и возникла забавная старина о Кострюке, рассказывающая о веселом происшествии, якобы случившемся на свадьбе самого Ивана Грозного.

Но не только в забавных скоморошинах, записанных от М. Д. Кривополеновой, доносятся до нас голоса новгородских скоморохов. Симпатия к Новгороду слышится и в песне об «Иване Грозном и сыне», где царевич Федор Иванович выставлен печальником и заступником мятежных новгородцев. И уж конечно порождением новгородской культуры была старина «Вавило и скоморохи», наглядно свидетельствующая о том, до какой художественной высоты поднималось иногда творчество скоморохов.

Эта замечательная старина была сложена скоморохами в защиту своего вечно гонимого и преследуемого искусства.

Сотни лет скоморохи испытывали гнет церковного осуждения. Гневные проповеди и поучения, грозившие им всеми муками ада, несомненно, нагоняли ужас на них самих и в особенности на их слушателей. Скоморохи, ценившие свое искусство, сознававшие его правоту и необходимость людям, старались найти оправдание своему ремеслу. Они стремились доказать, что их дело заслуживает не хулы и порицания, а одобрения. Более того, они объявляли его праведным и богоугодным. В противовес церковной осудительной легенде, где скоморохи выставлены как слуги дьявола, они создали свою поэтическую легенду, в которой в качестве скоморохов выступают святые, странствующие по земле.

В старине «Вавило и скоморохи» в скоморошьем обличье являются святые Козьма и Дамиан, считавшиеся покровителями ремесленников. Они увлекают за собой крестьянского сына Вавилу, который идет вместе с ними сокрушать «Инишшое царство», как бы воплощающее в себе все зло и неправду мира. Это злое и человеконенавистническое царство обнесено «железным тыном». А на каждой тычинке «по человечьей-то сидит головке». Но скоморохи разрушают это темное «Инишшое царство» своей светлой и жизнеутверждающей музыкой. Вместе с Вавилой они «переигрывают» злого волшебника царя Собаку. И когда «Инишшое царство» «сгорело с краю и до края» от огня, вызванного музыкой скоморохов, они сажают «Вавилушка на царство».

Это воцарение крестьянского сына Вавилы на освобожденной и очищенной огнем земле, несомненно, близко к идеалам народных движений XVII века, начиная от Ивана Болотникова и кончая Степаном Разиным. Былина «Вавило и скоморохи» будила затаенные и светлые помыслы о счастье и справедливости, которые сберегал народ в самые тяжелые времена своего угнетения и бесправия.

Странствующие по городам и весям скоморохи умели находить общий язык с крестьянством, знали его художественные запросы и социальные чаяния и умели угодить ему своим искусством. И хотя в пору своего наи-

[1] Сказитель Иван Ломтев (Пинега) называл «Кострюка» «перецытырка», «служащая для смеха», и пел ее скороговоркой. (Григорьев, т. III, стр. 471). «Шутовой стариной» называли «Кострюка» в 1927 году в Карпогорах (Астахова. Былины Севера, т. I, стр. 45).

высшего расцвета скоморошество было порождением городской средневековой культуры, — в первую очередь новгородской, — оно вовсе не было чуждо крестьянской идеологии. В этом отношении скоморохи отчасти походили на кузнецов, шерстобитов, коновалов и других представителей бродячих профессий, искавших в деревне применения своего труда и постоянно сталкивавшихся с крестьянством. Но не только это непрестанное общение и принадлежность к народным низам роднили скоморохов с крестьянской средой. Сама художественная идеология скоморохов, полуязыческий характер их искусства перекликались с архаическими чертами народного мировоззрения. Потому-то скоморохи и были так тесно связаны с гонимой народной обрядностью и входили в тесное соприкосновение с самыми интимными сторонами народного быта. Их художественное творчество потому и было так ярко и доходчиво, что оно само было пронизано народными поэтическими представлениями и опиралось на народную традицию.

Отражая яростное нападение церкви, скоморохи неизбежно должны были придать своей апологии характер благочестивой легенды. В этом, несомненно, нуждались как их слушатели, так и они сами. Но защищая себя и свое искусство, скоморохи исходили не из церковных догм и канонических представлений. Они апеллировали к тем же самым древним народным воззрениям, и в самом христианстве искали прежде всего то, что было усвоено им из огромного запаса языческих культов и обрядов.

В этом отношении не лишены интереса фигуры «святых скоморохов» Кузьмы и Демьяна, выступающих в былине. Согласно официальной христианской легенде это были врачи бессребренники, не бравшие мзды за помощь, оказываемую людям. Они были обвинены в волховании и приняли «мученическую смерть». Церковь знает целых три пары таких «святых» с одинаковыми именами и довольно сходными «житиями», являющимися, повидимому, вариантами одной и той же общей легенды, восходящей к античным мифам о братьях-близнецах Касторе и Полидевкте.

Но эти принесенные церковью «святые» приняли совсем иной облик в народных представлениях. Повсеместно — в русских областях, на Украине и в Белоруссии — Кузьму и Демьяна стали почитать как покровителей кузнечного ремесла. По народной легенде, братья-кузнецы Кузьма и Демьян ковали для людей безвозмездно отличные плуги, как бы воплощая мечту бедного пашущего деревянной сохой крестьянина о более совершенных орудиях. Развиваясь далее, легенда делала братьев-кузнецов «змееборцами» — победителями крылатого Змея, напавшего на страну. Укротив Змея, Кузьма и Демьян заковывают его в плуг и орют (пашут) на нем землю. Эта пахотьба на Змее приобретает грандиозные размеры, как бы олицетворяя гигантскую силу стального плуга. «И проорал землю от моря до моря, и те борозды лежат по обе стороны Днепра змеевыми валами», — говорит украинская легенда[1]. Кузьмо-демьяновская легенда, отчасти слившаяся с другой легендой «об Егории храбром», также популярной в крестьянской среде, обрастет множеством представлений, восходящих в первобытной земледельческой религии и народной обрядности. Мотивы земного плодородия и крестьянского семейного счастья тесно сплетаются в свадебном обряде. «Ковали» Кузьма и Демьян становятся дружками на свадьбах. В старинных белорусских свадебных песнях можно найти обра-

[1] Легенда о Кузьме и Демьяне — змееборцах подробно освещена в статье В. В. Гиппиуса в украинском журнале «Етнографичний Вісник», кн. VIII, Киев, 1929, стр. 3 — 51.

щение к Кузьме и Демьяну с просьбой «сковать свадебку» веселую и хлебородную:

У гумни стогами,
А у поли копами,
А у печи пирогами[1].

Они выступают также как покровители домашнего скота и в особенности домашней птицы, в свою очередь являющейся символом плодородия. Отсюда и пословица: «Батюшка Кузьма — Демьян — куриный бог»[2]. «Кузьминки» — один из осенних народных праздников, прикрепленный к имени Кузьмы и Демьяна 1 ноября, — назывались также «курьими именинами». В старой Москве в этот день женщины приносили в церкви Кузьмы и Демьяна кур и заказывали молебны. Следует вспомнить, что жареная курица была своего рода обрядовым блюдом на свадьбе. Отсюда становится понятным, почему она появляется в былине о Вавиле и скоморохах.

Создавая вдохновенную поэму в защиту своего гонимого ремесла, скоморохи привлекли в нее близкие им имена «святых ремесленников» Кузьмы и Демьяна, связанных как раз с той стороной народной обрядности, в которой прежде всего и принимали участие скоморохи-потешники, желанные гости на свадьбах и во время сытных осенних празднеств. Скоморохи очень умело выбрали себе святых покровителей. Христиаский нимб над этими полуязыческими святыми должен был оправдывать скоморохов в глазах их слушателей и заставить их усомниться в правоте церковных проповедников, утверждающих, что «всякому роду мусикийскому изоучи дьявол».

Старина «Вавило и скоморохи», сохранившаяся в памяти М. Д. Кривополеновой, — произведение высокого литературного мастерства и большого художественного своеобразия. В ней нашли отражение и древнейшие языческие представления и материал позднейших христианских легенд и апокрифов. Она виртуозно сочетает в себе некоторые элементы старинной книжности с богатейшими сказочными мотивами. Старина создана в духе народных отреченных (то есть непризнанных церковью) легенд о святых, странствующих по земле и оказывающих помощь людям, прежде всего изнывающим под непосильным трудом крестьянам.

Однако старина «Вавило и скоморохи» глубже и содержательней подобных легенд, которые служат для нее лишь общим фоном, облегчающим восприятие этой оригинальной поэмы и настраивающим старинного слушателя благожелательно к «святым скоморохам». Само же внутреннее содержание старины остается чуждо благочестивой христианской легенде. Под тонкой христианизированной оболочкой былины явственно проступает ее древнее поэтическое содержание. Чудесные превращения, которые вызывает музыка скоморохов, отчетливо напоминают проделки сказочных волшебников. Они легки и фееричны, полны веселой и ослепительной театральности. Понесла «чесна вдова» Ненила «куру-то варену» угостить скоморохов:

Ишша кура тут да ведь взлетела,
На печной столб села да запела...

---

[1] Добровольский, Смоленский этнографический сборник, т. II, стр. 440.

[2] И. Ермолов. Народна сельскохозяйственная мудрость, т. IV. СПБ, 1905.

Заиграл Вавило во гудочек, и вылетели, как из рукава волшебника, стаи птиц, превратившиеся на базаре в безжизненные черепки побитых жадным крестьянином собственных глиняных горшков. И уже неясно, подлинно ли то все чудесное превращение, или всего лишь «морока», напущенная ведунами-скоморохами.

Самое шествие скоморохов по земле совершается в атмосфере древней волшебной сказки. Весь пафос былины, весь ее жизненный смысл противоположен мрачному аскетическому идеалу средневекового христианства. Былина пронизана активным жизнеутверждающим началом. Скоморохи борются и побеждают. Они чужды всякой мысли о христианской кротости и всепрощении. Они вмешиваются в жизнь, карают своих гонителей и щедро вознаграждают тех, кто радушен и приветлив с ними. Былина настойчиво противопоставляет скоморохов и их искусство всем темным и злым силам. Скоморохи идут в поход на «Иншпшое царство» как на великий и светлый подвиг. Они олицетворяют собой торжествующее доброе начало. И в этом отношении старина «Вавило и скоморохи» вполне отвечает русским народным идеалам, как они издревле отражались в фольклоре. Русский национальный герой, от старого богатыря, оберегателя родной земли Ильи Муромца до скомороха-простака крестьянского парня Вавилы, всегда чист сердцем, светел и горяч, бескорыстно служит своему народу и полон неугасимой веры в конечное торжество добра и справедливости.

Создавая свою поэму, скоморохи по-своему утверждали святость и чистоту народного искусства. Они защищали в ней не только свое ремесло, но и народное понимание жизни. Художественный смысл и историческое значение старины «Вавило и скоморохи» в том и состоит, что она сумела отразить народные чаяния и народные идеалы, складывавшиеся вопреки господствующей идеологии феодальных верхов.

Александр Морозов.

О ТЕКСТАХ М. Д. КРИВОПОЛЕНОВОЙ

В настоящее издание включены все старины, записанные от М. Д. Кривополеновой, а также избранные произведения других жанров.

В основу публикации положены записи О. Э. Озаровской и А. Д. Григорьева. Записи А. Д. Григорьева произведены в 1900—1901 годах в деревне Шотогорка на реке Пинеге. Григорьевым было записано 14 старин и 5 духовных стихов. О. Э. Озаровская производила записи былин, песен и сказок в 1915—1916 годах и затем в 1921 году в Москве и во время поездок с Кривополеновой по России.

Записи старин были опубликованы Григорьевым в 1904 году в составе первого тома его большого собрания архангельских былин (см. библиографию). «Духовные стихи» опубликованы Григорьевым не были. Записи Озаровской были опубликованы ею в 1916 году в отдельном сборнике, озаглавленном «Бабушкины старины», переизданном с дополнениями в 1922 году. В издание 1922 года кроме старин вошло пять духовных стихов («Вознесенье», «Микола», «Михайло Архангел», «Егорей», «Сон богородицы», из них четыре последних были также записаны Григорьевым. Записанный Григорьевым стих «Алексей, человек божий» у Озаровской не представлен). В том же издании 1922 года Озаровская поместила два «заговора», четыре песни («Талань», «Виноградье, большое и малое», «Козаченько») и пять сказок.

Озаровская записала от Кривополеновой те же сюжеты старин, что и Григорьев, кроме короткой старины «Смерть Долгорукого», не отмеченной у Григорьева.

Кроме того, у Григорьева опубликована старина «Алёша Попович и сестра Петровичей» и конец старины «Князь Михайло», отсутствующие в публикациях Озаровской. В остальном тексты старин в книге Озаровской разительно совпадают с записями Григорьева. Число разночтений невелико.

Обращает на себя внимание, что совпадают не только почти все отдельные строки, но и вспомогательные частицы «да», «то» и прочее внутри строк, хотя записи отделены друг от друга сроком в пятнадцать лет. Возможно, конечно, что Озаровская пользовалась публикацией Григорьева для проверки и установления окончательного текста своих записей. Однако наблюдения других филологов, следивших за исполнением

Кривополеновой по тексту «Архангельских былин» Григорьева, также свидетельствуют о чрезвычайной устойчивости ее текстов как в 1916, так и в 1921 году. «Общее впечатление от старин Кривополеновой — изменения были случайного порядка. Кривополенова пела очень близко к записям 1900 года и лишь кое-что вставляла, кое-что изменяла. Это получалось как у человека, который хорошо владеет стихом» (сообщение А. В. Позднеева). Главнейшие (смысловые) разночтения текстов старин, опубликованных Озаровской, с текстами, опубликованными Григорьевым, а также пометки А. В. Позднеева на принадлежащем ему экземпляре «Архангельских былин» Григорьева, сделанные им в 1916 году во время исполнения былин М. Д. Кривополеновой, приводятся ниже.

Существенной особенностью текстов, напечатанных у Озаровской в ее книге «Бабушкины старины», являются реплики сказительницы, беглые замечания, которые она делала во время исполнения старин. Эти замечания характеризуют восприятие сказительницей содержания былин, ее общение с аудиторией, отзывчивость и своеобразный юмор. Это прежде всего и заставило нас предпочесть для данного издания тексты, напечатанные у Озаровской, отличающиеся также некоторым упрощением транскрипции по сравнению с публикацией Григорьева.

Как и А. Д. Григорьев, Озаровская стремилась сохранить не только особенности северной речи М. Д. Кривополеновой, но и отдельные, индивидуальные колебания в ее произношении. Еще А. Д. Григорьев отметил при работе с Кривополеновой: «Когда она стала петь, меня поразило то, что у нее *о* иногда произносится как *а*. На мои вопросы, не грамотна ли она, не был ли ее муж в солдатах, она ответила отрицательно; оказалось, что она долго жила в северных городах». (Григорьев, т. I, стр. 335). Сообразно с этим, также и у Озаровской, можно встретить написания «гав*а*рит» и «гов*о*рит», «тобе», «*т*ибе» и «тебе», «князь» и «кнезь» и т. д.

В целом ряде случаев, особенно в пределах одной и той же старины, мы этих колебаний в произношении не сохраняем. Также излишним мы находим такие написания, как «хочю», «тучя», «чяс», «мужык», ибо они совпадают с произношением этих слов и в обычном написании. Таким образом, в целях большей доступности нашего издания транскрипция текстов М. Д. Кривополеновой подверглась некоторому дальнейшему упрощению.

Разночтения

1. Вавило и скоморохи

В записи Григорьева вместо стиха 22 (нашей нумерации):

Тибе нивушка да те орати. (Ст. 22, нумерации Григорьева).

После стиха 28:

Мы пошли веть тут да скоморошить (ст. 28).

(Отсутствует у Озаровской).

Вместо стиха 137:

Ишша стали мужику-то по оглоблям-то садитьсе. (Ст. 136).

Вместо стиха 155:

А она бильё да полоскала. (Ст. 153).

Стихи 48, 55, 153, 195, 216, 217 у Григорьева отсутствуют.

Вместо стихов 26—28 у Григорьева:

У ворот приворотников не спрашиват,
А в цистом поли курева стоит,
Он будя в городи в Киеви. (Ст. 26—28).

После стиха 94:

Щобы всем во городи покаятьсе,
Нам покаятьсе да исповедатьсе, (Ст. 95—96).

Вместо стиха 97:

Ишша тут жа был да Илья Муровиць /*так*/. (Ст. 99).

Вместо стихов 104—105:

Как выходит тут да Илья Муровиць,
Он веть сам думушку думаёт. (Ст. 106—107).

Вместо стиха 118:

Не оставил бы богатыря в цистом поли. (Ст. 120).

Вместо стихов 122—123:

Ишша едёт как он по цисту полю, —
Во цистом поли курева стоит,
В куревò богàтыря не видети. (Ст. 124—126).

После стиха 138:

А помёркло у нас соньцё красноё,
А потухла звезда поднебесная. (Ст. 142—143).

После стиха 198:

Спровожàли кнезья и бóяра. (Ст. 202).

Вместо стиха 204:

Выежжали на гору Окатову. (Ст. 208).

Вместо стиха 215:

Ишша сам говорил таково слово. (Ст. 219).

Вместо стиха 220:

Натену я вам калену стрелу. (Ст. 222).

После стиха 225:

На округу ехати, — долго не объехати. (Ст. 228).

Вместо стихов 237—238:

Они поехали силой, серёдкою,
Поворотятсе, — дак переулками. (Ст. 240—241).

После стиха 249:

«Я прыбил бы там до единого». (Ст. 253).

Вместо стихов 268—269.

Говорит как тут да Илья Муровиць:
Я не знаю, два браться где девалисе,
Я не знаю, куда потерялисе. (Ст. 272—274).

3. Илья Мурович и Чудище

Стихи 19—20, 34, 125, 144, 167—171 у Григорьева отсутствуют.

Вместо стихов 35—38:

Во ту пору, во то времецько
Выходит тут да Илья Муровиць,
Молитьсе спасу прецистому
Да божьей-та матери, богородици;
Надеваёт он тут платьё цветноё. (Ст. 31—35).

Вместо стиха 115:

А ишша тут жа веть да Илья Муровиць. (Ст. 109).

4. Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем

Стихи 15 и 73 у Григорьева отсутствуют.

После стиха 87:

Да в грыдьню-ту идёт, — Богу молитьсе. (Ст. 86)

После стиха 103:

У ворот приворотников не спрашывал,
Он махал церес стену городву жа. (Ст. 103—104).

После стиха 104:

Во цистом-то поли курева стоит,
В куревы-то богатыря не видети. (Ст. 106—107).

Вместо стиха 120:

Крыцит полениця удалая,
Ишша стар-о казак Илья Муровиць (так). (Ст. 123—124).

5. Купанье Добрыни и бой его со змеем Горынищем

После стиха 70:

Молоды Добрынюшка Микитиць млад
И наг веть Добрынюшка до нитоцьки. (Ст. 71—72).

7. Соловей Будемерович и Запава Путевисьня

Стихи 13, 36, 134, 145, 211 у Григорьева отсутствуют.

Вместо стихов 21—22:

Он пашол ка городу ко Непруському,
Он веть будя в городи во Непруському. (Ст. 20—21).

Вместо стиха 35:

А хороши узоры заморские. (Ст. 34).

Вместо стиха 40:

А дворы мои всё боярские. (Ст. 38).

После стиха 48:

И ва той во улици Жироевлиньской. (Ст. 46).

Вместо стиха 81:

А построилсе младый Соловей,
Ишше младый Солозей Будемерович. (Ст. 79—80).

Вместо стиха 90:

А пошла ко Соловью насватываться. (Ст. 89).

Вместо стиха 91:

Ко первой термы ухом припала, послушала. (Ст. 90).

Вместо стиха 95:

По второй термы ухом припала, послушала. (Ст. 94).

Вместо стиха 100:

По третей термы ухом припала, послушала. (Ст. 99).

После стиха 106:

Ишша тут Запава догадалась. (Ст. 106).

Вместо стиха 122:

Бласловит де она меня жонитися
И на той Запавы Путевисыны. (Ст. 121—122).

Вместо стиха 124:

Он пошел веть тут к Соровьёвой матушки. (Ст. 124).

Вместо стиха 149:

Выбегаё прибегищо лодейноё. (Ст. ст. 147).

Вместо стихов 226—228:

Выбегало прыбегищо лодейноё,
А-й ладейно, карабельнеё:

А се три, се два и един карапь.
У прибегища как ладейного. (Ст. 223—226).

После стиха 273:

Ишша тут Запава перепаласе,
Ишша цють она за столом стоит. (Ст. 273—274).

Вместо стиха 279:

А веньцями они повинцялисе,
А перснями они поминялисе. (Ст. 279—280).

8. Князь Дмитрий и Домна

Стихи 2, 94—95, 133—134 у Григорьева отсутствуют.

Вместо стихов 21—23 у Григорьева:

А пошёл, пошёл Митрей князь,
Да ка пошёл, пошёл Михайловиць
Да ко родимой сёстрици. (Ст. 20—22).

9. Князь Михайло

Стихи 49—86 у Озаровской отсутствуют.

Стих 2 у Григорьева отсутствует.

Вместо стиха первого у Григорьева:

Ишша жил князь Михайло да с Катериной да с пожилой.

Вместо стиха 3:

Говорил ведь княгины да Катерины да пожилой. (Ст. 2).

10. Молодец Добрыня губит невинную жену

После стиха 4:

Да нынь как она пиво варила.(Ст. 5).

Вместо стиха 8:

Людей грамотных да людей наметных. (Ст. 9).

11. Кострюк

Стихи 9, 31, 37, 52, 80—81, 103, 105, 116, 123, 130, 139—140, 166 у Григорьева отсутствуют.

12. Иван Грозный и его сын

Стихи 29, 52, 55, 65—68, 72, 123, 125 у Григорьева отсутствуют.

Вместо стиха 47:

Он крыцит — зыцит зысьным голосом. (Ст. 46).

После стиха 58 следует у Григорьева:

Он берёт цяревиця за белы руки,
Он садил цяревиця на добра коня;
Он сам коня в поводу повёл,
Говорил таково слово:
«Ты Скорлютка вор, ты Скорлатов сын. (Ст. 56—60).

Вместо стиха 88:

А идёт веть он мимо Киев град. (Ст. 85).

Последняя строка старины у Григорьева: «Они пир средили, пировать стали» (стр. 128) набрана у Озаровской как реплика сказительницы — курсивом.

14. Усишша

Вместо стиха 34:

Ишша двор твой знаиймём, — опять придём. (Ст. 34).

Пометки А. В. Позднеева на книге А. Д. Григорьева „Архангельские былины, том I"

Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муромцем
№ 77 (113)

Стр. 7. Перестановка:

Добрынюшка Микитиц млад осталса

После 42 строки вставка:

Ты не можешь на коне сидеть,
Ты не можешь конем владеть.

На полях книги примечание Позднеева: «Объясняет, что Илья имел внебрачного сына Добрыню». (На стр. 351).

Строки 69—72 пропущены.

Строки 78—107 как будто тоже пропущены. Позднееву не совсем ясны его пометки.

Строки 110—111 пропущены.

Иван Грозный и его сын. № 79 (115)

Строка 13 записана так:

А тут как царю за беду стало,

Строки 19—20 пропущены, начальное «Вы».
Строка 21 пропущена вся.
Строка 24 пропущена, начальное «Как».
Строка 25 пропущена, начальное «Тут».
Строки 24—25 спеты дважды.
Строки 99—102 спутаны.
После строки 104 Кривополенова сказала «*Ретивой был!*»
После строки 118 поясняет: «*Родной дядюшка их Романович*».
После строки 125 поет:

«Да тот же Никита Родоманович».

После строки 128 говорком: «*Да кончила бабушка былину*».

Кострюк. 80 (116)

Строки 51—61 — удлинено и изменено.
После строки 68:

Говорил дядюшка
А и тот Никита Родоманович.

После строки 76:

Без дани, без пошлины,
Без накладу-то великого.

После строки 82:

Чтобы цюли три брателка тут,
А первой брат Мишенька,
А второй брат Гришенька
Да третей брат Васенька.

После строки 84:

На крылечко красное.

После строки 92:

Кострюк Демрюков сын.

После строки 102:

Царица благоверная.

Вместо строки 113 срока 116.
После строки 120:

Царь Иван Васильевич.

После строки 122:

Да ис дани, ис пошлины.
Ис накладу-ту великого

После 130:

Царь Иван Васильевич.

После строки 171 примечание сказительницы говорком: «*Вот бабушка вот только и спела*».

ПРИМЕЧАНИЯ

Былины и скоморошины

Полевые записи былин М. Д. Кривополеновой не сохранились.

В фонограмм-архиве Фольклорного отдела Института русской литературы Академии Наук СССР (Ленинград) сохранились валики с записями восьми старин Кривополеновой, относящимися к 1916 году: «Илья Муровичи Чудище», «Илья Мурович и Калин», «Молодость Добрыни», «Купанье Добрыни», «Запава Путевисьня», «Иван Грозный», «Домна Фалилеевна», «Михайло жену убил». (Валики поступили в Институт из архива Озаровской. Слышимость их в настоящее время не совсем удовлетворительна).

1. Вавило и скоморохи

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 62—66. Стих 28 вставлен по Григорьеву.

Старина «Вавило и скоморохи» известна только по записям от М. Д. Кривополеновой и вариантов до настоящего времени не имеет.

А. Д. Григорьевым было высказано предположение, что не дошедшее до нас, но имеющееся в оглавлении одного рукописного сборника XVII века (из Украины, собрание В. К. Трутовского) «Слово о скоморосе Вавили» «несомненно, указывает на эту старину». Однако мы полагаем, что это «Слово» скорее всего является не чем иным, как довольно распространенной легендой, принадлежащей к основному составу славяно-русского «Пролога» (под 22 февраля), как «Слово о скомрасе, спасшемся о двема женами» и перешедшей без изменений в «Великие Четьи-минеи» Макария. В этой легенде повествуется, как некий скоморох, имевший двух жен, однажды зашел в церковь во время чтения Евангелия. Услышав слова, призывающие к покаянию, скоморох отказался от всех мирских благ и стал столпником, уговорил также своих жен последовать его примеру. Они построили хижину вблизи столпа и стали затворницами. Этот рассказ, как и многие другие легенды «Пролога», имеет своим источником сборник назидательных легенд греческого писателя VI века Иоанна Моска — «Луг духовный», известный также под назва-

ниями «Синайский патерик» и «Лимонарь». («Лимонарь» Иоанна Моска, изд. 1787 г., гл. 32). «Синайский патерик» пользовался распространением на Руси и как самостоятельный памятник уже с конца XI века. (И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXII, Сборник ОРЯС Ак. Наук, т. XX, № 4, СПБ, 1879, стр. 68). Скоморохам не могло остаться неизвестным имя их сотоварища по ремеслу, находящееся в таком популярном в древней Руси источнике, как «Пролог». И гонимые скоморохи избирают Вавилу своим «святым покровителем», как бы патроном своего цеха. Имеется указание на существование особых икон, изображающих скомороха Вавилу с гуслями. Рассказ об этом передает и О. Э. Озаровская («Пятиречие», стр. 304).

Сам по себе проложный рассказ содержал лишь мысль о том, что «и скоморох может спастись», но ценою отказа от своего «греховного» искусства. Совсем иначе разрабатывается этот мотив в народной легенде. Легенда утверждает мысль, что скоморох может спастись «в миру», продолжая заниматься своим искусством.

Приводим текст легенды, записанной О. Э. Озаровской в деревне Юбра на Пинеге от Татьяны Кобелевой, лично знавшей М. Д. Кривополенову:

«Человек молился в пустыни тридцать лет. Там и советал будто со святым духом.

— Господи, кто есь меня выше.

Свят Дух сказал ему: В таком-то городи скоморох выше тебя. Кажной день ходит, пляшет, имеет три жоны. Этот старец отправился в этот город и приходит к этому скомороху выпросилса ночевать. Его нету. Жоны пустили его ночевать. Он вечером приходит домой, этот скоморох. Кругом жоны его стречают, бегают и разувать стали: полны сапоги крови. Старец и спрашивает:

— Как вы живете, душу спасаете?

— Да где же нам душу спасать? Кажный день я хожу, пляшу и имею три жоны.

— Отужинали и стали спать валиться. Жоны эти положили начал и одна (легла) по праву руку, другая по леву, а третья в зголови. Утром ставают.

— Объясните мне, пожалуста, как вы душу спасаете.

— Обуй мои сапоги.

Он обул. Там гвозди: он и переступить не может.

— И живите как знаете. Господь с вами.

Старец им сказал:

— Всяк спляшет, да не как скоморох.

(Публикуется впервые. Рукописное хранилище Отдела фольклора Института литературы Академии Наук СССР. Запись, повидимому, 1915—1916 гг., когда Озаровская ездила по Пинеге. Пословица приписана карандашом).

В близких выражениях этот рассказ записан через двадцать лет от той же Т. Кобелевой фольклористкой Н. И. Рождественской (Н. И. Рождественская. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья, Архангельск, 1941, стр. 107—108). Вариант этой легенды, с упоминанием имени Вавилы скомороха и отнесением легенды к Москве, был записан также в Шенкурском уезде, с введением дополнительного мотива — ложа, усаженного гвоздями, на котором спит скоморох со своими женами. Пустынник назван Антонием, под которым, вероятно, подразумевается Антоний Сийский. (А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок

Архива Географического общества, вып. 1, Петроград, 1917, № 17; стр. 127). Еще более разработан вариант о «спасшемся скоморохе», тайном подвижнике, носящем власяницу и сапоги с «вершковыми гвоздями», в легенде, записанной Д. Н. Садовниковым в Самарском крае. («Сказки и предания Самарского края». Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым, СПБ, 1884, стр. 289—291).

Приведенная народная легенда использует также и другой рассказ «Пролога» (от 3 декабря) о старце-столпнике, которому было открыто, что более его угодил богу некий «Корнилий, иже от мим» (т. е. скоморох), живущий в мире и сделавший доброе дело, требовавшее самоотвержения. В народной переработке этих легенд скоморохи — «тайные подвижники» — отчетливо противопоставлены монахам и пустынножителям с их бесплодным и эгоистическим аскетизмом.

Подобные рассказы, несомненно, поддерживались и разносились скоморохами, стремившимися оправдать свое искусство и оградить себя от постоянного осуждения. Однако для создания подлинного апофеоза своего искусства русские скоморохи сложили оригинальную легенду на основе сказочных мотивов и древних дохристинских представлений (описание «Инишшего царсьва», окруженного тыном из человеческих голов, само шествие скоморохов и переигрывание ими царя Собаки, отчасти родственное легендам о борьбе «белых» и «черных» шаманов, известным у ряда народов СССР, и т. д.).

Предположение Озаровской, что «по составу семьи «царя Собаки» можно думать о Борисе Годунове» («Пятиречие», стр. 412) лишено всякого основания.

Примечания к отдельным стихам

Ст. 37. «Я в гудок играть да не горазён». Гудок — древнерусский смычковый инструмент. Отличительная принадлежность скомороха. Гудок пользовался распространением до середины XVIII века.

Ст. 60—61. «Ишша кура тут да ведь взлетела, на печной столб села и запела». Мотив певуна на печном столбе входит в небылицу как петух, поющий старину-пародию:

Цюдо ле, братцы, да не цудо ле,
На пецьном столбу да тут певун сидит,
Певун сидит да кукарекаёт,
Кукарекаёт да старину поёт,
Старину поёт: старика свежу,
Да старика свежу да со старухою и т. д.

(Григорьев, т. I, № 73, Почезерье).

Проф. Б. М. Соколов пытался связать мотив об ожившей жареной куре с апокрифической литературой (Б. М. Соколов. О житийных и апокрифических мотивах в былинах, «Русский филологический вестник», 1916, № 3, гл. IV «Вавило и скоморохи»).

2. Илья Мурович и Калин царь

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 28—36.

Варианты: Кирша Данилов — № 24; Рыбников — № 1, 7, 39, 74, 120, 141, 205; Гильфердинг — № 57, 69, 75, 92, 105, 121, 170, 257, 296, 304; Григорьев — № 394, 402, 415; Ончуков — № 2, 26; Мар-

ков — № 2, 81, 94, 104; Киреевский — вып. 1, стр. 56—58; вып. IV, стр. 38, 108; Астахова — № 12, 33, 44, 86; Марфа Крюкова — № 3; Гуляев — № 2 и 36.

3. Илья Мурович и Чудище

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», изд. 2-е, стр. 36—42.

Варианты: Рыбников — № 6, 24, 62, 87, 118, 140; Гильфердинг — № 4, 22, 48, 63, 120, 144, 178, 186, 196, 218, 232, 245; Григорьев — № 90, 112, 138, 323, 355, 418; Ончуков — № 20; Марков — № 34, 44; 69, 92 (приложение); Киреевский — 1, стр. XXI, XXXIV, IV, стр. 18, 22; Астахова — № 78; Марфа Крюкова — № 7.

Большинство исследователей этого сюжета сопоставляют былины об Илье и Чудище и о борьбе Ильи Муромца с Идолищем (у Кривополеновой — Чудищем) с былиной об Алеше Поповиче и Тугарине-змее.

Противник Ильи и Алеши — враг кочевник. В этих героических былинах нашла отражение борьба русского народа с иноземными захватчиками и насильниками.

4. Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 42—47.

Варианты: Григорьев — № 129, 186, 351, 391, Марков — № 46, 71, 108; Марков, Маслов, Богословский — т. 1, стр. 53; Астахова — № 26; Марфа Крюкова — № 17.

5. Купанье Добрыни и бой его со змеем Горынищем

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 47—49.

Варианты: Кирша Данилов — № 48; Рыбников — № 25, 40; Гильфердинг — № 5, 59, 64, 79, 93, 123, 148, 157, 191, 241, 289; Григорьев — № 52, 87, 339, 342, 351, 370, 408; Ончуков — № 59; Марков — № 5, 73; Марков, Маслов, Богословский — т. 1, стр. 57; т. II; стр. 46; Киреевский — т. II, стр. 23, 40, т. VII. Приложение, стр. 10; журнал «Этнографические обозрения». 1905, № 4; Астахова — № 23, 60; Марфа Крюкова — № 20, 21, 22, 23; Гуляев — № 3.

6. Алеша Попович и сестра Петровичей

Текст печатается по Григорьеву, т. I. (№ 82/118). У Озаровской этот сюжет не представлен.

Варианты: Григорьев — № 54, 72, 78, 81, 83, 85, 97; 100; 104; 128; 173; Марков — № 7, 93; Ончуков — № 3; Киреевский — т. II, стр. 64, 66, 67; П. В. Шейн, Белорусские народные песни, СПБ, 1873, № 453; «Этнографическое обозрение», 1913, № 1—2; Астахова — № 21; Марфа Крюкова — № 33.

Сюжет имеет несколько вариантов. Наиболее сложный (Марков — № 7, Марфа Крюкова — № 33), где попутно раскрывается измена жен Петровичей, Илья Муромец выступает сватом за Алёшу. Иногда сестру спасает младший брат (Григорьев — № 72), который ведет ее не на казнь, а в церковь; иногда Петровну выкупает на пиру Чурило (Григорьев — № 54) и др. Реже трагический конец: братья казнят обесче-

етившую их сестру (Киреевский, Астахова — № 21, Шейн — № 453). Текст Кривополеновой носит архаические черты (зарывание в землю, казнь на плахе).

7. *Соловей Будемерович и Запава Путевисьня*

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 20—27.

Варианты: Кирша Данилов — № 1; Рыбников — № 123, 132, 149, 163, 173; Гильфердинг — № 36, 53, 68, 199, 208. Григорьев — № 34, 331. Марков — № 65; Ончуков — № 8; В. Ф. Миллер — Былины новой и недавней записи из разных местностей России, М., 1908, № 85; Астахова — № 67, Марфа Крюкова — № 47.

Сюжет былины сказочный. Указывалось на близость отдельных мотивов былины к повести «О Василии королевиче чешские земли» (Текст издан И. А. Шляпкиным в «Памятниках древней письменности», СПБ, 1882). Герой повести королевич-гусляр, прибывающий на корабле, выдает себя за слугу купца, очаровывает всех своей игрой, строит замечательный дворец, отучает от спеси королевскую дочь и увозит ее на корабле.

Многие исследователи сближали старину о Соловье с былиной о Садко. Соловей напоминает своим обликом новгородского гостя. Мать Соловья в некоторых вариантах носит имя Амельфы Тимофеевны — матери уже несомненно новгородского Василия Буслаева. Подобно Садко, Соловей — гусляр. Его игра пленяет Забаву, как игра Садко морского царя. Все это заставляет склоняться к северному (новгородскому) происхождению былины, хотя действие ее и приурочено к Киеву. Обращает внимание обилие северных мореходных терминов.

Примечания к отдельным стихам

Ст. 5. Тут и нос-корма по-звериному — имеется в виду древний корабль с острым загнутым носом и резными изображениями животных. Описание корабля очень устойчиво в былинах о Соловье Будемеровиче. Ср. у Кирши Данилова:

Нос-корма по-туриному,
Бока взведены по-звериному.

Ст. 21. Он пошел ка городу ко Непрьському (у Григорьева — Непрусьскому) — Днепровскому, т. е. Киеву. Форма Непр, Непра-река, Непречка довольно распространена в былинах, особенно северных редакций. (Б. М. Соколов. Нерпа-река в русском эпосе, Известия ОРЯС Академии Наук, 1912, кн. 3, стр. 198—214).

Ст. 92. Тут шолчат-молчат, ничего не говорят — т. е. идет пересчет золотой казны Соловья Будемеровича.

Имя Будимир (Будемер) было распространено в древней Руси (иногда в форме Будило). Стало выходить из употребления с XV века. См. А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии, СПБ, 1910). Забава или Запава — имя, встречающееся в былинах, принадлежит к числу старорусских некалендарных имен (Любава, Добрава, Всеслава, Звенислава, Голуба и др.). Путевисна — Путятична. Имя Путята известно по летописям до XVII века. (См. Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских имен, СПБ, 1903).

8. Князь Дмитрий и Домна

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 54—56.

Варианты: Соболевский — т. I. № 172—175; Рыбников — № 92; Марков — № 33; Крюкова — № 71.

9. Князь Михайло

Стихи 1—46 нашей нумерации печатаются по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 59—61; стихи 47—86 нашей нумерации печатаются по Григорьеву — т. I, № 84 (120) («Князь Михайло губит свою первую, а его мать вторую его жену»).

Варианты: Рыбников — № 100 и 222; Гильфердинг — № 299; Григорьев — № 20, 31, 47, 55, 64, 71, 79, 80, 95, 99, 106, 110, 133, 136, 139, 142, 143, 144, 145, 146, 152, 160, 167, 171, 176, 178, 183, 185, 188, 191, 195, 201, 202, 330, 381, 422; Марков — № 31, 111; Киреевский — т. V, стр. 68, 70, 72, 74, 75; т. VII, стр. 19; Астахова — № 31; Марфа Крюкова — № 83, 84, Б. и Ю. Соколовы — стр. 309, 310, Новгородский сборник — вып. II, отд. I, 1865, стр. 169—171 и 171—173; Якушкин — стр. 125—126; «Русская баллада» № 244 (Записи Чернышева, 1901 г.); Гуляев — № 38; И. Н. Жданов — «Песни о князе Михайле», Русский, былевой эпос, СПБ, 1895.

В некоторых вариантах злоба свекрови объясняется ее гневом на князя Михайла:

Женился, у матушки родимой не спросился,
Обвенчался он ей не сказался... (Рыбников, № 147).

В «Бабушкиных старинах» у Озаровской напечатаны лишь первые сорок шесть стихов былины «Князь Михайло», тем самым Кривополенова как бы выделила особую законченную песню.

Былина «Князь Михайло губит свою первую, а его мать вторую его жену» (запись Григорьева) развивается по типу баллады. Текст Кривополеновой сочетает два мотива: а) убийство нелюбимой жены и смерть ее дочери, не желающей принять мачеху; б) о женщине, оставленной мужем и погубленной в его отсутствие. Оба эти мотива существуют и развиваются и как самостоятельные песни. Былина-баллада о князе Михайле особенно распространена на Пинеге, родине М. Д. Кривополеновой. Только в 1900 году А. Григорьев записал на Пинеге 36 вариантов этой старины. В 1927—1928 годах А. М. Астахова записала там же двенадцать вариантов, близких по тексту.

Замечательной сохранности тексты, записанные в Золотице А. Марковым от Аграфены Крюковой, и последние записи от ее дочери М. С. Крюковой. (Первый вариант былины Марфы Крюковой «Князь Михайло» опубликован в сборнике «Советский фольклор», II—III, 1935).

Былина-баллада «Князь Михайло», разрабатывающая семейно-психологический мотив, воспринималась на фоне реального быта, что придавало ей особую доходчивость и делало излюбленной преимущественно в женском репертуаре. «Бабушка почти всегда плачет, когда поет о князе Михайле, потому что у ее внучки есть теперь мачеха (дочь умерла перед отъездом бабушки в Москву)», — сообщает Озаровская.

10. Молодец Добрыня губит невинную жену

Текст печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 58—59.

В самых разнообразных вариантах этот сюжет — гибель оклеветанной жены — широко распространен в русских народных песнях и балладах. Прикрепление к имени Добрыни, видимо, носит случайный характер. Ср. с широко распространенной повсюду былиной «Князь, княгиня и старицы», где жена оклеветана самими старицами, которым она оказала гостеприимство.

11. Кострюк

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 69—74. Написание «Кострюк» дано по Григорьеву.

Стр. 14—15 исправлены по Григорьеву.

Варианты: Кирша Данилов — № 5; Рыбников — № 73, 95, 96, 109, 157, 185, 210; Гильфердинг — № 24, 166, 193, 261, 310, 317; Григорьев — № 59, 137, 156; Ончуков — № 77, 91, 93; Марков — № 36, 85, 106; Марфа Крюкова — № 103, 104; Киреевский — т. VI, стр. 106, 109—111, 116—135 (22 варианта), т. VII — прилож. 51; Шейн — Великорусс.; т. I, стр. 298, 299; Шейн — Материалы для изучения быта и языка сев.-зап. края, т. II, № 84; Б. и Ю. Соколовы — № 12; Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш — Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году, СПБ, 1894, № 5, Гуляев — № 45.

Кострюк — песня скоморошьего склада, сохранившая во многих случаях свой оригинальный скомороший распев, более быстрый и веселый, чем обычный эпический.

Сюжет этой старины чаще всего прикреплен к историческому событию — женитьбе Ивана Грозного на дочери кабардинского князя Темгрюка Андаровича Марье Темгрюковне. Свадьба состоялась 21 августа 1561 года. Песня о Кострюке сохранила и самое имя царицы и ее брата, довольно диковинные для русского уха, и почти не исказила их в устной передаче. В некоторых вариантах песни мотив царской свадьбы отсутствует, и речь идет лишь о появлении под стенами Москвы (на Воробьевых горах) нахвальщика Кострюка, который вызывает себе поединщика. Кострюк является обычно не один, а с удалой поляницей (богатыркой), которая иногда отождествляется с царицей Марьей Темгрюковной. Следует отметить, что «скорый посол», отряжаемый поляницей и Кострюком «выкликать поединщика», иногда назван скоморохом:

Как послали скора посла,
Скора посла скоморошину. (Рыбников, № 210).

Прежние исследователи песни о Кострюке преимущественно искали в ней отголоски исторической действительности. С. К. Шамбинаго в своей книге «Песни-памфлеты XVI века» (М., 1913) выдвинул гипотезу, что эта скоморошина явилась контаминацией (соединением) двух первоначально различных песен, из которых одна была непосредственно посвящена браку Ивана Грозного с кабардинской княжной, а другая повествовала о наезде какого-то чужеземного насильника и захватчика, посрамленного русскими удальцами — т. е. свойственное эпической традиции представление борьбы двух народов как единоборства, представляющих их богатырей. Таким ближайшим по времени «наездом» был поход на Москву крымского хана Девлет Гирея, разбитого в 1572 году небольшой русской ратью под начальством князя Михаила Воротынского. В самой личности Кострюка исследователь видел какого-либо «важного мурзу», сопровождавшего Девлет Гирея и почему-то оставившего по себе память.

Имя победителя Кострюка, названного в некоторых вариантах Михаилом. С К. Шамбинаго также считал не случайным и возводил к князю Михаилу Воротынскому, в песне иначе никак не фигурирующему.

Проф. Б. М. Соколов усматривал в старине о Кострюке отражение действительного события, имевшего место на свадьбе Грозного. «Песня передает один из эпизодов придворной жизни Ивана Грозного, в основе которого без всякого сомнения лежит реальный, в песне, может быть, несколько раскрашенный, факт борьбы шурина Грозного — Кострюка, любителя-борца, с московскими удальцами» (Б. М. Соколов. Шурин Ивана Грозного, удалой борец Мамстрюк Темрюкович, Журнал Министерства народного просвещения, 1913, июль, стр. 35).

Однако как раз сам факт такого единоборства, тем более как эпизод царской свадьбы, историей не отмечен, и потому былина в глазах этих исследователей приобретает характер дополнительного исторического свидетельства. Делаются попытки выделить из песни ее историческую основу и установить соотношение между ее мельчайшими деталями и исторической действительностью. Так, например, проф. Б. М. Соколов, подыскав исторические параллели к этой песне, разбирает вопрос о том, следует ли отождествить любимого царского шурина Кострюка с историческим пятигорским князем Михаилом (Салтануком), постоянно жившим в Москве и служившим предметом для осуществления различных причуд Грозного, то осыпавшего его почестями, то издевавшегося над ним. Или же прообразом Кострюка был брат Михаила Мамстрюк, удалой и смелый человек, лишь изредка наезжавший в Москву. Даже в типично былинной ситуации, когда Кострюк скачет через стол на пиру, как это делает и Василий Буслаев, по мнению Б. М. Соколова, нашла отражение «порывистость и горячность Кострюка, столь соответствующая его кавказскому темпераменту».

Истолкование «Кострюка» только как «живой бытовой иллюстрации к своеобразной странице нашего прошлого» снижает общее художественное и идейное значение этой замечательной старины. Не случайный эпизод царской свадьбы и отдельный татарский набег определили ее характер.

Кострюк — прежде всего обобщенный образ. Его облик гиперболичен. Он является как грозный богатырь, который «семьдесят побоищев» прошел, «триста борцов поборол». (Гильфердинг, № 261, Кенозеро). Но все это лишь комическое преувеличение. На самом деле Кострюк — чучело, пугало. Стоит его хорошенько потрепать, как с него посыплются страшные перья. И Кострюка «вылупливает» из платья цветного невзрачный с виду русский удалец. Кострюк уже непохож на прежних нахвальщиков русского эпоса — Идолища, Батыища, Змея Тугарина, — изображаемых иногда гротескно, но всегда несущих в себе подлинную угрозу. За гротескными же образами скоморошины о Кострюке скрывается разительное изменение исторической обстановки. Русская держава неизмеримо выросла и окрепла ко временам Ивана Грозного. Былые насильники и захватчики, приходившие на Русь с несметной силой, превратились в Кострюков. Вместо истовой былины народ уже поет о них «шутовы старины». Скоморошина о Кострюке отразила осознанное историческое превосходство русского народа над былым извечным врагом. И в этом ее основное значение.

Что же касается самого сюжета старины, то и он, несомненно, сложился иначе, чем полагали представители дореволюционной исторической школы в фольклористике. Односторонние поиски исторических соответствий приводили к игнорированию художественного замысла произведения, забвению роли творческой фантазии народа. В песне признава-

лось «первоначальным» только то, что было исторически правдоподобно, то есть могло отвечать исторической действительности. Все остальное относилось к позднейшему приукрашиванию. Так, например, если Б. М. Соколов еще признавал «правдоподобным» условие борца, выступившего против Кострюка, сорвать с нахвальщика платье цветное, как своеобразную черту исторической психологии, то дальнейший эпизод — превращение Кострюка в женщину — признается уже вовсе невероятным, и С. К. Шамбинаго называет его даже «неожиданной подробностью», которая могла появиться лишь при дальнейшей переработке песни, хотя совершенно очевидно, что эта заключительная сцена подготовлена всем развитием сюжета и является его основным комическим зерном. Как раз выбор такого сюжета и его гротескная разработка, проходящая через множество вариантов «Кострюка», и принадлежал скоморохам, и вполне отвечал всему характеру их творчества. Древний мотив единоборства с женщиной, известный по былинам (Илья Муромец и баба Латынгорка), превращается у скоморохов в мотив для веселого рассказа с переряживанием и грубоватыми, но несомненно вызывавшими неудержимый смех тогдашней аудитории подробностями. С этой точки зрения «Кострюк» может рассматриваться не только как историческая песня, но и как скоморошина.

12. Иван Грозный и его сын

Текст печатается по Озаровской, «Бабушкины старины» 2-е изд., стр. 50—53.

Варианты: Кирша Данилов — № 45; Рыбников — № 19, 31, 55, 108, 136; Гильфердинг — № 13, 25, 129, 142, 153, 165, 175, 183, 201, 209, 244; Григорьев — № 12, 16; Ончуков — № 49, 92; Марков — № 37, 106; Марфа Крюкова — № 109; Гуляев — № 8, 34; варианты № 1; Киреевский — вып. VI, стр. 55—113 (11 вариантов); Истомин и Дютш — I, стр. 46 и 51.

Историческая песня «Иван Грозный и его сын» в дошедших до нас вариантах, повидимому, принадлежит к новгородской редакции.

Песня подробно разрабатывает мотив борьбы Ивана Грозного с мятежным Новгородом. Действие старины обычно начинается на пиру, где царь Иван похваляется, что «вывел измену из Нова-города» (Кирша Данилов). Царевич Иван, присутствующий на пиру, упрекает отца, что тот не мог вывести измены «из матушки каменной Москвы» (Ончуков, № 92), что изменщик у него за столом сидит, и указывает при этом царевича Федора, который был милостлив к новгородцам:

А которой улицей ты ехал, батюшка,
Всех сек и колол, и на кол садил;
И которой улицей я ехал,
Всех сек и колол и на кол садил.
А которой улицей ехал Федор Иванович,
Он писал ярлыки милостивые,
И кидал по улицам новгородским...

Навет царевича Ивана вызвал опалу царя на младшего сына. Иван Грозный приказывает отвезти Федора на казнь «на житное болотце», «за Москву-реку» или просто как у М. Д. Кривополеновой, «ко плахе ко липовой». Царский шурин Никита Романович, узнав о беде, спешит на помощь. Он или сам расправляется с палачом и отнимает царевича или подменяет его другим лицом, отдает за него любимого конюха (Кирша Данилов), «племянничка да кресничка» (Рыбников, № 136), своего

ключника (Марков, № 37) или даже пса (Гильфердинг, № 244) и т. д. Никита Романович укрывает царевича Федора в своем доме (Гильфердинг, № 209), или увозит его «во село свое Романовское». Тем временем Ивана Грозного охватывает раскаяние. Он приказывает всем надеть черные одежды, идет в церковь в «опальном платье». Никита Романович, напротив, является в платье «цветном», приветствует царя и обоих сыновей, хотя налицо один. (Рыбников, № 19, 131, 135). В другой группе вариантов опечаленный Иван Грозный едет мимо палат Никиты, где идет пир горой, или ему доносят, что у шурина в доме веселье, когда он справляет поминки по сыну. В конце концов Никита Романович открывает Грозному спасенного царевича. Большое число вариантов настойчиво разрабатывает один и тот же мотив: в награду за спасение царевича Никита просит пожаловать его особой вотчиной, которая являлась бы для всех неприкосновенным убежищем:

Хоть с петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи
Столько ушел бы в Никитину вотчину,
Того доброго молодца бог простит. (Рыбников, № 31).

По мнению многих исследователей, в этой исторической песне нашло отражение известное историческое событие — убийство Иваном Грозным своего старшего сына Ивана в 1581 году. Однако в песне убийства не происходит. Объясняется это, по словам Ю. М. Соколова, тем, что народ, сочувствовавший Ивану Грозному в его борьбе с боярством, стремился оправдать его поступки и таким образом «народная историческая песня в своей тенденции благожелательно осветить облик Ивана Грозного сняла с него обвинение в сыноубийстве». (Ю. М. Соколов, Русский фольклор, М., 1938, стр. 267). Слагатели песни представили все событие лишь как покушение на убийство и произвели своеобразную «подмену»: гнев Грозного обрушивается не на царевича Ивана, а на кроткого Федора, действительно оставшегося в живых и царствовавшего после Грозного. Особенно развивал эту точку зрения С. К. Шамбинаго в своей книге «Песни времени царя Ивана Грозного» (Сергиев Посад, 1914). Такое объяснение представляется нам неубедительным. Песня знает обоих царевичей и отчетливо противопоставляет враждебно относящемуся к Новгороду Ивану заступника за новгородцев Федора.

Потрясенные разгромом родного города новгородцы не сознавали исторического смысла событий или понимали их превратно. Гнев и опала Грозного, как они описаны, например, в третьей новгородской летописи, способны были нагнать величайший ужас. Отсюда естественны мечты о заступничестве и о неприкосновенном убежище от гнева царя. То и другое песня воплотила в надлежащий сюжет. Заступника за Новгород песня находит в самой царской семье, ибо новгородцы, конечно, знали о существовании кроткого Федора, не участвовавшего в расправе над Новгородом. То, что царь не пощадил за такое заступничество своего собственного сына, показывает силу царского гнева, обрушившегося на новгородцев, и вполне отвечает общему художественному замыслу.

Песня «Иван Грозный и его сын» посвящена разгрому Новгорода и не имеет ровно никакого отношения к реальному факту убийства Грозным своего сына. Сам по себе мотив отцовского гнева и несправедливой казни сына (в песне вдобавок не состоявшейся) издавна известен в фольклоре.

Песня «Иван Грозный и сын» составлена с новгородских позиций, что вполне отвечает общему новгородскому характеру северного художественного наследия. Сами исполнители этой песни нередко сохраняют

еще воспоминание о своей связи с Новгородом. Печорский сказитель, сообщивший вариант этой песни уже как предание, добавляет: «Из Москвы, из Нова-города в то время много бежало народу, тогда и на Печору заселились из Нова-города, наша деревня Бедовая, Голубкова тоже и другие». (Ончуков, № 92). Этот же сказитель вводит в свой рассказ легенду о щучьей голове, являющуюся переработкой известной легенды о встрече Ивана Грозного с псковским юродивым Николой Салосом, подавшим ему постом кусок окровавленного мяса. Новгородские элементы проступают в этой песне и в других редакциях. Даже мать царевича Настасья Романовна названа в одной записи «Омельфой Тимофеевной», то есть именем матери новгородского удальца Василия Буслаева (Гильфердинг, № 175).

Новгородская редакция песни, несомненно, изобиловала деталями, отрицательно характеризующими Ивана Грозного. Эти детали сохранились и в целом ряде дошедших до нас вариантов (Гильфердинг, № 244).

С. К. Шамбинаго, разделивший все наличные варианты песни на две редакции — первую, где Никита Романович вырывает царевича из рук Малюты Скуратова и вторую, где он подменяет его своим любимым конюхом, — высказал мысль, что «отрицательная характеристика царя, на которую так щедры варианты второй редакции, указывает на возникновение последней в более позднее время» (стр. 303).

Как раз наоборот! Эти «отрицательные детали» служат лишь указанием на новгородский характер песни. Новым деталям, подчеркивающим «лютость Ивана Грозного, взяться было неоткуда! Они не могли быть принесены из общерусского фольклорного репертуара, где Иван Грозный и его деятельность обрисованы всегда с большим сочувствием. Резкая окраска, страстность и горестность тона этих деталей говорят не о далеком, но непосредственном переживании событий. Позднейшее же бытование песни должно было непрерывно смягчать характеристику Ивана Грозного, освобождая ее от пристрастности потерпевших от его опалы новгородцев. Ярким примером такой позднейшей народной переработки песни является текст, записанный от М. Д. Кривополеновой. Все изложение песни проникнуто живым переживанием сказительницы, благоговеющей перед памятью Грозного, которого она называет «прозвителем» (провидцем), горячим, но справедливым. Песня дошла до Кривополеновой в несколько разрушенном виде. Сказительница неясно представляет себе причину гнева царя на своего сына, хотя мотив печалования, сокрушенности при виде казней выражен довольно отчетливо. Свежим и интересным является также мотив покаянного паломничества в Киев. Москва названа Царем-градом.

Примечания к отдельным стихам

Стих 35. Микита Родоманович — Никита Романович. Брат царицы Анастасии. Также упоминается в былине о Кострюке. Имя его довольно популярно в различных песенных сюжетах. Никита Романович даже входит в круг русских былинных богатырей, стоит на заставе с Ильей Муромцем, Добрыней и Алешей Поповичем (см. Гильфердинг — № 246 и 250. Иногда он выступает и как воевода, освободивший Москву от Литвы, причем даже оборачивается волком (Гильфердинг, № 88). Личность Никиты Романовича не играла особой роли в истории, хотя известно, что Никита принимал участие в Ливонской войне и с 1572 года в устройстве сторожевой и пограничной службы. Никита Романович пережил Грозного и, по смутным преданиям, царь поручил ему попечение о Федоре и царстве. Умер 23 апреля 1586 года. Черты идеализации Ники-

ты Романовича следует отнести и за счет легенды, поддерживавшейся официальными кругами и приверженцами новой династии.

Стих 80. Гогарыни — искаженное в устной передаче Гагарины. Как показал еще П. И. Вейнберг, это имя забралось в старину об Иване Грозном, повидимому, из песен Петровского времени.

13. Смерть Долгорукого

Печатается по Озаровской, «Бабушкины старины», изд. 2-е, стр. 53—54. А. Д. Григорьевым этот текст записан не был.

14. Усишша

Текст печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 68—69.

Стихи 3, 20 и 27 исправлены в нашем тексте по Григорьеву.

Варианты: Кирша Данилов — № 64; Соболевский — т. VI, № 454—457; Киреевский — Новая серия, М., 1917, вып. II, т. I, № 1409, вып. II, т. 2 (М., 1929), № 2513; В. Н. Добровольский — Смоленский этнографический сборник, М., 1903, № 12а, 12б, 12г, 12д, А. Васнецов — Песни северо-восточной России, М., 1894, № 186.

Также в старинных печатных сборниках: «Российская Эрата, или выбор наилучших новейших российских песен». (М. Попова, ч. III, СПБ, 1792, стр. 169, № 109).

Песня «Эй, усы, усы появились на Руси» вошла также в «Собрание разных «каиновых песен», приложенных к известной книге «Жизнь и похождения Российского Картуша, именуемого Каина» (анонимное издание 1792 года), и была включена Матвеем Комаровым в составленную им «Историю Ваньки Каина» (в издании 1794 года, № 51).

Специальное исследование, посвященное этой песне: П. С. Богословский. «Песня об усах» из сборника Кирши Данилова» (Пермский краеведческий сборник, Пермь, 1928). П. С. Богословский сближает «Усишша» с песнями разиновского цикла.

Высказанная Богословским мысль о пермском происхождении песни (во владениях Строгановых) отвергается В. И. Чернышевым («Заметки о русских песнях», журнал «Slavia», т. I., Прага, 1932) на основании большого числа вариантов из других мест, восходящих к более древнему типу, к числу которых он относит и текст Кривополеновой, где «в краткой, чрезвычайно естественной форме» изображено посещение шайкой разбойников богатого крестьянина, требование угощения и денег, угроза пыткой. В дальнейших редакциях «...простая, суровая схема рассказа развита введением живописных подробностей и комических элементов. Рассказ принял хвалебный и грандиозный характер по отношению к героям действия. Для увеселения публики введен дурак на печи, выдающий отца, — явление довольно ненатуральное, но для вкуса масс смешное, смягчающее жесткий тон песни. Работа скоморохов, не обеспеченных, полуголодных, бродячих людей, враждебных к сытым и зажиточным, мастеров увеселять и смешить, здесь совершенно очевидна».

Мы со своей стороны, именно вследствие этой очевидной принадлежности песни скоморохам, считаем текст Кривополеновой угасающей, смягченной в крестьянской среде, а не первоначальной редакцией.

15. Небылица

Печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», изд. 2-е, стр. 74—75.

После каждого стиха припев:

Да небылица в лицах, небывальщина,
Да небывальщина, да неслыхальщина.

16. Небылица в лицах

Текст печатается по Григорьеву, т. I, № 87 (123).

Варианты: Рыбников — № 98. Гильфердинг — № 238, 295; Григорьев — № 51, 66, 73, 140, 326, 335, 382, 410; Ончуков — № 67, 79, 83; Марков — № 88, 116; Марков, Маслов, Богословский — т. I, стр. 94; Шейн — Великорусс, т. I, 959, 962—965, 1023, Русские народные песни, собранные П. В. Шейном, Чтения в Моск. общ. истор. и древ. российск. кн. 3, 1877; № 31; Б. и Ю. Соколовы — № 639; Астахова — № 36.

Небылицы, небывальщины, шутовы старины известны повсеместно, где поются былины. Нередко небылица принимает также и пародийный характер. Интересно отметить северный колорит некоторых образов:

Корова на лыжах покатиласе...
По поднебесью медведь летат,
Да медведь летит, да он хвостом вертит.
И по чисту полю у нас карап бежит,
И по чисту полю у нас карап бежит,
На синем мори у нас овин горит. (Гильфердинг № 238).

Любопытно современное толкование небылицы, записанное Э. Г. Бородиной-Морозовой в 1939 году в деревне Нижняя Зимняя Золотица от сказителя Григория Михайловича Плакуева, 72 лет:

«Это что-то было чудышко чудесное, —
По поднебесью медведь летат,
Он широкима лапками помахивал,
А коротеньким хвостиком поправливал.
А ишо-то было чудышко чудесное, —
По синю морю жернова несет,
А по чисту полю карапь идет.

А, бывat, и больше было. А я больше не помню. А после, как еропланы залетели, мы и вспомнили, как Василий Крюков (дед сказительницы М. С. Крюковой — *А .М.*) пел про медведя. А жернова-ти теперя мины!»

Публикуется впервые. О Плакуеве см. Э. Г. Морозова (Бородина). Сказания и песни о Груманте, альманах «Север», 9, Архангельск, 1947.

Песни

По сообщению О. Э. Озаровской, в 1921 году в Москве было от М. Д. Кривополеновой записано большое число песен. Записи производили «московские этнографы с Н. Ф. Яковлевым во главе, и в их распоряжении находится порядочный материал». Однако местонахождение его в настоящее время нам выяснить не удалось. В книге О. Э. Озаровской «Бабушкины старины» (изд. 2-е) приведены только записи песен, которые Кривополенова исполняла в 1916 году («Таланъ», два величальных «Виноградья» и «Козаченько»). В части архива Озаровской, находящейся в рукописном хранилище Фольклорного отдела Института русской литера-

туры Академии Наук СССР (Пушкинский Дом в Ленинграде) сохранились лишь тексты двух записей песен от Кривополеновой: «За Дунаем гуляет казак молодой» и «Посеяли девки лен», с пометкой, что они записаны в 1916 году в Москве. В фонограмм-архиве Фольклорного отдела Института русской литературы Академии Наук СССР (Ленинград) хранится фонограмма песни «Козаченько» (в записи 1921 года, из архива Озаровской).

1. Талань

Текст печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 100—101.

Весьма распространенная, известная в большом числе вариантов повествовательная песня (баллада).

Варианты: Соболевский — т. I, № 196—213; Ончуков — № 101; В. И. Чернышев — Русская баллада, Л., 1936. (Библиотека поэта), стр. 406.

Большинство вариантов плохой сохранности. Текст Кривополеновой исключителен по своей художественной выразительности. Кривополенова начинает драматически с вопля потрясенной своим открытием молодой женщины. Во многих других текстах запев, придающий тексту песенную условность:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за белого березничка,
Из-за частого осинника
Выходила красна девица
На Дунай реку умыватися;
Умылася, умывшися набелилася,
Набелившись нарумянилась,
Нарумянившись призадумалась,
Призадумавшись слово молвила:
«Ах, талан ли мой талан такой... и т. д.

(Чулков. Собрание разных песен, ч. III, СПБ, 1770, стр. 219).

Стих 30. Вариант Чулкова:

Со вечера вор коня седлал,
Со полуночи вор со двора съезжал,
Ко белу свету вор домой приезжал;
Вскрикнул он да громким голосом:
«Встречай меня, молода жена,
Примай коня томного,
Сымай платье кровавое».

У Кривополеновой драматизм изложения значительно усилен, отчетливей диалог.

2. Виноградье большое

Печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», изд. 2-е, стр. 101—103.

Святочная величальная песня поется о Рождестве семейном. Через каждые два стиха припев:

«Виноградие красно-зеленоё».

«Виноградье» до сих пор еще поется на Севере.

3. Коваченько

Текст печатается по Озаровской. «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 104—105.

Украинская казачья песня. О. Э. Озаровская отмечает, что эту песню она ни от кого больше на севере не слыхала. Как она попала в репертуар М. Д. Кривополеновой, не выяснено.

СКАЗКИ

Еще А. Д. Григорьев в своей краткой заметке о сказительнице отметил, что она «знает много сказок». Но сказок он от нее не записывал. Все известные в настоящее время записи сказок от М. Д. Кривополеновой принадлежат Озаровской. Часть своих записей Озаровская опубликовала во втором издании «Бабушкиных старин», особо оговорив, что лучшие сказки Кривополеновой «не подходят к характеру данного издания и будут включены в собрание всех моих северных записей». Однако такое издание полностью осуществлено не было. В книгу Озаровской «Пятиречие» вошли кроме ранее опубликованных сказок только «Верная жена» и «Безручка».

В рукописном хранилище Фольклорного отдела Института русской литературы Академии Наук СССР (Ленинград) сохранились черновые записи О. Э. Озаровской сказок Кривополеновой «Мед да сало», «Верная жена», «Про старушку и бычка» и неоконченная запись побывальщины «Про разбойника».

В фонограмм-архиве Фольклорного отдела того же Института хранятся валики с записями от Кривополеновой 1921 года сказок «Горшочек», «Как я жила да заворовалась», «Курочка ряба», «Сказка о попе». Кроме того, имеется фонограмма 1916 года. «Разговорная речь бабушки». Фонограммы были приобретены у О. Э. Озаровской. Полностью восстановить по ним связный текст сказок не удается. М. Д. Кривополенова исполняла свои сказки с большим воодушевлением. «Увлеченная бабушка, — писала Озаровская, — сыплет слова, глотает концы их, не договаривает фраз, и потому наслаждаться ее исполнением может лишь сидящий вплотную с ней. Попросите говорить помедленнее — и бабушкин пыл остывает». Это, конечно, и создавало особые трудности для записи.

Сказочный репертуар М. Д. Кривополеновой, разумеется, не исчерпывался перечисленными здесь сказками.

По словам А. Д. Ипполитовой, любимыми сказками Кривополеновой были «Муха-горюха» и «Курочка ряба». Эти простенькие сказочки она исполняла виртуозно. Концовки давала от себя с неподражаемым юмором.

Вот концовка сказки «Курочка ряба» в исполнении Кривополеновой:

«А матушка прибежала к батюшке и говорит:

«— А батюшка, ты ничего не знаешь. Как у бабушки у задворенки была курочка ряба, и снесла курочка яичко не простое, а золотое. Дед бил, бил, не разбил. Баба, била, била, не разбила. Мышка бежала, хвостиком махнула, яичушко упало и разбилось.

«Об этом яичушке дрозд стал плакати, старуха летати, петух кокотати, сметье под полом загорелось.

«Батюшка как почал книги рвати, по полу бросати. С тех пор в церквах не по чему и службы стало служить». (Сообщено А. Д. Ипполитовой-Рязановой). Публикуется впервые.

Концовка сказки — скоморошьего склада.

Марья Дмитриевна Кривополенова, а также ее брат Федор Дмитриевич Кабалин славились по Пинеге своими сказками.

1. Череп-терем

Печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 110—112.

2. Лисица и петух

Печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 112.

В данном варианте лиса против обыкновения оказывается обманутой.

3. Горшочек лихо мыть

Печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 113—114.

4. Дурень

Печатается по Озаровской — «Бабушкины старины», 2-е изд., стр. 114—116.

Известны многочисленные варианты этой сказки в прозе.

Поэтические варианты: Кирша Данилов — № 58; Н. И. Рождественская. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья, Архангельск, 1941, стр. 69—71.

Интересно отметить, что Н. И. Рождественская записала в 1935 году «Дуреня бабина», весьма схожего с текстом Кирши Данилова, от сказительницы М. П. Пашкозой, в 1900 году встреченной А. Д. Григорьевым. Григорьев не записал от Пашковой «Дурня», хотя и отметил, что «она умела еще читать скороговоркой про дурня: «Пошел дурень, пошел барин (или валень)» — Григорьев, т. I, стр. 213.

5. Безручка

Сказка-легенда. Печатается по Озаровской — «Пятиречие», Л., 1931, стр. 328—331.

Сказка о «Безручке» или «Безрукой царевне» является народной переработкой литературной повести XVII века.

6. Сказка про старушку и бычка

Публикуется впервые. Рукописное хранилище Фольклорного отдела Института литературы Академии Наук СССР, Ленинград.

Список сокращений

Астахова — Былины Севера. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой т. I, Мезень и Печора, изд. Академии Наук СССР, М. — Л., 1938.

Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, изд. 2-е, т. I, 1894; т. II, 1896; т. III, 1900.

Григорьев — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899 г., с напевами, изд. Академии Наук, т. I, М., 1904; т. III, М., 1910.

Гуляев — Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Новосибирск, 1939.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I — X, М., 1860—1874.

Кирша Данилов — Сборник Кирши Данилова под ред. П. Н. Шеффера, Издание Публичной библиотеки, СПБ, 1901.

Марков — А. В. Марков, Беломорские былины, М., 1901.

Марков, Маслов, Богословский — Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. «Труды Музыкально-этнографической комиссии», т. I, М., 1905; т. II, М., 1911.

Марфа Крюкова — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина (Морозова) и Р. Липец, т. I, М., 1939; т. II, М., 1941.

Ончуков — Н. Е. Ончуков. Печорские былины, СПБ, 1904.

Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е под ред. А. Е. Грузинского, т. I—II, М., 1909—1910.

«Русская баллада» — В. И. Чернышев. Русская баллада, Л., 1936 («Библиотека поэта»).

Б. и Ю. Соколовы. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.

Соболевский — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. т. I—VII, СПБ, 1895—1902.

Якушкин — Сочинения П. И. Якушкина, СПБ, 1884.

СЛОВАРНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Баенка — баня.
Байна — баня.
Баса — красота.
Беседка — сходбище в каком-нибудь доме парней и девушек для игр и пляски.
Богачесьво — богатство.
Босько — собачья кличка.
Брателко — брат.
Вéснуть — висеть.
Верьхи — от вершки (мера длины; вершок — $^1/_{16}$ аршина).
Взаболь — в самом деле, действительно.
Взамуж — замуж.
Виноградьё — рождественская величальная песня.
Виноградчицы — девушки песельницы, которые исполняют величальную песню «Виноградьё».
Вместях — вместе.
Вострый — острый.
Вотчина — находящаяся с давнего времени в пользовании одного крестьянского рода пахотная земля.
Выбить — прибить.
Выздынуться — подняться.
Выневодить — выловить неводом.
Выпружить — вывалить, опрокинуть.
Выть — приём пищи за один раз, еда.
Гридня — приемная комната в княжеских палатах.
Голодом итти, голодом жить — испытывать голод.
Голчать — тараторить.
Госьба (едут на госьбу) — в гости.
Гулейко — таракан.
Горносталь — горностай.
Дак — так.
Дедина, дядина — тетка, жена дяди.
Дел — паевой делёж промысловой добычи.
Дикóй — сумасшедший, шальной, не в своем уме.

Добре́ — весьма, очень.
Долонь — ладонь.
Дородно — хорошо.
Епанча — старинная женская одежда.
Ерлык — письмо.
Жало́бный — в смысле жалеющий, оплакивающий.
Жѐребий — жребий.
Живёт — есть, сойдет, существует.
Живком — живьем.
Живот — жизнь; достояние, имущество; ребенок в семье; скотина во дворе.
Жира — житье.
Жировать — жить в достатке, в довольстве, спокойно, привольно.
За незаправду — облыжно.
Завидеть — ненавидеть.
Зажалеть — начать жалеть.
Закастить — запачкать, загрязнить.
За́махи, на замахи — в тот момент, когда замахивается.
Заощериться — оскалиться, улыбнуться, оголить зубы.
Заплывчиво — запальчиво.
Зареветь — закричать.
Зводень, взводень — высокая волна.
Звоз — взвоз — бревенчатый въезд на поветь (крытое помещение во втором этаже, куда складывают сено и хозяйственную утварь; поветь помещается над двором для скота).
Здиваться — удивиться.
Здымать — поднимать.
Златоверховат (о тереме) — златоверхий.
Зрадоваться — обрадоваться.
Зычать — громко кричать.
Ись, йись — есть.
Иншшоё — иное, другое, некое. Иншшоё царьсво — иноземное, чужое, вражеское. А. Д. Григорьевым отмечено, что слово «иншьшоё» при пении «делится перерывом голоса на две части иншь/шоё и имеет сильное ударение на первом и» (т. I. Стр. 377).
Ишша — еще.
Карапь — корабль.
Карбас — гребная, парусная лодка для речного и морского прибрежного плавания.
Кинать — бросать, кидать.
Кичига — верхняя короткая палка цепа (молотило).
Колонуться — стукнуть, брякнуть.
Конаться — просить, умолять.
Копить, скопиться (о людях) — собираться в одном месте.
Косач — тетерев.
Косицы — виски.
Косьё — кости, костяк.
Кошевчато, косисчато окно — сделанное из досчатых косяков.
Кретня, «кретня взяла неизумелая» — обезумела. А. Д. Григорьев указывает, что на его вопрос о значении слова «кретня», М. Д. Кривополенова ответила: «бытто она збезумницяла, она сама пришла навязыватьсе» (Григорьев, т. I, стр. 387).
Кстить — крестить.

К у н а — куница.

К у́ р е в а — пыль, дым.

К у т ы р а, «кутыра боярская» (в старине «Князь Димитрий и Домна»). Согласно словарю А. Подвысоцкого — «кутырник, кутыря (собир. кутырьё) — насмешливое прозвище подьячных, канцелярских писцов. Слово помечено, как онежское». (А л е к с а н д р П о д в ы с о ц к и й. Словарь Областного Архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПБ. 1885, стр. 79). Однако, по мнению А. Д. Григорьева, это слово заменило первоначальное выражение «как у тура», подтверждение чего он находит в ряде вариантов другой редакции: «Да у Митрея походоцька, да тура-то боярьского» и «Походка-ка у Митрея, да как у тыры боярьское». (Григорьев, т. I, стр. V.). Таким образом, речь идет, возможно, о забвении и переосмыслении первоначального значения слова в устной традиции.

К у р о п ц и — белые куропатки.

Л и х о — неохота, лень; горе.

Л и с т в и ц а — лестница.

Л о́ д ь я или л а д ь я — старинное большое мореходное палубное плоскодонное судно о трех мачтах с одним большим на средней мачте парусом.

Л о п о т ь е — одежда.

М а т е н ь к а, м а т и н к а — матушка.

М л а д е н ь — младенец.

М о р ш и н ы — складки, сборки (на одежде).

М у р а в ы й — зеленый.

М у р о к — лужок, лесная полянка.

Н а п е т у, п я т у (о двери) — настежь.

Н а д с м а т р и в а т ь — присматривать.

Н а д о м н о — надобно.

Н а к л а д — налог.

Н а к о́ н — раз, прием.

Н а с а́ д — старинное гребное и парусное судно.

Н а с в а т ы в а т ь с я — присватываться.

Н а т ь — приходится, надо.

Н е и з у м е л а я — безумная.

Н е п о с л у ш л и в — непослушный.

Н о в о́ й — другой, иной.

О — предлог, употребляется иногда вместо предлогов к, с, по — «Итти о морэ» — к морю, по берегу моря. «Пошла о сыне» — с сыном.

О б л е г а т ь с я (о перила) — напирать, опираться телом.

О б о д в е р е н к и — дверная притолока, косяк двери.

О б о л ь н у т ь — покрыться налетом.

О б р е м к а т ь с я — оборваться.

О б с к а з а т ь — рассказать.

О д и ч а т ь — сойти с ума, рехнуться.

О к а т и т ь с я — поскользнуться.

О к о м е л к и — обрубки, культяпки.

О п р и с т а т ь — устать.

О п у т ь н и — путы.

О р а т ь — пахать.

О р д а с т ы й — полосатый, от слова орда, — бурундук, темносерый полосатый пушной зверек.

О с т р ы й — умный.

О с л ы ш а т ь с я — ослушаться.

О т р у ш а т ь — отрезать.

Отсмеять — ответить насмешкой на насмешку, отомстить.
Отступиться — бросить, расстаться.
Оттепки — обрубки.
Охвота — охота.
Охвоч — охоч.
Павнучата — правнучата.
Парух — парень.
Пасть — упасть.
Патрать — марать, пачкать, грязнить.
Пахать — мести.
Певун — петух.
Перепахнуть (о вести) — перемахнуть, дойти.
Пересекать — прерывать речь.
Пеструхи — тетерки, самки.
Пета́, пята́ — деревянный шпенек, на котором ходит дверь.
Побывальщина — бывальщина, рассказ о подлинном происшествии.
Повалиться — прилечь, лечь спать.
По́ветерь — попутный ветер.
Погода — непогода, буря, шторм.
Подорожник — грабитель на дорогах, разбойник.
Подорожники — всякие приготовляемые на дорогу съестные припасы, преимущественно печенье — хлеб, пироги, шаньги и пр.
Пожня — сенокосное угодье, участок для покоса.
Поленица, поляница — богатырица, иногда в смысле богатырь; здесь в смысле богатырь.
Полон — плен.
Понюгальце — кнут, батог или палка, которой погоняют коня.
Попонюгивать — погонять.
Порато — очень, сильно, крепко.
Посыльник — гонец, посыльный.
Поторчинка — стебель сухой травы, торчащий из земли.
Похва́сно слово — похвальба.
Почать — начать.
Приворотить — зайти по пути.
Приворотники — привратники.
Приокутать — накинуть сверху, завернуть во что-нибудь.
Приопасть (о руках) — опуститься.
Припоконться — скончаться.
Припособить — вторить, аккомпанировать.
Пристали́ще — пристань, причал.
Проглонуть — проглотить.
Прозвитель — прозорливец, прозритель.
Пыл — жар. У пылу — у огня (Объяснение М. Д. Кривополеновой. Приведено у Григорьева).
Ребы, рябы — рябчики.
Ревливый — плаксивый.
Робить — работать.
Рукобитное платье — платье или одежда, которая надета на девушке в день, когда совершается обряд рукобитья; рукобитье — часть свадебного обряда, когда родители невесты объявляют согласие на замужество дочери, рукобитьем называется и самый день, когда оно происходит.
Рукодано, рукоданый кусок — кусок хлеба, что дают сидящему за столом лицу, которое не смеет само взять хлеб с блюда.

Рукопашкою, «вы своим судом судите да рукопашкою» — судить силой, боем.

Рушать — резать.

Сглонуть — проглотить.

Сграбиться — схватиться.

Седатый — седой.

Середа кирпичная — старинное значение: поднятое на ступень место перед печью, мощеное кирпичом, пол.

Скакливый — скакун.

Скатный (о жемчуге) — крупный, отборный, ровный.

Скусной — вкусный.

Сколотный (ругат.) — внебрачный.

Слега — жердь, которая кладется поперек стропил.

Смиять — осмеивать.

Собина — имущество. «Свои деньги» — объяснение М. Д. Кривополеновой. (Приведено у Григорьева, т. I, стр. 382).

Советно — дружно.

Спичка — деревянный гвоздь, который вбивается в стену и служит вешалкой.

Спознать — узнать, опознать.

Спровожать — провожать.

Спустить — отпустить.

Средить (пир) — собрать устроить.

Сробить — сработать.

Ста́рина — былина.

Стоптать — растоптать.

Стреча — встреча.

Стретный — встречный.

Строк — срок.

Тасмяный — из тесьмы.

Тулово — туловище.

Тыл — затылок.

Упадка — робость, страх; «не с упадкою» — бодро, решительно.

Уезд — отъезд.

Украй — окраина, край, страна.

Хрущатый (о парче, ткани) — твердый, жесткий. Хрущатая камка — парча или плотная шелковая ткань.

Целком — целиком.

Череп — глиняный черепок, осколок битой посуды.

Чуть — слышать.

Чухарь — глухарь.

Шиленище — здесь в смысле шинель.

Шшап — щап, щеголь, франт.

Этта — здесь.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. Д. КРИВОПОЛЕНОВОЙ

А. Д. Григорьев, посетивший первым Шотогорку, где производил записи от М. Д. Кривополеновой с 6 по 8 июля 1900 года (по старому стилю), привел в своей книге и первые биографические сведения о сказительнице:

«Марья Дмитриевна Кривополенова или Трехполенова (по мужу ее называют Тихонóвкой) — крестьянка деревни Шотогорки, окóлка Холма, пятидесяти семи лет, малого роста, в пестрядевой рубашке, в синяке и повойнике. Родом она из д. Усть-Ежуги, лежащей на правом берегу р. Пинеги при начале Мезенского тракта. Отец ее умер рано, а мать тогда, когда она уже была пожилой. Ее и других детей «рóстил« дедушка. Брат Марьи и теперь живет хорошо в Усть-Ежуге. На двадцать третьем году она вышла замуж за крестьянина сапожника Тихона Кривополенова из д. Шотогорки и живет с ним уже тридцать четыре года», (Григорьев, т. I, стр. 333).

О. Э. Озаровская, встретившаяся летом 1915 года с «лесной бабушкой», как она называла Кривополенову, указывает ее возраст — семьдесят два года. Свою книгу «Пятиречье» Озаровская посвятила светлой памяти Кривополеновой с таким обозначением: «род. в 1844 г. 8 апреля в деревне Усть-Ежуга, ум. в 1924 г. 8 марта в деревне Веегора на р. Пинеге».

Иногда в печати появлялись и различные другие противоречивые сведения. Так, в Детском отрывном календаре Детгиза за 1944 год было отмечено 24 июня 1844 года, как день рождения М. Д. Кривополеновой. Сотрудница Архангельского Дома народного творчества, побывавшая на Пинеге, разыскала неподалеку от деревни Чакола могилу сказительницы и списала надпись с простого деревянного креста: «Здесь покоится тело славной сказительницы древних былин Марии Дмитриевны Кривополеновой. Родилась 1 апреля 1844 года, умерла 8 февраля 1924 года». Однако и эти даты оказались неверными.

Справки, наведенные нами по материалам Государственного архивного фонда СССР, хранящимся в Архангельском государственном архиве, помогли установлению более точных дат для биографии М. Д. Кривопо-

леновой. Так, в метрических книгах Пинежского уезда, Чакольского прихода, по церкви святой великомученицы Екатерины за 1843 год под номером шестым обнаружена запись:

«Устьежугской деревни государственный крестьянин Дмитрий Никифоров Кабалин и законная жена его Агафья Тимофеевна, оба православного вероисповедания; родилась дочь Мария 19 марта 1843 года, восприемниками были Перемского прихода Березницкой дер. крестьянская девка Агриппина Тимофеевна Чупакова, таинство крещения совершал священник Михаил Ивановский, пономарь Михаил Денежников». (Фонд № 29, лист 179/3).

В метрических книгах Пинежского уезда, Перемского прихода, за 1867 год о бракосочетавшихся найдена запись и о замужестве Марьи Дмитриевны:

«8 февраля 1867 года Шотогорской деревни крестьянин Иван Тихонов Кривополенов, православного вероисповедания, первым браком, Пиринемского прихода Ежугской деревни крестьянская девка Мария Дмитриевна Кабалина, православного вероисповедания, первым браком двадцати трех лет, таинство совершил священник Аполлоний Иванов, с приемниками Федотовым и Звездиным, пономарь Иван Звездин» (Фонд № 29, лист 464).

Удалось установить имя и дату рождения деда Марьи Дмитриевны Кривополеновой, от которого сказительница перенимала старины. В метрических книгах Пинежского уезда Перемского прихода за 1786 год записано: «У черносошного крестьянина Никиты сына Кабалина 3-го июля 1786 года родился сын Никифор, крещен того же дня священником Алексеем Федотовым, диакон Леонтий Федоров» (Фонд № 29, лист 404).

Даты смерти его, а также смерти отца Марьи Дмитриевны установить не удалось, однако, по крайней мере, известно, что когда ей было пять лет, оба еще были живы, что явствует из исповедальных книг: в росписи бывших у исповеди за 1848 год по Чакольскому приходу записано: «Усть-Ежугской деревни крестьянин Никифор Кабалин, 62 лет, жена его Мариамна Елисеевна, 62 лет, сын их Димитрий 35 лет, дети: Евдоким 9 лет, Мария 5 лет, Никита 2 лет» (Фонд № 29, лист 24/484).

Дата смерти М. Д. Кривополеновой установлена на основании выписки, полученной нами из Областного архива ЗАГС в Архангельске. Согласно актовой записи о смерти по Михайловскому ВИКу Пинежского уезда за 1924 год, № 8, Марья Дмитриевна Кривополенова умерла 2 февраля 1924 года в деревне Веегоры. Причина смерти указана — «от старости лет». Возраст — 78 лет. Смерть была зарегистрирована 3 февраля. Заявление о смерти сделано Соболевым Ефремом Кирилловичем. Похоронена М. Д. Кривополенова на чакольском кладбище.

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания текстов М. Д. Кривополеновой

1. А. Д. Григорьев, Архангельские былины и исторические песни, собранные в 1899—1901 гг., с напевами, записанными посредством фонографа, т. I, ч. II — Пинега, изд. Академии Наук, Москва, 1904, стр. 333—391, № 75 (111) — 88 (124) (Рецензии на это издание: *А. Лобода*, Журнал Министерства народного просвещения 1905, сентябрь; Н. В. В., «Этнографическое обозрение», 1904, № 4).

2. О. Э. Озаровская, Бабушкины старины, изд. «Огни», П., 1916.

3. О. Э. Озаровская, Бабушкины старины. 2-е изд., Москва, 1922. (Рецензия на это издание: «Печать и революция», 1922, кн. VIII, стр. 222, С. Городецкий).

4. М. Д. Кривополеновa, Сказка «Верная жена», журнал «Красная Нива», 1926, № 29. Отсюда эта сказка перепечатана в сборнике «Русская сказка», том II, изд. «Академия», стр. 357—365.

5. О. Э. Озаровская, Пятиречие, Изд-во писателей в Ленинграде, Л., 1931 (№ 1 — «Верная жена», № 19 — «Козаченько», № 34 — «Вавило и скоморохи», № 37 — «Безручка», № 40 — «Дурень»).

Тексты М. Д. Кривополеновой, в особенности «Вавило и скоморохи», неоднократно перепечатывались в различных хрестоматиях и сборниках, в том числе:

6. Былины. Исторические песни, под ред. М. Н. Сперанского, т. II, М., 1919, изд. Сабашниковых, стр. 288—294.

7. Былины. Русский героический эпос, под ред. Н. П. Андреева, «Библиотека поэта» (Большая серия), 1938. Напечатано: «Илья Муромец и идолище», «Алеша Попович и сестра братьев Петровичей», «Вавило и скоморохи».

8. Былины. Сборник для учащихся средней школы, составил Ю. М. Соколов, Учпедгиз, 1937. Напечатано: «Вавило и скоморохи».

9. «Северное народное творчество», сборник, Архангельск, 1939. Напечатано: «Вавило и скоморохи», «Талань».

10. Русский фольклор, хрестоматия для высших педагогических учебных заведений, составил проф. Н. П. Андреев, 2-е изд., М. — Л. 1938, стр. 273—277. («Вавило и скоморохи»).

11. Былины. Редакция и примечания М. Булатова, Детгиз, 1938, стр. 223—228. Напечатано: «Путешествие Вавилы со скоморохами».

12. Русский народный эпос. Сводный текст. Составил проф. Н. В. Водовозов, М., 1947, стр. 372—378. («Вавило и скоморохи»).

О творчестве М. Д. Кривополеновой

1. Б. М. Соколов, Сказители, М., 1924., Гос. изд-во.

2. Б. М. Соколов, О житейных и апокрифических мотивах и былинах, «Русский Филологический Вестник», 1916, № 3, гл. IV (о «Вавиле и скоморохах»).

3. Ю. М. Соколов, Русский фольклор учебник для высш. учебн. заведений, Учпедгиз. М., 1938, стр. 243.

4. М. Н. Сперанский, «Предисловие к изд. Былин», т. II (см. выше).

5. А. А. Каретников, Марья Дмитриевна Кривополенова — сказительница былин, Архангельск, 1916 (Тоже в «Известиях Архангельского общества изучения Севера», 1916, № 1).

6. О. Озаровская, Северные старины, газета «Северное Утро», Архангельск, 1915, 28 и 29 ноября № 264 и 265 (перепечатка из «Биржевых Ведомостей» (См. также предисловие Озаровской к книге «Бабушкины старины»).

7. М. М. Соколов, Экскурсы в области поэтики художественного фольклора, журнал «Художественный фольклор», 1926, № 1, стр. 33.

8. С. С. Бабушка сказительница, «Временник», изд. «Северного кружка любителей изящных искусств», Вологда, 1916, стр. 46—48.

9. О. Озаровская. Перед портретом (Памяти М. Д. Кривополеновой), «Красная нива», 1926, № 29 (18 июля), с двумя фотографиями М. Д. Кривополеновой.

10. Э. Г. Морозова (Бородина), Беломорская сказительница Аграфена Крюкова, альманах «Север», Архангельск, 1946, стр. 178—192. (Здесь сравнение творчества М. Д. Кривополеновой и А. М. Крюковой).

11. А. Морозов. М. Д. Кривополенова, «Правда Севера», Архангельск, 1945, 13 марта.

12. Александр Морозов. Скоморохи на Севере, альманах «Север», Архангельск, 1946. (Старина «Вавило и скоморохи», стр. 230—234).

13. Н. Колпакова. Книга о русском фольклоре, Л., 1948. (Глава «Бабушка с Севера»).

14. Анатолий Доливо. Певец и песня, М. — Л., Гос. музыкальное издательство, 1948, стр. 21. (М. Д. Кривополенова как исполнительница).

15. Александр Морозов. Народная сказительница (к 25-летию со дня смерти М. Д. Кривополеновой, «Правда Севера», Архангельск, 1949, 4 февраля. (С рисунком по гравюре Павлинова).

16. Мария Дмитриевна Кривополенова. К 25-летию со дня смерти. Составитель А. А. Морозов. «Календарь памятных дат», изд. Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград, 1949, февраль.

ИКОНОГРАФИЯ

Живопись, скульптура, графика

Коненков Сергей Тимофеевич (род. 1874).

«Портрет сказительницы Кривополеновой». Скульптура, 1916, Дерево 40×24×35.

Находится в экспозиции Государственной Третьяковской галлереи. (Залы XXX—XXXI. См. «Каталог Государственной Третьяковской Галлереи», изд. 23-е, М., 1947, стр. 219. Фотографический снимок с этой скульптуры воспроизводится в нашем издании.

«Вещая старушка». Скульптура, 1916. Дерево.

Воспроизведено: «Каталог второй выставки скульптур С. Т. Коненков». М., 1916—1917. Также: С. Глаголь, С. Т. Коненков, Монография. П., 1921, 2-е, изд. «Светозар». П., 1923.

Находилась в частном собрании Филимонова.

Местонахождение в настоящее время неизвестно.

Фотографический снимок с этой скульптуры воспроизводится в нашем издании.

«М. Д. Кривополенова». (Голова). Скульптура, 1916. Раскрашенный гипс: Было отлито два экземпляра. Один находился в Музее Народоведения в Москве. Другой поступил в один из провинциальных музеев. Более точных сведений не имеется. В монографии о Коненкове не отмечено.

Гольдингер Екатерина Васильевна (род. 1881).

«Сказительница былин Марья Кривополенова». Портрет, Масло, 1916. 80×55.

См. «Каталог XIII выставки Союза русских художников», М., 1915—1916, № 115.

В настоящее время хранится в собрании Фольклорного отдела Института Русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинский Дом) в Ленинграде.

Приобретен у О. Э. Озаровской.

«Портрет М. Д. Кривополеновой». Масло, 1916, 75×60.

Выставлялся в 1937 году в Москве на художественной выставке. Продан с выставки. Местонахождение не установлено.
Портрет М. Д. Кривополеновой, масло, 1921. 50×40.
Хранится у художницы Е. В. Гольдингер. (Москва).

«М. Д. Кривополенова». Рисунок, 1916, 30×23.

Хранится в фондах Государственной Третьяковской галлереи. Воспроизводится впервые в нашем издании.

«М. Д. Кривополенова». Рисунок, 1916.

Воспроизведен на обложке книги: «О. Э. Озаровская. Бабушкины старины», изд. «Огни», II., 1916.

Симонович-Ефимова Нина Яковлевна (1877—1948).

«Портрет сказительницы Кривополеновой». Офорт, 1916, 66×51.
Воспроизводится впервые в нашем издании.

«М. Д. Кривополенова». Рисунок, 1916, 30×25.

Воспроизводится впервые в нашем издании.

Павлинов Павел Яковлевич (род. 1881).

«Портрет сказительницы былин М. Д. Кривополеновой». Гравюра на дереве, 1916, 23×12.

Находится в экспозиции Государственной Третьяковской галлереи, М., (Зала XLIII). «Каталог Государственной Третьяковской галлереи», изд. 23-е, стр. 262.
Воспроизведен в книге: «Былины. Исторические песни». Под ред. М. Н. Сперанского, т. II, М., 1919.

Корин Павел Дмитриевич

«Древний сказ». Триптих, Масло, 1943.

Портретное изображение М. Д. Кривополеновой включено в композицию триптиха.

Выставлялся в 1943 году на выставке «Героический фронт и тыл».

Фото

1. М. Д. Кривополенова. Журн. «Солнце России», 1915, Декабрь, № 50—51, стр. 16.

2. М. Д. Кривополенова и артистка О. Э. Озаровская. Журнал «Искры», приложение к газете «Русское слово», 1915, № 40, 11 октября.

3—4. Два фото М. Д. Кривополеновой. Приложены к книге: «О. Э. Озаровская. Бабушкины старины», изд. 1918 и 1922 гг.

5—6. Два фото М. Д. Кривополеновой — «Красная Нива», 1926, № 29 (18 июля).

Розыски и подбор иконографического материала для настоящего издания произведены Э. Г. Бородиной-Морозовой.

О ЗАПИСЯХ НАПЕВОВ ОТ М. Д. КРИВОПОЛЕНОВОЙ

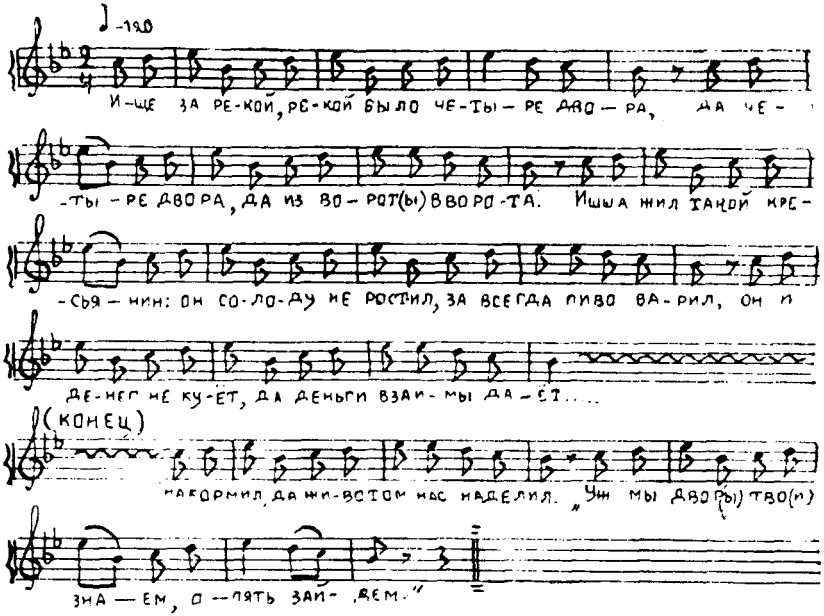
Записи напевов от М. Д. Кривополеновой были впервые произведены в 1899—1901 гг. А. Д. Григорьевым посредством фонографии и опубликованы в нотном приложении к первому тому «Архангельских былин» А. Д. Григорьева в 1904 году (см. библиографию). Расшифровку напевов с валиков фонографа и перевод записей на ноты производил И. С. Тезавровский. Работа эта, как указывает И. С. Тезавровский, была осложнена несовершенством фонографа и неустойчивостью интонаций и ритма у большинства сказителей, исполнявших былины и исторические песни для Григорьева. Так как отдельные ноты в исполнении звучали интонационно несколько выше или ниже, или несколько короче или длиннее по сравнению с нотным изложением И. С. Тезавровского, то он счел необходимым ввести ряд дополнительных значков, обусловливающих эти незначительные отклонения.

Однако записи с напева М. Д. Кривополеновой таких дополнительных значков не потребовали, что говорит о безукоризненной интонации и чувстве ритма талантливой сказительницы. Эти качества М. Д. Кривополеновой отмечает и О. Э. Озаровская. В 1921 году с напева М. Д. Кривополеновой почти все приведенные в настоящем издании песенные примеры записал В. Г. Каратыгин, и фонографические записи, расшифрованные И. С. Тезаровским, в основном совпадают с записью В. Г. Каратыгина, несмотря на двадцатилетний разрыв между исполнениями.

Исключением является запись В. Г. Каратыгина «Небылицы», где он не сумел уловить характерной асимметрии в расстановке опорных звуков, и песня получилась обедненной.

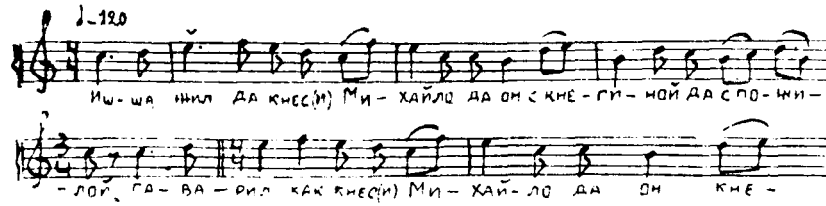
Тексты в нотных примерах даны по Григорьеву.

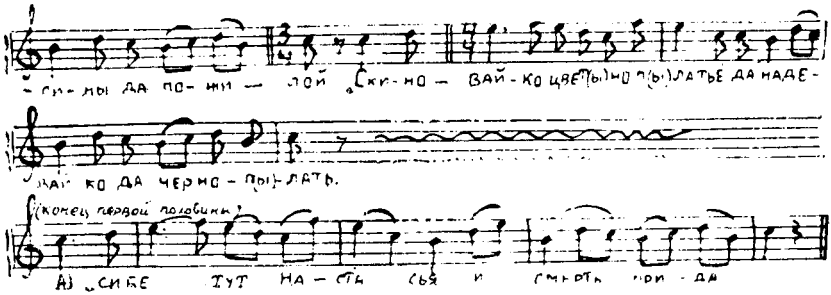
„Усишши". Скоморошья перегудка



Очень несложный трехтактного сложения со звукорядом в объеме кварты напев плясового характера, стиль, свойственный скоморошьим бытовым песням (былинам), с большим юмором изложенным, в отличие от торжественного тона и степенного изложения героических старин.

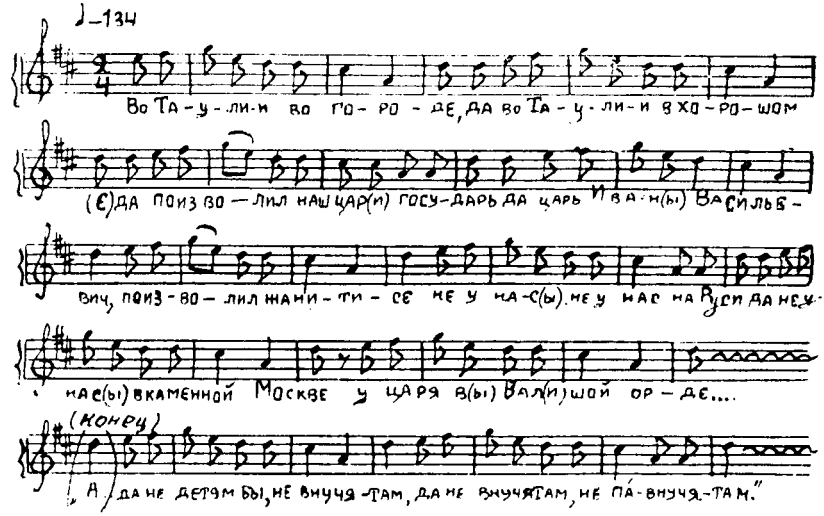
Былина „Князь Михайло"





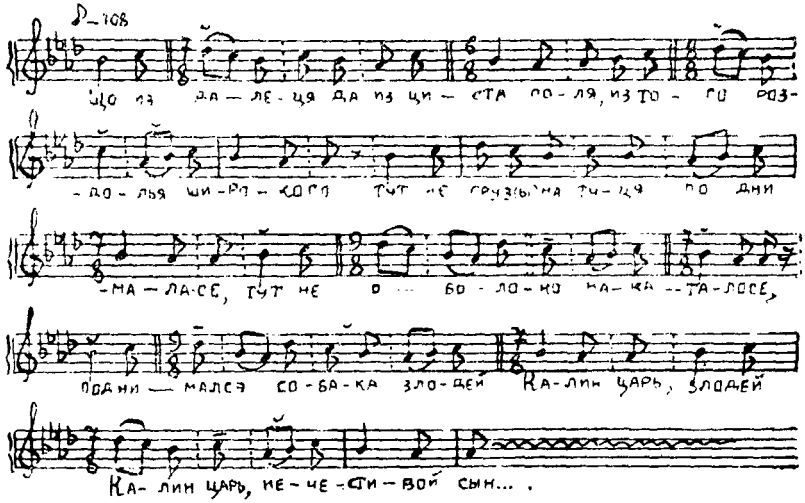
Быстро и без всякого вступления развертывающаяся фабула определяет характер и темп напева. Четырехтактное, сравнительно редко встречающееся сложение. Звукоряд в объеме уменьшенной квинты. Интересна задержка на вводном тоне во втором и третьем тактах, определяющая динамичность дальнейшего построения (и, в частности, снятие одной доли в четвертом такте).

„Кострюк". Скоморошья старина



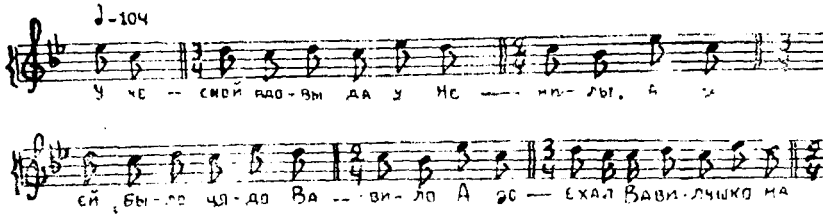
Напев плясово-прибауточного характера трехтактного склада. Очень типичное для плясовых песен этого склада противопоставление двух тактов доминантовой основы третьему такту тонической основы. В первых двух тактах в наличии все звуки полного доминантсептаккорда, как бы разрешающегося в третьем такте в тонический унисон. Очевидно, исполнение ее скоморохами сопровождалось обязательным инструментальным наигрышем.

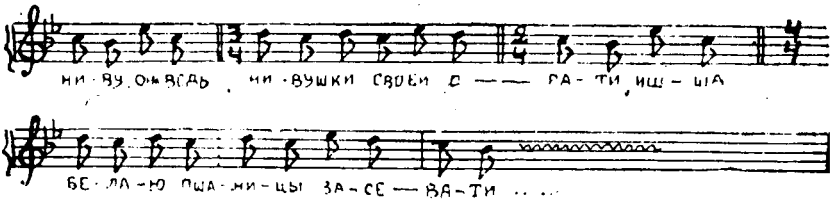
Былина „Илья Муромец и Калин-царь"



Напев построен из 14—16 восьмых нот. В прямой зависимости от импровизационного начала текста отдельные попевки варьируются и размер построения несколько изменяется. Наличие определенных опорных звуков и появления случайных опор при варьировании попевок вызывает ощущение плавного покачивания, что очень характерно для старинных подобного характера песен (Например: «Вьюн на воды», «Не ласка косатая» и др. См. сборник «Песни Севера». Архангельское областное изд-во, 1947).

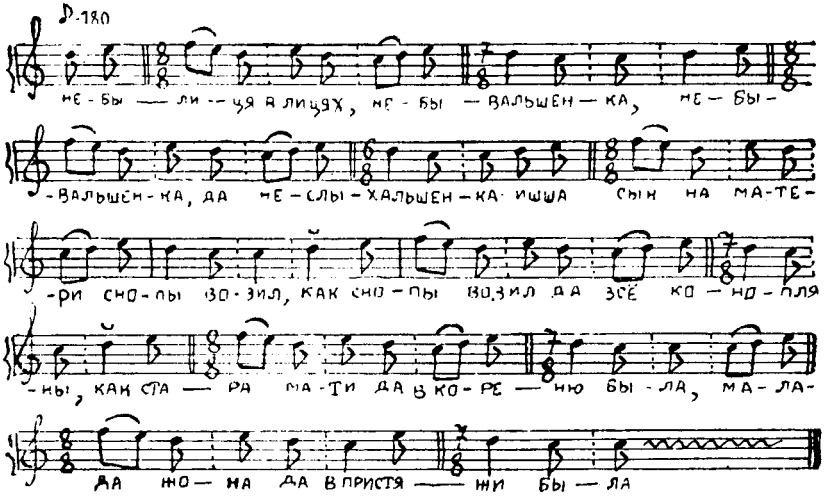
„Вавило и скоморохи". Скоморошья старина





Типичное двухтактное построение с звукорядом в объеме кварты. Непрерывность речитативной линии. Почти неизменяемое с точки зрения варьирования построение. Оно иногда лишь незначительно расширяется в зависимости от количества слогов текста.

„Небылица". Скоморошья песня



Сохранилась до настоящего времени на Пинежье. Напев состоит из 14—15 восьмых нот, изменяющихся в количестве в зависимости от текста. Не варьируется. Наличие несимметричности в расстановке опорных звуков вызывает ощущение плавного покачивания, подобно песням, приведенным в примечании к четвертому примеру.

Н. Финдейзен предложил упрощение ритмических обозначений, указав ритм смешанным « 3/8 и 2/8[1].

[1] Н. Финдейзен. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. I, 1928, стр. 163.

П. Кольцов.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Морозов, Марья Дмитриевна Кривополенова (Жизнь и творчество) 3

Былины и скоморошины

1. Вавило и скоморохи 37
2. Илья Мурович и Калин царь 42
3. Илья Мурович и Чудище 49
4. Молодость Добрыни и бой его с Ильей Муровичем . 54
5. Купанье Добрыни и бой его со змеем Горынищем . . 59
6. Алеша Попович и сестра Петровичей 61
7. Соловей Будемерович и Запава Путевисьня . . 64
8. Князь Дмитрий и Домна 70
9. Князь Михайло 74
10. Молодец Добрыня губит невинную жену . . . 76
11. Кострюк 77
12. Иван Грозный и его сын 81
13. Смерть Долгорукого 84
14. Усишша 85
15. Небылица 86
16. Небылица в лицах 87

Песни

1. Талань 91
2. Виноградье большое 92
3. Козаченько 94

Сказки

1. Череп-терем 99
2. Лисица и петух 101

3. Горшочек лихо мыть 102
4. Дурень 103
5. Безручка 105
6. Сказка про старушку и бычка 107

Приложения

Александр Морозов. М. Д. Кривополенова и наследие скоморохов 111
О текстах М. Д. Кривополеновой 135
Разночтения 136
Примечания 142
Словарные пояснения. Составила Э. Г. Бородина-Морозова 159
Основные даты для биографии М. Д. Кривополеновой . . 164
Библиография 166
Иконография 68
П. Ф. Кольцов. О записях напевов от М. Д. Кривополеновой 170

Обложка, шмуцтитулы и заставки художника С. Г. Григорьева.

Отв. редактор. *К. Коничев.* Редактор *Н. Ткаченко*
Техн. редактор. *Д. Кожухова*

Подписано к печати 20 III-50 г. Форм. бум. 60x84|16 Объем 11 п.л., +5 вклеек.
сл 02125 учетно-изд. л. 11,241 Тираж 4000 Зак. 156 Цена 5 р. 60 к.

Архангельск, Набережная им. Сталина, 86. Типография им. Склепина.